

литературный журнал

Вокзал

№3 2014

101+

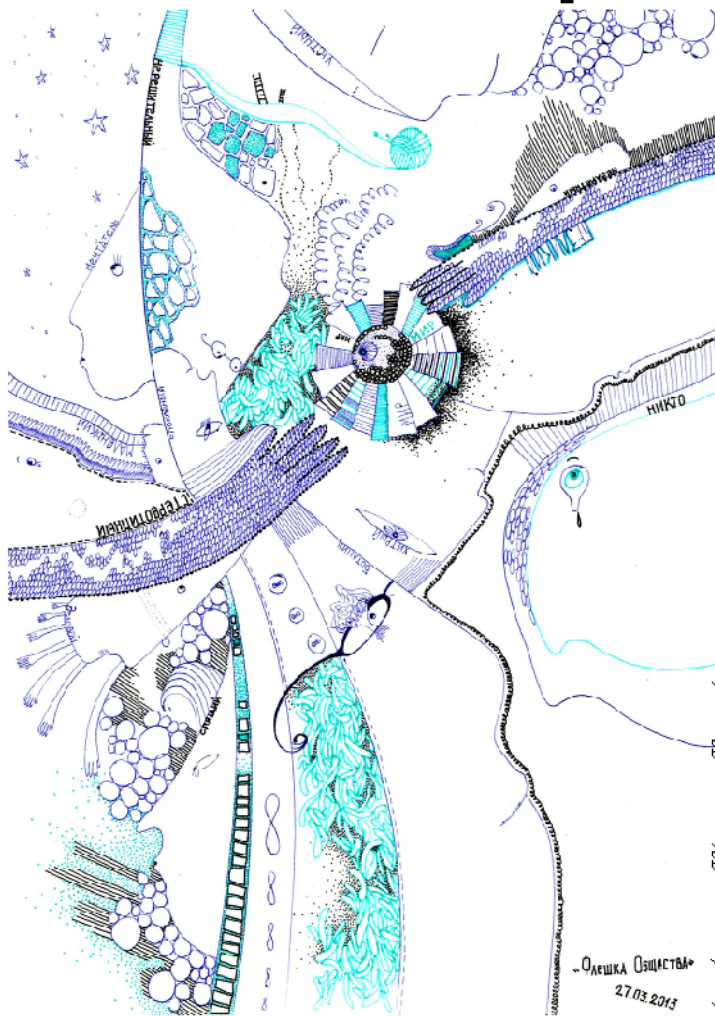

СПб

литературный журнал

Вокзал

№3 2014 [осень]

«ОЛЕШКА ОБЩЕСТВО»
27.07.2014

«Дружеска обществ» Кристина Костенко

ISSN 2303-9078

Литературный журнал «Вокзал» №3 2014.

Зеркала, зезеркалье, сны, отражения — всё это вы найдёте в этом номере.

Есть определённый уровень подготовленности прочтения текстов, и это никак не связано с биологическим возрастом. Поэтому литературно-художественный журнал ВОКЗАЛ несёт на себе метку 101+

Автор фотографии на обложке – Андрей Сурков

Редакционная коллегия журнала «Вокзал»:

Главный редактор, зав. отделом прозы:

Андрей Демьяненко (а также оформление журнала, вёрстка).

Литературный редактор, зав. отделом поэзии, корректор, иллюстратор:

Ольга Туркина (а также дизайн обложки).

Редактор, ведущая страницы на сайте «Имба-Читальня»:

Юлия Бекенская

Помощь в подборе материалов:

Елена Качаровская, Катаржина Куликовска, Аяно и Погребняк.

Информационная поддержка: *Сергей Шаповалов* (litopiter.ru)

Волонтер: *Влад Кузнецов*

Контактные данные:

Телефон: +7-950-025-18-37

Электронный адрес: vokzal@pisem.net

Сайт: vokzalspb.ru

Журнал «Вокзал»; учредитель: Демьяненко Андрей Николаевич;

гл. редактор: Демьяненко Андрей Николаевич; №3 2014 30.09.2014;

фактический тираж – 1000 экз.; перспективный тираж – 3000 экз.; цена свободная;

адрес редакции и издателя: 197082, Санкт-Петербург, ул. Туристская, д. 24/42, кв. 181.

Свидетельство о регистрации журнала: ПИ № ТУ 78 – 01020 от 28 ноября 2011 года.

Журнал «Вокзал» зарегистрирован в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

Nome: Orana Steghena

Наталья Кистион

МЕЖГОРОД

Есть города подобие рассвету,
Есть города подобие огню,
Иные города подобны ветру,
И только этот вряд ли с чем сравню
На полотне дорог, на трещинах фасада,
На зеркале подвального окна
Проступит тишина,
И вдруг собака войдёт туда,
Где быть должна стена.
Я удивлюсь – и не найду прохожих,
Лишь тени в пыльной глубине витрин,
Лишь город странный, город непохожий.
Лишь город Межгород
И небеса над ним.

Алиса проходит сквозь зеркало.

Алиса:

Я чувствую какой-то странный шорох
 Как будто часть меня осталась за границей
 Алиса, ты ли это? – По ту сторону молчанье
 Мне зеркало нахально корчит рожи
 И не ответило ни на один вопрос
 Хочу узнать, где мир собой являет
 Смешенье языков, простуды и цинизма
 В каком году родился Минотавр
 Кто изобрёл тротиловую шашку
 И дал название шахматным фигурам
 Измерил старость... Свет мой, зеркальце, скажи!

Молчанье. Показывает язык зеркалу.

Как скучно! Нет здесь даже кошек... Отзовитесь,
 Хоть кто-нибудь... Иначе я уйду!

Именно так начинается пьеса Антона Погорельника «За зеркалом». Спрашивайте книгу в редакции «Вокзала», а лучше – у автора, автор, по необходимости, обеспечит вас автографом.

Рисунок: Ольга Печенина

РАСПИСАНИЕ

Андрей Сурков	(фото) ... обложка
Кристина Костенко	(рисунок) 1:00
ВКЛАДКА -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> ->	
Ольга Туркина.....	(фото)
ВХОД НА ВОКЗАЛ -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> ->	
Наталья Кистион.....	(стихи)..... 3:00
СХЕМА ВОКЗАЛА -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> ->	
Антон Погребняк.....	(стихи) 4:00
Ольга Печенина	(рисунок) 4:00
РАСПИСАНИЕ -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> ->	5
-> -> -> Ольга Туркина	(рисунок)..... 8:00
ВКЛАДКИ > -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> ->	
Николай Кипецкий.....	(рисунок)
Кристина Костенко	(фото)
-> -> -> Андрей Демьяненко	(стихи) 9:00
КАССЫ > -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> ->	10
СПРАВОЧНОЕ -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> ->	11
ГЛАВНЫЙ ЗАЛ > -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> ->	
Анна Тащенко.....	(стихи) 12:00
Иван Катков.....	(проза) 13:00
Серафима Радченко	(стихи) 16:00
Александр Антипов	(стихи) 17:00
ДЕТСКАЯ КОМНАТА -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> ->	
Наталья Троицкая.....	(проза) 18:00
Антон Сергеев.....	(стихи) 23:00
КАМЕРА ХРАНЕНИЯ > -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> ->	
Игорь Поливанов	(проза) 24:00
Игорь Зиборов	(проза) 31:00
ВОКЗАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ > -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> ->	
Игорь Ткачёв.....	(проза) 32:00
ПРИВОКЗАЛЬНЫЙ РЕСТОРАН -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> ->	
Александра Семёнова.....	(проза) 35:00
ПЛАТФОРМА №1 > -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> ->	
Юлия Серягина.....	(стихи, рисунки) 39:00
ЛИТЕРНЫЙ ПОЕЗД -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> ->	
Татьяна Фролкина.....	(стихи) 43:00
ДАЛЬНЕЕ СЛЕДОВАНИЕ -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> ->	
Юрий Лойко.....	(проза) 48:00
Андрей Бударов	(стихи) 56:00
Алёна Шипицына.....	(стихи) 57:00
Александр Блинов	(проза) 58:00

ПОЕЗД ПОЭЗИИ -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> ->

Наталья Силантьева..... (стихи) 62:00
Антон Сергеев..... (стихи) 63:00
Константин Комаров (стихи) 64:00
Владислав Южаков (стихи) 65:00
Ольга Аникина..... (стихи) 66:00
Татьяна Безридная..... (стихи) 67:00
Ольга Фёдорова..... (стихи) 68:00
Евгения Лейсблус..... (стихи) 69:00
Андрей Орлов..... (стихи) 70:00
Ольга Печенина (стихи) 72:00
Антон Погребняк..... (стихи) 73:00

ПЛАЦКАРТ -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> ->

Иван Бугров..... (стихи) 76:00
Валентин Гусаченко (проза) 77:00

ПРОВОДНИК -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> ->

Наталья Мявча..... (стихи) 85:00
Анна Новожилова..... (проза) 86:00
Сергей Петров..... (проза) 95:00

ВКЛАДКИ > -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> ->

Наталья Ступникова(рисунки)

ВИД ИЗ ОКНА -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> ->

Дмитрий Терентьев..... (стихи) 107:00

ВЕРХНЯЯ ПОЛКА > -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> ->

Никита Бубнов..... (стихи) 108:00
Пётр Лодыгин..... (стихи) 109:00

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ВАГОН > -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> ->

Сергей Стратановский (переводы):
Поль Верлен (стихи) 110:00
Стефан Малларме..... (стихи) 111:00
Поль Валери (стихи) 112:00
Анри Мишо (стихи) 113:00
Раимон Кено..... (стихи) 116:00

ВАГОН-РЕСТОРАН -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> ->

Владислав Южаков (стихи) 117:00

СТОП-КРАН -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> ->

Елена Щегина (проза) 118:00
Дмитрий Королёв (проза) 121:00

ПЕРРОН -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> ->

Антон Сергеев..... (стихи) 129:00
Эрна Ямакова (проза) 130:00

ДЕПО -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> ->

Ефим Хазанов (стихи) 133:00

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА	> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> ->	
Елена Вологодская	(стихи)	134:00
ПУТЕВОЙ ОБХОДЧИК	> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> ->	
Анна Ташченко	(стихи)	136:00
Антон Сергеев	(стихи)	137:00
ПОЛУСТАНОК	> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> ->	
Сергей Касаткин	(проза)	138:00
ОПАСНОЕ МЕСТО	> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> ->	
Павел Беляев	(проза)	142:00
СТРЕЛОЧНЫЙ ПЕРЕВОД	> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> ->	
Елена Вологодская	(стихи)	147:00
УЗЛОВАЯ СТАНЦИЯ	> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> ->	
Татьяна Башинская	(стихи)	148:00
ФИРМЕННЫЙ ПОЕЗД	> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> ->	
Вадим Смоляк	(проза, стихи)	155:00
ПЛАТФОРМА №2	> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> ->	
Георгий Тарасов	(проза)	161:00
Лития Голова	(проза)	164:00
ВКЛАДКИ	> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> ->	
Кристина Костенко	(рисунки)	
ПЛАТФОРМА №3	> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> ->	
Кристина Костенко	(рисунок, проза)	167:00
ПЛАТФОРМА №4	> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> ->	
Яна Иванова	(проза)	173:00
Максим Легостаев	(проза)	173:00
ПЛАТФОРМА №5	> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> ->	
Антон Сергеев	(стихи)	180:00
Катаржина Куликовска	(стихи)	181:00
ВЫХОД В ГОРОД	> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> ->	
Лора Лашкова	(проза)	182:00
Георгий Кольцов	(стихи)	188:00
Андрей Политов	(стихи)	189:00
Юлия Исакова	(проза)	190:00
Антон Погребняк	(стихи)	191:00
Ольга Печенина	(рисунок)	192:00
ДИСПЕТЧЕРСКАЯ	> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> -> ->	193
> -> -> Ольга Туркина	(рисунок)	198:00
ПРИВОКЗАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ		
Инна Китасова	(стихи)	200:00

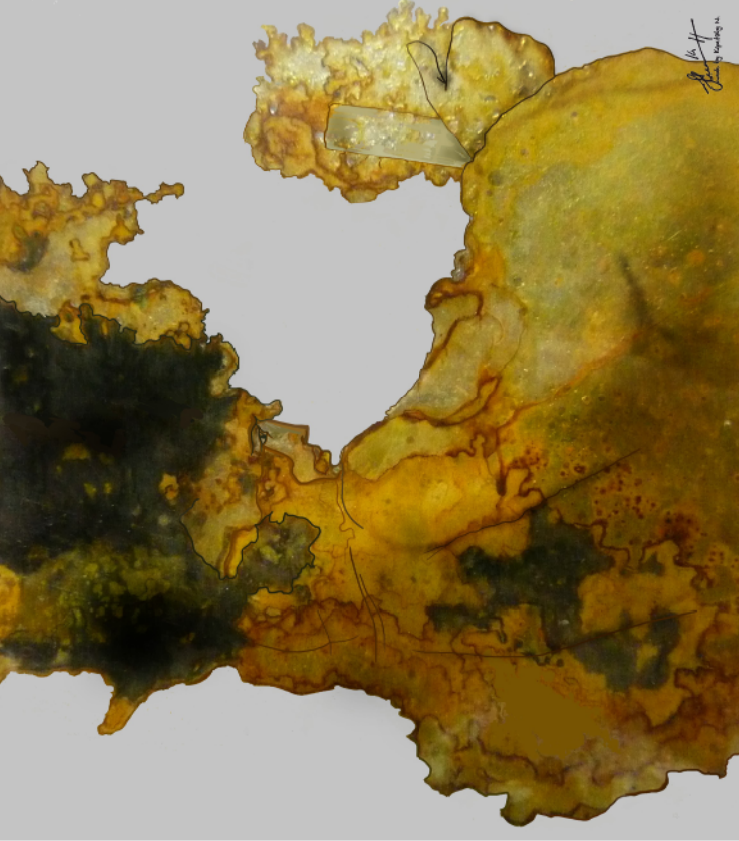
Обложки обложкою №3/14

С 13 по 31 августа 2014 года проходил конкурс на лучшую обложку зеркального номера.

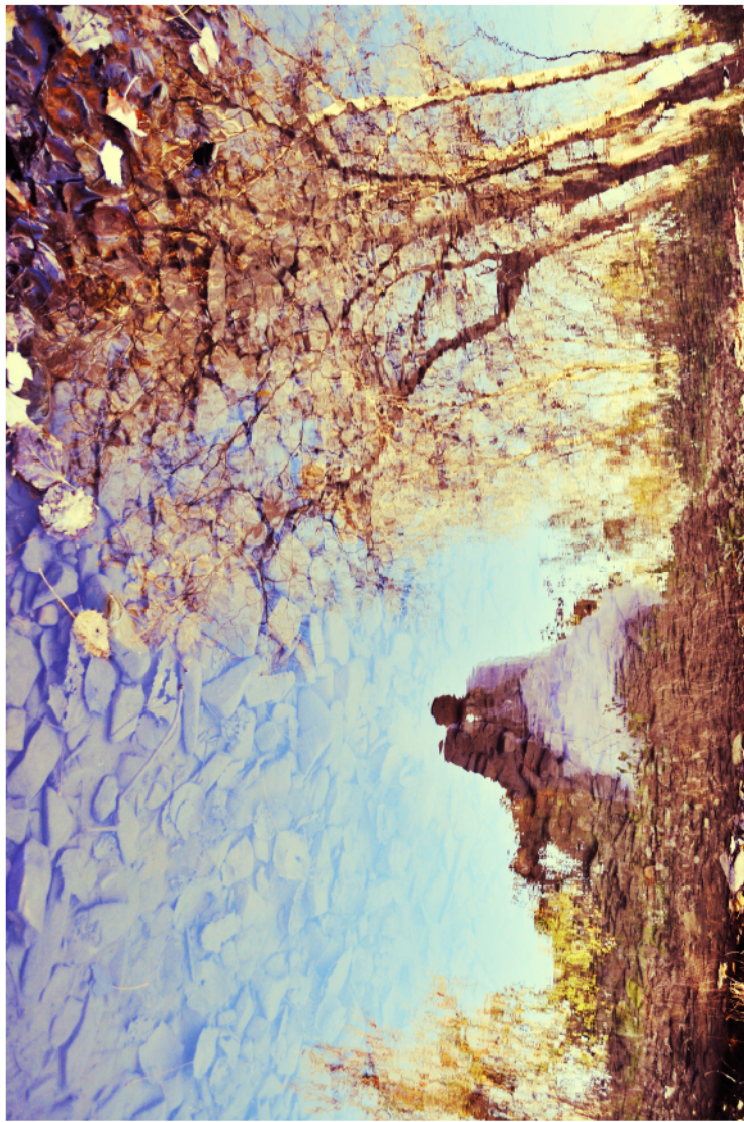
Жюри выбрало работу Андрея Суркова, которая и стала обложкой. По итогам зрительского голосования работы Кристины Костенко получили наивысшую оценку, вы их также можете найти в журнале. Но это не всё! Конкурс стал регулярным! Фотографы, художники, дизайнеры и прочий творческий люд, приглашаем к сотрудничеству! Подробности «ВКонтакте» в группе «Вокзал»! Ждём ВАС!

Рисует: Олег Сурков

«Срез стебля мускатника» Франков Ф.И.

«Отражение любви» Светлана Костенко

Андрей Демьяненко

Со мной живёт моя тоска,
Внутри пылает ненависти танец,
Пульс злобы долбится в висках,
Свирепый холод льда непониманий...

Тембрами ласка будоражит тело...
Вознёсся нежности альков,
Душа, оттаяв, радостью запела,
Со мной живёт моя любовь.

Сожительница

Со мной живёт моя тоска.
Внутри пылает ненависти танец.
Пульс злобы долбится в висках.
Свирепый холод льда непониманий...

Тембрами ласка будоражит тело...
Вознёсся нежности альков.
Душа, оттаяв, радостью запела.
Со мной живёт моя любовь.

Литературный журнал «Вокзал» ждёт вас!

Арт-галерея
“Борей”:

Санкт-Петербург,
Литейный пр., 58

КНИЖНЫЙ
магазин
“Фаланстер”:

Москва,
Малый Гнездииковский пер.,
12/27

книжный клуб
“Все свободны”:

Санкт-Петербург,
наб. Мойки., 28

КНИЖНЫЙ
магазин
“Ходасевич”:

Москва,
ул. Покровка, 6

Арт-клуб
“ЖУК”
("Старая книга"):

Санкт-Петербург,
ул. Гороховая, 39

КНИЖНЫЙ
магазин
“Проектор”:

СПб, пер. Пирогова, 18
Креативное пространство "Четверть"

КНИЖНЫЙ
магазин
“Порядок слов”:

Санкт-Петербург
наб. Фонтанки, 15

Арт-центр
“Пушкинская, 10”:

Санкт-Петербург
(вход с Лиговского пр.,
за “фиш-фабрик” налево)

может быть
↑
ЗДЕСЬ
↓
← **ЗДЕСЬ** →
ВАША реклама

КНИЖНЫЙ
магазин
“Свои книги”:

Санкт-Петербург
1-я линия В.О., 42

Журнал продаётся в книжных магазинах
СПб и Москвы (см. «Кассы»). По низкой цене
приобрести его можно на презентациях и в ре-
дакции, справки по телефону: 8-950-025-18-37

Просьбы, пожелания, вопро-
сы, предложения, информация
по презентациям и событиям
в жизни журнала – на сайте и в
группе ВКонтакте «Литератур-
ный журнал «Вокзал».
<http://vk.com/club2472063>

Журнал выходит с августа 2007 года, ежесезонно.

Почтовый адрес: 197082
Санкт-Петербург, ул. Турист-
ская, д. 24/42, кв. 181.

Сайт: <http://vokzalspb.ru/>

Е-мейл:
vokzal@pisem.net

*Литературный журнал «Вокзал» выплачивает гонорары
авторским экземплярами.*

Журнал выпускается на средства редакторов.

*С конца 2011 года, для снижения себестоимости, каждый экземпляр
выполнен нашими руками.*

*Литературный журнал «Вокзал» зарегистрирован в Управлении Федеральной служ-
бы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуника-
ций по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.*

Свидетельство о регистрации журнала ПИ № ТУ 78–01020 от 28 ноября 2011 года

ISSN 2303–9078

СЕРИЯ
ЖУРНАЛ
ВОКЗАЛ

Анна Плещенко

Я знаю, что тебе снится...

Эти глаза
видят больше, чем я могу спрятать -
тайна проста,
и всегда пишет красным на лицах...
Встречу - молчишь,
но лукаво светящимся взглядом
мне говоришь:

"Я знаю,
что тебе снится"...

Сны - хоть куда,
но пора воплощать их в реальность -
хитрость проста,
и всегда пахнет липовым мёдом...

Я обернусь,
чтобы взглядами мы попрощались,
и улыбнусь -
я знаю,
что не заснёт он...

...Видели в снах
и клубнику, и яблоко с розой -
сущность проста,
и всегда совпадает по смыслу...
Сонник, прощай -
всё понятно, уже нет вопросов,
и, спать ложась,
мы знаем,
что нам приснится...

Каждый свой шаг
сделал из сновидения в вечность -
вечность сложна,
и любовь не всегда только в спальне...

Спим и не спим,
переводим бордовые свечи...

Ты ощутил? -
мы стали
в сто раз реальней...

Левша

Максим докурил, щелчком отправил окурок в урну и втиснулся в переполненный трамвай.

Через двадцать минут тряски он вышел на «Пролетарке».

Трамвай, покачиваясь, с грохотом отъехал от остановки и скрылся за поворотом.

Дождавшись зеленого сигнала светофора, Максим перешел дорогу и торопливо зашагал по улице.

«Сейчас в мастерскую, – размышлял он, закрываясь от холодного осеннего ветра, – а потом в институт. К третьей паре должен успеть...»

– Друг, – окликнул его его мужчина в чёрной болоньевой куртке, – сигаретами не богат?

Максим остановился, протянул пачку.

– Можно парочку?

– Валяй, – кивнул Максим.

– От души, братишка, спасибо, выручил, – прохожий отошел в сторону и стал прикуривать, роняя спички.

Максим двинулся дальше.

Из арки, преградив Максиму путь, выехал мотоциклист на спортивном байке. Взвизгнув, байк сорвался с места, вырुлил на дорогу и через секунду исчез.

В кармане завибрировал мобильник. Максим достал телефон и глянул на экран.

«Я скучаю, малыш (((скорей бы вечер. лю тебя***»

Улыбнувшись, Максим набрал ответ и спрятал телефон.

Свернул на улицу Свердлова, прошел мимо гаражного кооператива и оказался у высоких металлических дверей мастерской. Постучал.

– Входите, не заперто, – услышал Максим знакомый голос.

Толкнул плечом тяжелую дверь и вошел.

В мастерской пахло моторным маслом и древесной стружкой. В углу мерно гудел электрический щиток. Над ним крепился выцветший плакат с изображением Лады десятой модели.

– Здорово, дядь Миш, – громко сказал Максим.

Столяр сидел на огромном верстаке и шкуркой зачищал

плечики для одежды. Это был крупный пятидесятилетний мужчина. Лысый, с седыми вислыми усами и глубоким шрамом на лбу. Грязная рубашка наполовину расстегнута, грубый медный крест на рельефной груди.

– Ну здоров, коль не шутишь, – ответил столяр, не отрываясь от своего дела, – где пропадал-то? Чет не видать ты давно.

– Да, дела были, – отмахнулся Максим, – учеба, сессия...

– Эх, епт, деловой какой стал, ты погляди.

Миша молодцевато спрыгнул с верстака и убрал плечики в ящик. Из кармана рубашки вытянул сплюсненную пачку «Тройки». Чиркнул спичкой, закурил.

– Слушай, дядь Миш, – Максим присел на табурет, закидывая ногу на ногу, – просьба у меня к тебе небольшая.

– Что такое? – сплюнул сквозь зубы Миша и уронил пепел в консервную банку.

– Вещицу одну надо починить. Ты ведь у нас все можешь. Если че, за мной не заржавеет.

– Ой, отвяжись, – нервно махнул рукой столяр, – не до тебя сейчас. Работы, вон, завал. Не разгребу никак.

– Дядь Миш, вот так надо, – ребром ладони Максим провел по горлу.

– Сказано тебе – нет. Некогда мне.

– Ну дядь Миш, выручи в последний раз, ну будь ты человеком, – заскулил Максим.

– Ладно, хрен с тобой, – недовольно пробурчал Миша, – показывай, что там у тебя.

Максим вынул из кармана целлофановый сверток и протянул Мише.

Развернув целлофан, столяр увидел человеческое сердце. Редко подрагивая, оно источало бурые сгустки крови.

– Хм, дела, – усмехнулся Миша в усы, положил орган на ладонь и несколько раз подбросил, – что, не фурычит?

– Не чувствует совсем ничего, загрубело, – сказал Максим, уныло пожимая плечами.

– Да уж вижу, – ответил столяр, рассматривая сердце, – вон как скукожилось все...

Вдруг сердце выскользнуло из его крючковатых пальцев и шлепнулось на верстак, подняв небольшое облачко пыли.

– Тьфу ты, – дернул головой столяр и поднял сердце.

- Ну так как,- еле сдерживал себя Максим,- почи-
нишь - нет?

- Отчего же нет? Можно... К завтраму будет готово.

- Ты не понимаешь! - рявкнул Максим,- мне сегодня
нужно! У меня свидание вечером!

- Ну-ну, сбавь обороты. Вижу, что очень надо... Ладно,
обожди мальчика, шас сделаю.

- Пойду, на улице подожду,- отворачиваясь, пробормо-
тал Максим,- душно тут у тебя...

Через десять минут столяр приоткрыл дверь и жестом
подозвал Максима:

- Все готово. Принимай работу.

Максим бережно обернул сердце целлофановым паке-
том и спрятал в карман ветровки.

- На вот. Будет пошаливать - коли,- сказал Миша, про-
тягивая Максиму упаковку с ампулами.

- А что это?

- Это сыворотка специальная. Шурин из Москвы при-
слал. Синтетика, конечно, но где теперь сыщешь натураль-
ное сырье...

- Да что за сыворотка-то?

- А бес ее знает,- пожал плечами столяр,- знаю только,
что в составе доброта, любовь, нежность и сострадание. Го-
ворят помогает. Мне она уже ни к чему, я старый, а ты мо-
лодой, бери, пригодится.

Максим взял ампулы, поблагодарил столяра и вышел
из мастерской.

Серафима Раденко

Мамонтята

Не выкинуть порой из головы дурацкий сон, навязчивый пустяк.

Я мамонтят спасала из Невы, плывущих по-собачьи мамонтят. За ними, словно видя в них мишень, шли женщины на лодках по волнам и били измождённых малышей по спинкам и по мокрым головам.

Откуда-то я знала день и час, когда проплыть им мимо суждено, но выловить могла не всех, а часть, другие обречённо шли на дно. Они размером были, как щенки. Их строй неровный медленно редел. Я мчалась, задыхаясь, вдоль реки, ища впотьмах пологий спуск к воде. Я плакала, хватая всех подряд – я знала, что мне всех не ухватить, что лодчицы пристально следят, чтоб в воду я не смела заходить. И, рук не ощущая до локтя, на набережной стоя, не в воде, я вынимала – нет, не мамонтят, а плачущих напуганных детей.

...Я вытащить успела пятерых, и вереница смерти прервалась. Не брезгуя, дожевывала рыб большой реки сомкнувшаяся пасть. Внезапно все исчезло – лодки, плач, убийцы в лодках, жертвы за бортом, я куталась в ознобе в тонкий плащ, заглатывая воздух жадным ртом.

Когда же воду осветлил рассвет и растворилась в воздухе беда, то все еще хранила страшный след прозорливая невская вода, звала меня, манила за собой, вздыхала, как капризное дитя...

Я развернулась и пошла домой, прижав к груди спасенных мамонтят.

Александр Антипов

В переходе у пыльной витрины встают
Отражённые тени.
И я исковеркан
Отражением тем же.
И вновь узнаю
В помутневшем стекле не фигуру свою,
А совсем не знакомого мне человека.

Ненавязчиво лампочка под потолком
Намекает собой на искусственность света.
Помещённый в зеркальном окне целиком,
Если так же и я создан чьей-то рукой,
Что тогда моего в отражении этом?

Ну а, впрочем, неведенья крест волочить –
Дело вовсе не ново. И, глядя, как тени
По витринам текут, я себя приучил
Никогда не бояться своих отражений.

Если в этих широтах по-прежнему Бог
Обитает и местных по-прежнему помнит,
Может, замысел в том, что неузнан собой,
Ты однажды другими окажешься понят.

И поскольку пустеет ночной переход,
И поскольку порою излишня трезвость
Для таких размышлений советчик плохой,
Я за флягой в карман оттопыренный лезу.

Я сегодня себя не смогу обмануть
И того, кто напротив на зеркале вышит,
Кто нахально меня пародировать вышел.
И, лицом к потемневшей витрине прильнув
И, в лицо неизвестное мне заглянув,
Ничего, кроме пыли за ним я не вижу.

Наталья Шроцкая

МАЛЕНЬКИЕ СКАЗКИ

(Продолжение. Начало в №4 2013)

Тайны цветов

У цветов есть свои тайны. Они прячутся в серединке каждого цветка. И только пчёлке может доверить тайну цветов.

В один цветок упал кусочек тумана, да так там и остался. В другом спит капелька лунного молока. В третьем живёт крошечная радуга. И ещё много, много чудесных вещей прячется в цветах. Пчёлки знают об этом, но никому не раскрывают тайны.

Солнышко посылает свои лучики в помощь всем, кто живёт на земле. Когда-то давным-давно один лучик попал в сад девочек Минуток и увидел печальную картину. Тяжёлые головки цветов склонялись к самой земле. У цветов не было сил их держать. Встревоженные бабочки кружились над цветами и горько плакали. Бабочкам было не добраться до нектара, а кроме нектара бабочки ничего не едят. Грустный Ветер пытался поднять головки цветов, девочки Минутки помогали ему, но ничего не получалось. И тогда маленький солнечный лучик нырнул в чашечку самого большого и самого печального цветка. Там, внутри, он увидел, что цветок переполнен тайной. Когда цветок поделился своей тайной с солнечным лучиком, ему стало легче. И стебелёк цветка выпрямился. А лучик стал летать от одного цветка к другому, и сам не заметил, как выросли у него прозрачные крылышки. Так появилась на земле первая пчёлка.

И теперь каждое летнее утро вылетают хлопотливые пчёлки из своего домика – улья. У них много забот. Когда ледяной зимой спят, укрывшись облаками, Луна и Солнце, дичает брат небесного Ветра, великан, живущий на земле. И чтобы не смял, не скомкал он спящие деревья, чтобы не вымел с поверхности земли все живое, ему нужно помнить о нежности цветов. Тогда его буйный нрав смягчается. Пчёлки знают это.

Они собирают с цветов нектар, аромат и тайны. Аромат и тайны превращаются в музыку. Эту музыку пчёлки отдают великану Ветру, чтобы смягчилось зимой его сердце. Каждая мелодия становится снежинкой. Лёгкие и хрупкие, полные тайны спускаются снежинки на землю и согревают её. Нектар пчёлки несут в свои домики и делают из него мёд. А, чтобы мёд получился особенно вкусным, в него добавляют немного цветочной музыки.

Сон деревьев

Осенью в леса и сады приходит Дождь и остаётся надолго. Он поит деревья водой – готовит их к зимнему сну. И они засыпают. Когда на землю летят первые снежинки, деревья уже окутаны дремой. Мягко ступая, бродят между деревьями сны. Много событий происходит в жизни дерева за год. Но только самые важные из них окрашивают сны своим светом. Вот мерцают, чуть заметно, разными цветами вершины деревьев. Это дыхание снов.

Фиолетовым светом сияет вершина ивы, склонившейся над озером. Неугомонный Ветер пытается разбудить её, чтобы избавиться от скуки. Ветер знает, что не сбросить иве очарования сна. Но вновь и вновь тревожит её. Летит иней с сонных веток. Стучат они в озерный лёд. И тогда подо льдом появляется рыба с большими круглыми глазами цвета сна ивы. Рыба что-то говорит, но Ветер не слышит её, да и не пытается услышать. Наконец, устав, он садится на лёд и разглядывает маленькую защитницу. А затем он сдувает снег с замёрзшего озера, чтобы смешная рыба могла лучше видеть свою иву. Ветер помнит, как познакомились они прошлым летом. Проплывая мимо, любопытная рыба ущипнула листочек самой нижней ветки ивы, приняв его за червяка. И смешливые лягушата долго хохотали над бестолковой рыбой. А ива, хоть и больно ей было, пожалела смущенную рыбу. Вот и снится теперь иве сон о подруге. А подруга совсем рядом.

Над малюткой сосенкой едва заметны искорки оранжевого света. Первый год живёт на свете сосенка. Не замечает её большой мир. Не видят её деревья. Их вершины играют с облаками. Пробежал мимо заяц и даже не взглянул в её сторону. Прошёл осторожный олень, улыбнулся сосенке, но не сказал ни слова. А сосенка разглядывала всех и не унывала.

– Нужно понять, кто я, – решила она.

И вот рядом с ней появился испуганный мышонок. Он был почти таким же маленьким, как она.

– Мне страшно, – пискнул мышонок, – спрячь меня.

И сосенка смело закрыла его своими веточками.

– Кто ты? – Спросила она.

– Не знаю, – вздохнул мышонок.

«Наверное, это мой братец, он такой же маленький, как и я», – подумала сосенка.

– Что вы здесь делаете, – фыркнул кто-то совсем рядом.

От неожиданности сосенка выставила вперед все свои иголки. Но тот, кто фыркал, оказался совсем не страшным, а очень даже похожим на сосенку. Он тоже был в иголках.

– Это мой брат, и я его прячу, – сказала сосенка.

– Я тоже хочу быть вашим братом, – сказал ёжик, – давай вместе его прятать.

И сосенка с мышонком согласились. Прятать мышонка оказалось очень весело. Вскоре к ним присоединился Котёнок Ветер. Он был таким маленьким, что его тоже называли братишкой. Ветерок был этому очень рад. Они долго играли вместе. И Котёнок Ветер объяснил сосенке, что она сосенка, мышонку, что он мышонок, а ёжику, что он ёжик. И все сразу решили, что они всё равно останутся братишками и сестрёнкой. На шум и возню обратили внимание громадные сосны и оторвались на время от своей беседы с облаками. Сосны одобрили решение малышей. А сосенка поняла, что придёт время, и она будет такой же большой, как они. Тогда она посадит на каждую свою ветку по облаку. И они расскажут ей о своих странствиях, а она расскажет им о своих друзьях.

Светятся во время зимнего сна вершины деревьев. Особенно хорошо можно рассмотреть это ранним утром. Тогда колышется над лесами и садами разноцветное море света и сливается с утренней зарёй.

Любимый сын солнца

На самой высокой ветке старой яблони висело большое яблоко. Один его бок был золотисто – розовым, другой ярко-красным. Яблоко выросло таким большим потому, что ни один листочек, ни одна веточка не заслоняли его от Солнца. В полдень яблоку становилось жарко. Его атлас-

ная кожица ослепительно блестела, потому что солнечные лучи ласкали его сильнее и дольше других. И яблоко стало считать себя любимым сыном солнца. С высоты старой яблони оно осматривало сад девочек Минуток и не находило себе соперников. Яблоко и в самом деле было очень похоже на Солнышко. Оно нравилось всем в саду. Даже рыбки и лягушата мечтали с ним поиграть. К нему прилетали бабочки, жуки и пчелы. Но яблоко так гордилось собой, что не обращало на них никакого внимания. И вскоре все улетали прочь. Так яблоко осталось одно. На него перестали смотреть, о нём перестали говорить. И оно загрустило.

Однажды, ослепительным полднем, яблоко услышало плач. Это плакал маленький червячок. Он был таким крохой, что яблоко даже не сразу увидело его. «Бедный малыш, – подумало оно, – тебе страшно и одиноко. Но теперь тебе нечего бояться. Я сын Солнца, а ты будешь моим сыном». И яблоко впустило к себе червячка. Оно поило малыша своим соком и пело ему песенки про Солнышко. Сок яблока был не простым, в нём были растворены солнечные лучи. Поэтому червячок быстро рос и набирался сил. А яблоко не жалело себя для приёмного сына.

Когда червячок подрос, он стал путешествовать внутри яблока и строить комнаты и коридоры. А яблоко радовалось этому. Оно понимало, что стало для червячка и семьёй, и домом, и целым миром.

Однажды червячок, обустроив очередную спальню, натолкнулся на очень твёрдую стену. Ему никак не удавалось одолеть её. Но червячок не сдавался. И вот, наконец, стена поддалась. Неожиданно горячий свет брызнул червячку в глаза, и он упал без чувств. Сколько времени пролежал он так, никто не знает.

Когда червячок очнулся, солнечный свет уже не пугал его. Ведь он с детства знал вкус солнечных лучей. Под своими лапками червячок чувствовал бархатистую кожу сосна, и слышал его добрые ободряющие слова. Червячку хотелось остаться со своим приёмным папой, но новый мир звал его так громко, что у червячка закружилась голова. И вдруг, он почувствовал, что летит. Теперь у него были крылья. Червячок стал бабочкой. На крыльях новой бабочки сияли солнечные узоры: золотисто – розовые и ярко – красные.

Часто прилетала бабочка к своему яблоку, и они долго беседовали. В саду бабочка рассказала свою историю. И тогда яблоко стали навещать все, кто мог добраться до самой высокой ветки старой яблони. И хотя яблоко уже не было таким большим как раньше, а его атласная кожица сморщилась и потемнела от времени, все называли его любимым сыном Солнца.

Дождь

Дождь и Ветер – двоюродные братья. Они очень похожи. И тот и другой любят путешествовать. И у того, и у другого есть младшие братишки. И тот, и другой родились в саду девочек Минуток.

Случилось это давно. Лепестки голубого цветка прятали осколочек неба. Он попал в сад вместе с падающей звездой. И, чтобы он не ушибся от удара о землю, цветок поймал его в свои лепестки и долго баюкал, успокаивая. Вскоре острые грани осколка неба сгладились, и он стал похож на круглую бусину. Бусина вбирала в себя любовь цветка и с каждым днём становилась всё больше. И вот, наконец, цветку стало трудно её держать. Небесная бусина выпала из цветка капелькой – дождевой. Падая, она задевала травинки и стебельки. Из шелеста травинок и стебельков родился Ветер, а из самой капельки – Дождь.

Дождь помнит о своём рождении. Поэтому он так заботится о цветах и деревьях, о травинках и стебельках.

Иногда Дождь становится сердитым и грозным великаном, и тогда никому не под силу справиться с ним. Только воспоминания о лепестках голубого цветка – его приемной мамы могут его успокоить.

Дождь стал садовником в саду девочек Минуток. Но иногда он уходит из сада. Дождь любит бродить по лесам и лугам, по полям и горам. Он заходит в деревни и города и стучит в окна домов. Дождь просит погулять и поиграть вместе с ним. Но понимают его только девочки Минутки и маленькие дети.

(Продолжение в следующем номере)

Антон Сергеев

Вот три годика. У балкона
Ты сидишь и, пуская слюни,
Симпатичных таких драконов
По обоям цветным малюешь.

А бабуля, знаток искусства
И ценитель пейзажей разных,
Замирает, бледнеет густо
От излишне кричащих красок
И на кухню – за валерианой,
Унимать суматошно сердце,
Очень ласково повторяя:

"Не ребёнок – помощник смерти".

Чуть попозже, в седьмом, восьмом ли,
Принесёшь троячок за четверть
По английскому и запомнишь:

"Не мальчишка – помощник смерти".

Ну а что, чем не кредо жизни –
Впечатляюще, дерзновенно.
Почему бы не взять девизом,
Распечатать – да на всю стену.

Обрядиться двуногим тигром –
Искроглазен, умён, брутален;
Для работы на годы выбрать
Подходящую специальность,
Жить назло, если болен даже,
И не выть, если даже ранен.
Вопреки всему. Чтоб однажды
Подломиться ногами в храме,
Где торжественно и красиво;
Изводя Чудотворцу свечи,
Попросить за родных и силы
От себя самого сберечься.

Игорь Полivanов

Капля доброты

Эта была первая кошка на моей памяти. Наверно, были и другие, раньше, в нашей семье, но я помню себя лет с шести и в это время я лежал в костнотуберкулезном санатории в Ливадии и там не видел за всё время ни одной кошки. Не могу не отвлечься сразу, из чувства благодарности к этой женщине, по письму которой я и попал в этот санаторий. Когда я заболел, кто-то подсказал моей матери, что бы она обратилась за помощью к Надежде Константиновне Крупской, и я благодаря ей попал в это райское место «до полного излечения», как говорилось в письме. В детстве и юности я часто думал о том, как сложилась бы моя жизнь, если б не война, если б я благополучно излечился, и ходил бы и бегал как все нормальные дети. Но в 41 году отец забрал меня, и мы были эвакуированы из Крыма и уехали в Ставропольский край в село Петровское, где проживали тогда мои бабушка с дедушкой, родители моей матери. Жили они не в своём доме, как положено старикам, а на квартире. Как они сами оказались в этом селе, на какие средства жили, особенно во время безвластия, когда наши ушли и вошли немцы, и пока они находились там. Детство потому и самая счастливая пора человеческой жизни, потому что оно не чего не знает и не хочет знать. Екклесиаст сказал: «... кто умножает познания, умножает скорбь». Я никогда ни о чём ни спрашивал ни дедушку, ни бабушку, ни маму. И позже, повзрослев, я был слишком занят своей жизнью, своими переживаниями, что бы интересоваться чем-то кроме, а когда возникли у меня вопросы к прошлому, уже не было никого рядом, у кого можно было спросить, кто смог бы ответить. Теперь лишь можно строить догадки, предположения. За все время, пока мы там жили, мы сменили четыре, а может и больше квартир. По крайней мере, четыре я хорошо помню. Видно, с приближением фронта часть жителей села, как мы, уехали в более без-

опасное место, оставив свои дома на родственников или знакомых, и те охотно пускали в них приезжих, дабы они не оставались пустовать без присмотра. Когда у нас появилась эта кошка, не могу сказать. Осталась ли она от хозяев или прибилась чужая, но потом, при последующих переездах, мы её брали с собой. Гладкошерстная, черная с белой грудкой и очень худая – ее нельзя было назвать красивой. Я не помню, чтобы мы с братишкой чем-то кормили ее. Для нас она была живой игрушкой, единственной забавой. Первое время я не мог ходить и ползал, перенося попку с помощью рук и здоровой ноги, и надо сказать, довольно проворно. Но, разумеется, подобный способ передвижения ограничивал пространство лишь комнатами, и лишь изредка летом я выползал во двор. Братишка был на три года младше и тоже большую часть времени проводил дома – мы сами находили себе занятия и развлечения. В санатории нас учили пользоваться иглой и однажды я, выпросив у бабушки лоскутов, сшил кошке курточку, штанишки и чепчик. Мы с братишкой еле одели её, предварительно закрыв окна и двери, и пустили, а потом падали на пол от хохота, когда она ползком на брюхе вдоль стены пыталась освободиться от стесняющей её одежды. На смех наш пришла бабушка и сердито прикрикнула на нас: «Да замолчите вы, бесенята – беду насмеёте!». Она верила в примету, что если кто-то много смеётся, тот потом будет много плакать, и должен сказать наперёд, что в том случае примета сбылась. Тогда же кошка всё же сбежала от нас. Время было летнее, и она юркнула в приоткрытую дверцу печки и через топку, через дымоходы выбралась на крышу. Вернулась она только утром и улеглась спать на кровать, на белое покрывало. Я помню, как бабушка расстроилась, увидев чёрное пятно на месте, где спала кошка, но меня не ругала. Она вообще нас не ругала за наши шалости, а лишь понизив голос, говорила: «Не дай Бог дедушка узнает». Впрочем, и дедушка нас не ругал. Лишь один раз, рассерженный чем-то, он громко выражал своё возмущение, не направленное персонально на провинившегося, словно нас не было в это время рядом. И сколько помню, он будто не замечал нас. Да и вообще он был неразговорчив. Только, если уж что-то очень заденет его, вызывая потребность с кем-то поделиться, он рассказывал об этом бабушке, как един-

ственной слушательнице. Так однажды, вернувшись с базара, он, не раздеваясь, принялся рассказывать. Не помню, о чём была речь, но видно, его кто-то обманул, что явствовало из последней фразы, которой он заключил свой рассказ и которая запала в мою память на всю жизнь: «Меня можешь ты обмануть, но Бога ты не обманешь!» – громыхнул он, гневно сверкнув глазами и воздев указательный палец к потолку. Ещё помню случай, когда дедушка, встав на маленькую скамеечку, принялся забивать гвоздь над дверью, но лишь ударит молотком раза два, как скамеечка опрокинулась, и он чуть не упал. Он тут же выскочил в сенцы, вернулся с топором и разрубил им скамеечку, в ярости приговаривая после каждого удара: «На, на, на...!». Мы боялись дедушки и не любили его. В наших глазах бабушка была доброй, а он злой, и когда он бывал дома, мы не осмеливались шуметь. Но дома он бывал мало. Летом он обычно нанимался охранять людские сады и огороды за селом, да и зимой он что-то охранял. Кажется какой-то магазин. Помню, как утром он приходил с дежурства, садился к печке, снимал калоши, прошитые тонкой медной проволокой, затем ноговицы, ватные стеганые чулки и начинал охоту на вшей. Ноговицы, видно привлёкшие ценой, обшитые марлей, он выворачивал наизнанку и в швах были хорошо видны светло-серые крупные вши с кровавыми брюшками от дедушкиной крови. Представляю, как кусали они его всю ночь и как он мечтал об этой сладостной минуте мести. Зимними долгими вечерами он обычно неподвижно сидел у печки и о чём-то думал, и мы дети, иногда, за его спиной кривлялись, показывали ему язык и тихо хихикали. Лишь много позже я понял, что выжила наша семья в то время благодаря дедушке. Наши, отступая, что бы хлеб не достался немцам, подожгли элеватор. Видно, зерно горело плохо, и всё, оставшиеся в селе, кто был способен, носили зерно. У дедушки была паховая грыжа, и он каждый раз, возвращаясь с очередной ношей, ложился на кровать и со страдальческим лицом вправлял грыжу. Отлежавшись, он вставал и снова шёл на элеватор. Зерно это нас и спасло. Первое время бабушка замачивала зерно на ночь, а утром молола его на мясорубке и жарила черные лепешки. На чем она их жарила не знаю, потому что не помню, чтоб у нас были какие-то жиры, но помню, что у этих

лепёшек был привкус мыла, хотя и мыла у нас тогда не было, и бабушка для стирки употребляла золу с печки. Помню, что особенно ценилась зола от стеблей и шляпок подсолнечника. Но эти лепешки мы ели недолго. Кто-то подсказал, видно, бабушке, что у кого-то есть ручная мельница с жерновом и с тех пор мы ели самые настоящие белые пышки. В то время мы уже жили на третьей или четвертой квартире, на улице Басейной. Название улицы запомнилось, вероятно, потому, что как раз в то время мама нам читала стихи про человека рассеянного с улицы Басейной, и я верил, что если б умел ходить, то мог бы встретить этого человека. Домик, в котором мы жили, был небольшой, в одну просторную комнату, с двумя окнами на улицу, с деревянными ставнями. Дверь из комнаты выходила в сенцы, в которых кроме выходной двери во двор, были еще две. Напротив комнатной двери была дверь в сарай, который был под одной крышей с домом, а налево дверь в небольшой темный чулан, где стояли фанерные ящики с зерном. Надо сказать, что дедушка не любил кошек, и как то даже грозился занести её, но все же вынужден был её терпеть из-за мышей, которых водилось немало. В тот раз дедушка пошел в чулан за зерном, оставив дверь в комнату приоткрытой, и через несколько минут в комнату влетела кошка, а за ней вошёл страшно рассерженный дедушка. Торопливо натягивая пальто, он коротко объяснил бабушке причину своего гнева. Подняв крышку ящика, чтобы набрать зерна, он обнаружил в ящике мышку. На своё несчастье кошка была в сенцах, и дедушка, поймав ее за шиворот бросил в ящик на мышку, но та понюхала её и, выскочив из ящика убежала. То ли у неё накануне была удачная охота, и она была сыта, то ли мышку ей показалась недостаточно упитанной, то ли не понравилась бесцеремонность дедушки, но дедушка ни стал вникать в причины ее поведения, одевшись, принялся ловить кошку, которая вероятно, почувствовав недоброе, спряталась под кровать. Он тяжело опустился на колени и только наклонился и протянул руку, как она выскочила и перебежала под другую кровать. Дедушка поднялся и повторил свой маневр и у другой кровати с тем же успехом. Мы молча наблюдали за этой охотой с надеждой, что дедушка, в конце концов, откажется от своего намерения. Но сдалась кошка. Упорство человека сломало её, и на какой-

то раз она дала себя взять. Бабушка, молчавшая до этого, когда он встал, держа кошку за шиворот, принялась тихо урезонивать его, но дедушка еще более разозлился и, запихивая кошку за пазуху, прикрикнул «Цыц, потатчица!», и поскольку бабушка не могла сразу остановиться, он затопал в бешенстве ногами и закричал «Зась, занемей, замолчи!», и хлопнув дверью ушел. Я хорошо помню лицо бабушки в тот момент. Верхние веки её как-то заострились уголками, края губ опустились, придав лицу скорбное выражение. Наступило долгое тягостное молчание. Я сидел на своей кровати и смотрел в окно. Была осень, но стояла еще сухая погода, и лишь серое хмурое небо предвещало приход настоящей осени с дождями и непролазной грязью на улице, в которую превратится толстый слой пыли на проезжей части. Улица была бесплодной. Сколько не смотри, не увидишь фигуры прохожего, словно мы одни остались в селе. Не знаю, сколько я просидел. Начинало уже темнеть, когда скрипнула наружная дверь, послышался голос дедушки, издавший звук, выражавший удивление, шаги его, и дверь открылась и вот он. Он был необычно оживлен, и прямо с порога, лишь прикрыв за собой дверь, принялся рассказывать, начав с восклицания «Вот подлая кошка!». Он подробно поведал, как долго ходил по селу, выбирая двор, где бы он мог оставить ее, и когда наконец избавился от нее, бросив через забор, он пошел по другой дороге и раза два менял направление, чтобы сбить ее со следа, если она пойдет за ним, и когда наконец дошел до своего дома и вошел во двор, то увидел кошку с крысой в зубах. И кошка осталась жить у нас, к нашей радости. И затем еще дважды перебиралась с нами на другую квартиру.

Второй дом, куда мы переехали вскоре, был гораздо просторней первого, на высоком цоколе и открытой верандой. Большая комната с двумя окнами, выходящими на улицу, кухня, и за ней комната поменьше с одним большим окном. По тому времени для села это было довольно роскошное жилье, потому что когда вошли немцы, то большую комнату занял офицер с денщиком. Я думаю, эти временные постояльцы и навлекли каким-то образом беду на нашу семью. Живи мы на старой квартире, возможно, благополучно пережили бы это тяжелое время. Война лишь чуть коснулась нашего села, как морская волна, обрушиваясь на пологий берег,

некоторое время с шумом несется, сметая все с пути, постепенно теряет силу, и вот, наконец, замирает на миг, лизнув краешек суши, быстро откатывается назад. Небольшое степное село, где не было ни каких важных стратегических объектов, кроме железнодорожной станции, которую разбомбили, то ли наши, отступая, то ли немцы. Поблизости не было даже леса, где бы могли скрываться партизаны. Оно было просто оставлено нашими, и спустя некоторое время, так же без шума, без выстрелов вошли немцы. Они разместились по домам, пожили несколько месяцев, вероятно наслаждаясь тишиной, почти мирной жизни, и так же тихо, без шума покинули его, не понеся ни какого урона. Гораздо хуже были последствия для нашей семьи. С возвращением наших через какое-то время, арестовали дедушку и маму, увезли в Ставрополь, судили, заклеив 58 статьей, как врагов народа, и посадили. Бабушка дважды, с небольшими промежутками времени ездила в город с передачей. Последний раз она напекла пирожков с вишней и абрикосами, намолов зерна, которое натаскал дедушка, но вернулась с печальным известием, что дедушки нет в живых, а маму отправили неизвестно куда. В чем провинился старик перед народом? За что постигла его кара? Но маму через 13 лет реабилитировали, и она прожила еще после этого без малого сорок лет. Впрочем, я ни тогда по малолетству, ни позже, ни тем более сейчас, ни испытывал какие либо враждебные чувства к кому либо, кто так или иначе были причастны к смерти дедушки и мукам матери, перенесшей нечеловеческие условия жизни в лагерях Калмы. Вероятно потому, что не мог видеть судьбы этих двух близких мне людей, обособленно от того трагического времени. Когда дедушки не стало, война достигла лишь своей середины, и естественно на фронтах гибли тысячи и тысячи и до конца войны должны были погибнуть миллионы, на тот момент пока еще живых, но уже обреченных, отмеченных смертью людей, в большинстве еще молодых, здоровых, полных сил, еще не познавших в полной мере радостей жизни. И что страдания старого человека, по сравнению с морем страданий, выпавших на долю этих миллионов? Я помню уже в шестидесятых годах мой знакомый шофер, с которым я работал в одной организации, рассказал об одной ужасной смерти, очевидцем которой он был, и воспоминания кото-

рой, даже спустя двадцать лет не давали ему покоя. Он был в плену у немцев и работал в Германии на каком-то военном заводе. Один парень из пленных отважился бежать и его поймали и привезли на этот завод, и в назидание остальным, согнав их в заводской цех, продемонстрировали новое изобретение, станок для сдирания кожи с живого человека. Конечно, и на долю моего деда выпало не мало скорбей: и революция, и две войны, и смерть двух сыновей, и потеря всего нажитого ими, но он всё же знал и минуты радости. Женился он по любви, вопреки воле отца, и тот его лишил наследства, но он, получив надел земли, сам построил дом и обзавелся хозяйством, насадил виноградник, вырастил сад и стал отцом шестерых детей. В течение жизни я много раз вспоминал деда, и особенно теперь, когда по возрасту пережил его, ясно могу представить его чувства, душевное состояние, его мысли, когда он зимними вечерами молчаливый сидел у печки, представить душевное состояние старого человека, оставшегося без собственной, с осколками разбитой, когда-то большой, благополучной семьи. Но чаще вспоминаю именно этот случай, связанный с кошкой. Не нужно говорить, что первое время я поверил всему, о чём говорил дедушка, но с каких-то пор что-то, похожее на беспокойство сомнения, зародилось в моей душе. И началось это с «крысы». Почему «крыса»? Было бы вполне достаточно и мышки. Потом тень недоверия стала вызывать при воспоминании это необычное для него оживление, словоохотливость. Однажды моя тётка, старшая дочь дедушки, рассказывая какой-то случай, сказала: «Папа был очень вспылчив, но отходчив». Я не помню, о чём она рассказывала, но эта фраза запала в моей памяти, и потребовалось ещё много времени, пока она, блуждая в потёмках подсознания, не соединилась в одно с тем случаем. И теперь, когда я вспоминаю его, я вижу согбенную фигуру старика в облезлой шапке, в стареньком тёплом полупальто, в ноговицах, обшитых марлей, в калошах, прошитых тонкой медной проволокой, посреди безлюдной сельской улицы под сумрачным осенним небом, с кошкой за пазухой – капля доброты, жалости, милосердия посреди бушующей стихии человеческого безумия, ненависти, злобы, жестокости.

Упокой, Господи, душу раба Твоего, Захара.

СНАРЯД

Война оставила глубокий след в нашем селе. Часто мы с пацанами находили неразорвавшиеся снаряды, авиабомбы. Весной при вспашке полей и огородов всегда находили во множестве винтовочные и автоматные гильзы. В небольшом озере, что в огородах, лазили по пояс в иле и ногами нащупывали заржавевшие винтовки и четырёхгранные штыки. Иметь такой штык было престижно.

Вот так однажды на берегу речки нашли снаряд. Скорее всего, его вымыло весенним паводком. Недалеко был железнодорожный мост. Решили взорвать, что раньше уже проделывали. От села далеко. Думали, никто не услышит. Под обрывистым берегом разожгли костёр, положили в него снаряд. Сами отбежали на безопасное расстояние, залегли за бугорок, ждём взрыва.

Вдруг смотрим, недалеко от нас по лугу идёт лошадь, запряженная в телегу, а на телеге двое мужиков с велосипедом. Наверное, ехали на сенокос. Мужики покуривали папироски, вели неспешную беседу. Мы перепугались, и встать нельзя, и предупредить надо. В этот момент и рванул снаряд. Лошадь от неожиданности присела, потом резко подпрыгнула и понесла галопом. Мужики вместе с велосипедом кубарем скатились с телеги на землю и залегли.

Мы мгновенно подскочили и кинулись бегом к реке, где лежало бурей поваленное дерево. По дереву перебрались на другой берег и спрятались в лесу. На лицах испуг, по телу мелкая дрожь. Мужики нас заметили, поняли, в чем дело, и было решили за нами погнаться. Мы припустили по лесу во всю прыть. Видя бесполезность погони мужики, чертыхаясь, пошли ловить лошадь. Махали руками, громко кричали и грозили кулаками в сторону леса. К счастью ни кто-то из них, ни лошадь не пострадали.

Лошадь поймали, собрали разбросанные по лугу косы, грабли и вилы. Но косить уже не стали, пошли домой.

В село мы боялись возвращаться до темноты. Там уже все все знали. Нас ожидал очень неприятный разговор с родителями и отцовский солдатский ремень.

До конца лета мы старались не попадаться на глаза этим двум мужикам. Взрывать снаряды отпала охота навсегда.

Моръ Шкарёв

Мать

Я её заметил – едва не сбил с ног, когда на все парусах полетел к задней двери автобуса, пропустил вперёд так же спешащего мужчину, и чуть на лету, со всего маху, не врезался в неё, стоящую у самого выхода, возле самой двери. Малюсенькая – почти в два раза меньше меня, в потёртой временем и, кажется, самой жизнью с чужого плеча курточке с закатанными по причине большого размера рукавами, в неясного цвета бедном платочке, покрывавшем большую часть головы и лица, с какой-то доисторической котомкой через плечо, она, уже со спины – я ещё не видел её лица, за долю секунды, что пролетал мимо неё, вызвала во мне острое чувство жалости и непонятной вины, которое просто пронзило меня навывлет...

Я картофельным мешком вывалился на холодную, ещё в сумерках, остановку, в самую гущу заспанного народа, и потрясённый этим новым чувством, словно невзначай, осторожно повернулся в её сторону, не в состоянии уйти просто так, не посмотрев ей в лицо. На вид не меньше восьмидесяти, а может и больше. Морщинистое, как изюмина, маленькое личико, наполовину прикрытое старенькой хусткой, на которой, казалось, даже сквозь густые потёмки можно было различить битые молью дыры и ощутить запах сундучного нафталина, опущенные вниз, под самые ноги глаза, которым, мне снова показалось, было просто стыдно смотреть в гордые и молодые глаза тех, кто был вокруг, та же потёртая, чья-то чужая, не своя курточка, пара стареньких валенок, забрызганных грязью и почти детские рукавички непонятного цвета и возраста, она стояла там, жалкая и смиренная, не смея поднять глаза или подняться и пройти дальше – может, кто-то уступит ей место, чья-то мать...

Когда-то, когда я гостил у своей тетки под Киевом, имея своей целью найти работу и обосноваться там же, мне пару раз приходилось ездить на электричке в компании нереального вида старухи, чей сказочный облик тогда меня потряс до основания и врезался навсегда в память. Первый раз я её увидел, когда она вышла из леса,

что был прямо по ту сторону полустанка, на котором я ждал своего поезда. Этакая сказочная Баба-Яга, с настоящей кривой клюкой, с мешком в разноцветных заплатках на спине с настоящим горбом. Мешком, в котором просто не могло не быть каких-нибудь детских косточек или прочих останков тех, кого она сажала в печь в своей избушке на куриных ножках на лесной опушке.

Страшная, как сама смерть, с седыми растрепанная космами, с настоящим горбом, выпиравшим куда-то вверх и вбок, в какой-то рваной хламиде, у нее еще был к тому же какой-то дефект на лице, вроде лишая или даже проказы, которая, казалось, на глазах разъедала ее лицо, дефект, который я тогда побоялся дольше обычного разглядывать – мне хватило и прочего в ее необычном облике.

Она была настолько нереальной, из какого-то другого, минувшего века, о котором я только читал в книгах о ведьмах и колдуньях или видел по телевизору, что я так и остался стоять, как вкопанный, не в силах пошевелиться. Старуха на удивление быстрым шагом миновала меня, ловко работая клюкой, как веслом, в руках, разбитых артритом, а я остался смотреть ей вслед, пока она также ловко не взобралась по крутым ступенькам в вагон и там исчезла.

Я еще несколько раз видел ее уже на станции метро в Киеве, и там она, на фоне столичной напомаженной публики произвела на меня еще более потрясающее впечатление, как если бы произвела внезапно ожившая египетская мумия, затесавшаяся в толпу добропорядочных граждан начала 21-го века...

Так вот и эта несчастная старушка, своим, мягко сказать, несовременным видом, произвела на меня похожее впечатление, разве что вызвав не ужас и животное отвращение, а невероятное чувство жалости и вины, окатившее меня с ног до головы.

Я не посмел разглядывать ее, лишь бросит два-три коротких взгляда в ее сторону – мне этого было достаточно, чтобы погрузиться в невеселые думы на всем протяжении дороги до работы. Мне было невероятно жаль ее, почти больно, где-то там, внизу, в области паха, когда еще с детства у меня возникала почти физическая боль за кого-то, стоило мне ощутить боль чью-то. Непонятно, откуда она бралась, эта боль, имела характер физический или психосоматический, я не знал. Но факт оставался фактом: непонятная гиперчувствительность по отношению к чужому страданию, которая с годами стала утрачиваться.

«Ведь у неё должны быть дети. Сыновья. Родственники. Не может быть, чтобы у неё никого не было». «Куда она ехала? Отчего так несчастна и жалка? И почему никто, никто в автобусе на неё не обратил внимания, не уступил место, не окинул теплым, человеческим взглядом?» На ее фоне мне вдруг все показались невероятно самодовольными и горделивыми. Снова в памяти всплыла упитанного вида дамочка, которую до этого случайно задел бомжеватого вида старичок и которая запричитала капризным тоном, что осторожнее надо быть. Эти отрешенные взгляды в окно. Взгляды с претензией навстречу другим взглядам. Вытянутые в узкую полоску строгие рты. Резкие жесты. Желание отгородиться, отрешиться от всех.

Я вдруг вспомнил свою бабушку, бойкую старушку в свои 87, которая часто мне на мои беды и проблемы, начинала вспоминать тяжелые военные и голодные послевоенные года. «Вам есть нечего? Плохо живете? Все жалуетесь?» – говорила она на то, что кто-то начинал ей привычно жаловаться на то, что снова цены выросли или гречка пропала, или еще какая вселенская беда приключилась. «Э-эх, а я помню, как мы крапивы в поле надерем, да суп из нее варим. Или лебеду лопаем. А после войны я год босиком ходила, не было обуви, никакой – во, как жили. Так что мне ваши беды непонятны. И вы не жалуйтесь, а то бог накажет»...

Я шел через мартовские холодные дворы, так плотно заставленные иномарками, что приходилось лавировать, чтобы найти проход, видел, как из теплых подъездов выходят тепло одетые сытого вида люди, кто-то на ходу закуривал, кто-то доставал ключи и на расстоянии, одним движением пальца, открывал дверь своего «Мерседеса» или «Тойоты», видел их недовольные лица, независимые манеры и думал почти вслух: «А ведь почти каждый из них тяготится своим положением. Не доволен. Считает, что заслуживает большего. Права имеет. И придут такие сегодня снова на работу, и, как обычно, будут жаловаться, что и денег не хватает, и кредит надо выплачивать, и, и, и...».

На перекрестке светофор зелено подмигнул мне, по-над домами сверкнуло первыми лучами не по зимнему яркое солнце, я обогнал впереди идущих утрюмых женщин, прибавил шаг, с тоской вспомнил мать в автобусе, мысленно пожелал ей здоровья, поблагодарил за науку и ощутил явно и ясно, что идет весна, и как на свете всё-таки здорово жить...

Девушка с голосом скрипки

Я знал эту девушку, – уже раздумывавшийся Макаров указал на фотографию, что висела в деревянной рамке и, вероятно, закрывала дыру в стене. – Девушку с голосом скрипки... – Макаров уже осип и обмяк, по – идиотски счастливая улыбка блуждала на его губах. Он снова потянулся к графину. Я остановил его руку и положил обратно на стол.

– Хватит вам уже сегодня.

– Эх, Чавацкий! Последней радости старика лишаете! – Макаров с досадой стукнул стаканом по деревянному столу, встал и, покачиваясь, направился к выходу.

Я не стал его окликать или догонять, а остался сидеть на месте.

Потрепанный временем граммофон, поскрипывая, выл заунывную мелодию. В баре остались помимо меня только молодые парень с девушкой, сцепившие на столе свои руки, все время молчащие и смотрящие словно сквозь друг друга, да старик, тоже будто из другого мира, увлеченно что-то выводящий на салфетке.

Я сидел за барной стойкой и смотрел на черно – белое изображение чудесной девушки, прижимающей к груди фотоальбом. Она приподняла одно плечико, стоя полубоком и игриво смотря на фотографа или кого-то, стоящего рядом с ним.

Я не знал, что означает этот взгляд, но на душе вдруг стало невыносимо горько, я попросил коньяку.

– Если тебе интересно, я могу рассказать про неё, – сказал мне бармен, улыбаясь и ставя передо мной рюмку. – Кое-что я про неё знаю.

Этот бармен мне всегда улыбался. Ещё бы. Я каждый месяц просаживаю в этом баре как минимум половину своей зарплаты, всегда приходя с новым поводом напиться. Зарплата у меня хорошая, работа моя сложной мне никогда не казалась, а в опустевший дом, где даже темнота смотрит на меня с укоризной, туда я возвращаться не хочу. Я вообще, бывает, захожу до

мой раз в неделю, цветы полить, сам ночуя на работе. Деньги мне тратить не куда и не на кого, вот я и просаживаю их здесь.

– Мамоchка твоя наверняка, да? Не хочу я про твою мать слушать, – заявил охмелевший я.

– Нет, не мамочка, – бармен оперся на стойку, придвинувшись поближе ко мне. – Очень даже напротив... Этот бар достался мне от моего отца...

Крепкий, лысый мужчина со смугловатой кожей, вероятно, очень хотел рассказать мне эту историю. А я и не сопротивлялся. Я просто слушал его.

– Так вот, отец рассказывал, что эта девушка раньше, когда наш бар был подпольным (ну, раньше это все было строго, тем не менее здесь всегда было много народу), девушка эта здесь пела.

– И что, прямо как у скрипки голос? – Спросил я, памятуя слова Макарова.

– Пела она чудесно, просто волшебно. Только ради ее голоса вся публика и собиралась. Ее приглашали на большую сцену, а она все отказывалась, здесь ей хорошо, говорила. – Бармен замолк, словно хотел сделать паузу, чтобы я все осознал и представил себе. А мой хмельной мозг вообще отказывался обрабатывать эту информацию, отодвигая её, говоря: «не сейчас», и продолжая заниматься важным делом – зудеть. Тридцать секунд молчания бармена показались мне вечностью и я в нетерпении воскликнул:

– Ну же, продолжай! Теперь должна быть какая-нибудь интересная история!

Бармен улыбнулся:

– Верно. Девушка была очаровательна, прекрасна, имела толпы ухажеров, но любила всегда только одного... – Мужчина в нерешительности замолчал.

– Ну и?! – Нетерпеливо воскликнул я.

– В двадцать два года у девушки обнаружил рак, – с неприсутцей этому внушительному человеку горечью в голосе произнес бармен. А меня и самого вдруг охватила волна грусти. Но она довольно быстро отступила, любопытно же.

– И... чего?

– Она жила последние месяцы так, как и жила до этого, никому ничего не сказав.

– Чтобы к ней не относились как к больной и она смогла дожить не в постели, через каждые пять минут глотая таблет-

ки... – Рисовалась какая-то до боли знакомая мне картина. Я хлебнул из рюмки.

– Да. И возлюбленному своему она тоже ничего не сказала.

– Он слепой был что ли?! По-моему, рак на последних стадиях сложно не заметить! – Вспылил я, злясь на самого себя.

– Да, он был ослеплен ее красотой, оглушен ее голосом.

Я залпом допил содержимое своей рюмки и посмотрел на фото.

– Сколько ей было, когда...?

– Двадцать три.

Мы оба замолчали.

– А ведь есть какой-то лоск в том, чтобы умереть молодым, не находишь?.. Я много думал об этом. Твои близкие никогда не увидят тебя дряхлым стариком, который не в состоянии даже самостоятельно заварить себе чай. Что-то ведь в этом есть чудесное, не находишь?

– Женщины – не такие чурбаны, как мы, многие из них предпочли бы умереть, зная, что их дети будут жить, что жизнь без них будет идти, как шла. Не думаю, что она хотела уходить, ничего после себя не оставляя. Это ты, романтический дурак, с радостью бы умер молодым как раз потому что у тебя ничего нет.

– Романтический дурак, – я ухмыльнулся. – Так меня еще не называли... Почему же она ничего не оставила? Она оставила с тем парнем свой голос, не так-ли?

Бармен улыбнулся.

– Ты, Чавачкий, замечательный мерзавец. Говоришь по пьяни о вещах, тебе неведомых, на полном серьезе... Мне бы так, да у меня, видно, глупости не хватает.

– У этой истории есть какое-нибудь продолжение? – С детской надеждой спросил я.

Бармен захохотал.

– Он ещё и продолжения хочет, когда главная героиня умерла!

– Ну да. Не все же умерли, только она...

– Ты такие вещи как пятой точкой чуешь, а! Будет тебе продолжение.

Он снова выдержал паузу.

– Ты как думаешь, почему Макаров, как ты сюда не придёшь, всё прохлаждается здесь, пьёт и сидит именно на этом месте?

- Он дольше меня сюда ходит, верно?
- Он сюда ходит дольше меня, - усмехнулся бармен. - Сколько себя помню, господин Макаров сидит здесь, на этом самом месте. Как ты думаешь, почему?

- А чёрт его знает, почему он как на работу сюда ходит... Не, ты мне язык не заговаривай, этот старый хрыч то тут причём?! - Начал кипятиться я.

- Да при том, - ответил бармен, подливая коньяку.
- Макаров был в неё влюблён. - Я от этих слов чуть не подавился коньяком, пытаясь что-то ответить, и вдруг даже как-то протрезвел.

- Ты хочешь сказать, что он трётся здесь уже лет тридцать, потому что когда-то его возлюбленная пела здесь?! - Я внезапно почувствовал себя свиньёй. Все мои слова про смерть в молодости... Свинья.

- Что за ерунда то такая? Она же умерла... Очень давно... - Раньше я думал, что такого рода чувства так долго могу испытывать только я. Но это оказалось не так. Макаров оказался мои братом, мы были объединены судьбой.

- И из-за этого у него ни семьи, ни детей?..
- Думаю, он до сих пор любит её. А потому ничего не строит в своей жизни, чтобы в любую минуту быть готовым умереть. Уйти к ней. Не об этом ли ты недавно толковал?

- Старый дед, - пробормотал я. Порывшись в кармане, я нашёл там кое-какую мелочь и положил её на стол перед барменом.

- Уйди от меня со своими глупыми разговорами, - и сам встал, вышел на дрожащих ногах из бара. Холодный ветер начал ласкать мое разгоряченное лицо, и мне вдруг стало намного легче, будто он стряхнул с меня какую-то лишнюю и неприятную пыль, осевшую в этом баре.

- Девушка с голосом скрипки, да? - Спросил я сам у себя и обнаружил, что я стою посреди улицы и хохочу во весь голос.

- Что за шутки-то дурацкие у неё, у любви этой?! Почему всегда кто-то должен умереть?! - Я кричал, стоя на коленях, по ночному небу кто-то хаотично разбросал звёзды. Я стоял на коленях не перед городом, не перед редкими прохожими, смотрящими на меня испуганно, или вовсе отворачивающимися, а перед жизнью, перед миром, перед любовью, перед небом. И мне казалось, что кто-то говорит со мной. Быть может, это была девушка с голосом скрипки?

Юлия Серягина

Всё та же стена из красного кирпича,
Поросшая мхом изумрудно-тёплым.
Растекается воском мечта-свеча,
Моргая светом неярким, мёртвым.
И снова дом деревянный тот.
Тот дом, что теперь без дверей и окон.
Там печальный пёс лежит у ворот.
Может, ждёт кого, скулит одиноко.
В темноте сидеть с тишиной и страхом.
Говорить себе, что пора проснуться.
А тот старый дом завтра станет прахом.
И ни мне, ни псу туда не вернуться.

Рисунок: Ютыя Сербина

Рисунок: Юлиана Седерман

Рисунок: Юлия Сергеева

Татьяна Фролкина

Письмоводитель

Он был простым водителем письма.
Фуражка с логотипом министерства
На месте должном зиждилась, весьма
Солидность добавляя в это место.

Все сорок лет на вверенном посту,
Примером Моисея окрыленный ,
Водил слова по чистому листу,
Формировал из буквочек колонны.

И гнал вперед – с Указа на Указ,
С бумаги гербовой на жалкую осьмушку.
И каждый раз слезой поился глаз,
Любуясь на наклон и завитушку.

Слова велись – извилистая вязь.
На «честь и совесть» вёлся сам водила.
И безразлично, кто какую власть
Над кем имел. И чья рука водила.

Потом как все – оделся в телеса,
Прозрачные, без контуров объёма.
Его определили в те леса,
Чернильница где вместо водоёма.

Шкатулочка

Вжик! Шкатулочка открылась. Кто-то выскочил наружу.
Чем-то вертит, машет, пляшет и подмигивает мне.
Не сердитесь, тётя Таня. Я покой слега нарушу.
Для затравки поиграю на лирической струне.

И, действительно, достал он скрипку,
дудку и валторну.
Получается, оркестрик, как-то втиснутый в меня,
Под корсетом, под беретом всем приличиям покорный,
Дождался дирижёра, и его не променял

На других, что энергично той же палочкой махали.
Преграждали, направляли:

"Лечь! Отжаться! Шагом! Стой!",
Скромно мой сидел в сторонке –
без амбиций, не нахален,
Будто в табели о рангах по значенью был "шестой".

Кто последний, тот смеётся. А причина даже в этом,
Что заезженный мотивчик разухабисто фальшив.
Как чужая, дудка дует. И нелепым менуэтом
Рассмешил скрипач прохожих. Оторвал от дел больших.

Клетка

Железные, словно занавес, делает Бабкин двери.
Их не возьмёт ни фомка, ни бомба, ни автоген.
Люди умней, чем рыбы, бабочки или звери.
Свободе, голодной воле предпочитают плен.

Где за семью замками, в чреве кирпичной кладки
Даже в плену иллюзий умеют красиво жить.
На совесть, – а как иначе, – делает двери Бабкин.
...Помилуй, Господь, с разбегу голову размозжить.

И рухнет дурак в бездну...

Читай репортаж в ГУГЛе -
Комета уже близко.
Шарик Земля круглый,
Форму приняв диска,
 На спины плашмя ляжет
 Слонов, черепах сильных.
Помогут киты даже -
 Ноша не из дельфиньих.
И будет опять плоской
Картинка на дне глаза -
Нити дорог, полоски
Рек и морей пазлы.
 Мне бы по ним! Мне бы!
 Да пустится вновь бездарь.
 Край отогнет неба,
 И рухнет, дурак, в бездну...

Домой...

Мне летом снова хочется на лыжи.
А впрочем, и зимой я на ногах.
Представьте - на своих, гребу по жиже,
И соль земли, как пот, на сапогах.

Какой триумф - в седло велосипеда
Отъезжающее тело уместить,
Чтоб в ботиках подружка просипела:
"Чревато - в пятьдесят такая прыть!"

Ещё кульбит - погнаться за трамваем,
Как будто он последний на кону.
Вдохнёт вожатый, двери открывая:
"Подмётки рвёте, значит, есть к кому".

Дай сил залезть на тёплую лошадку,
Уткнуться в гриву, в рыжий шёлк волны.
И медленно, в раздумьях, без оглядки
Брести домой с бессмысленной войны.

Дибуны

Голубушка, Вас надо в Дибуны -
Сказал профессор, руки вытирая.
Симптомы первокурснику видны.
Карету вызвать? Или на трамвае?

Не путайте - не в Дюны, в Дибуны.
Там новый корпус выстроили с душем
По коридору с каждой стороны.
Хоть ноги мой, хоть голову, хоть душу.

Приличный стол, и будет мягкий стул
Стоять у изголовия кровати,
И санитар, от тяжестей сутул,
Отмашку даст, когда смеяться хватит.

Начнёшься там, как с чистого листа.
Дибунский лес предстанет, как девонский.
Пытливо из-под каждого куста
Глазеет питекантроп, ликом плоский.

Безгрешен он и не внушает страх,
Такой подвид типичен в Дибунах.
Их много, Дибунов, Больших и Малых.
Царит неразбериха на вокзалах.
Не понимают жители страны,
Кому в какие ехать Дибуны.

Червячок

Я всё время ишу перемен –
Перемен бытия, но не мест.
Червячок, заарканенный в плен,
Изнутри меня поедом ест.

Прогрызает лазейку, стремясь,
Эту мягкость давно иссушив,
Обрести – или новую власть,
Или новый осмыслить мотив.

Мотивацию стимула жить,
Расширяя пространство в себе,
Выходя за границы межи,
Нарушая порядок в судьбе.

Можно двигаться вдоль, поперёк,
С небоскрёбов смотреть города.
Впечатления складывать впрок.

Только где этот прок? И когда?
Путь в себя? Соглашусь, тяжелей.
Интересней зато во сто крат!
Открывай, познавай, не жалея –
Потроши этот чёрный квадрат.

Можно жить...

Перепутал приправу кондитер
И в раскисшего неба желе
Всыпал соли. Просоленный Питер
Никогда никого не жалел.

Не щадил истеричек слезливых.
Сколько сдуру солдатиком вниз
На прокорм жирных чаек залива
Сигануло обиженных Лиз!

Не беда, если город не принял!
Можно просто – меж небом и дном
Оберегом Васильевских линий
Кошкой жить во дворе проходном.

Или жухлым листочком осенним
Заплетаться в шуршащий ковер,
Что под ноги озябшие Ксенье
Город бросил. Швырнул. Распростёр.

Юрий Лойко

Попутчики

Железнодорожный перрон располагался посреди бесконечного, сколько хватало глаз, поля изумрудного цвета. Я запомнил, когда прибыл на данную промежуточную остановку... Не важно. Главное – помнил на чём следует уезжать. Одиночество. Оно, пожалуй, стало моим вторым именем, но всё чаще возникало желание поговорить с открытым, дружелюбным, просто добрым человеком. Не важно, какого возраста. Лучшие года остались где-то далеко-далеко, вон за тем горизонтом, что расположился под пылающим альми разводами небом. Так мне твердили мои родственники, а именно внуки, дети – два старших сына – и случайные знакомые. Разве это правда? Чуть! Да, я то и дело напоминал им, даже убеждал, что человеку свойственно закрываться скорлупой своего жалкого мира.

Соответственно, моё скоропалительное решение провести остаток дней в путешествиях автостопом близкие люди восприняли, мягко говоря, враждебно.

Два старших сына, развалившись в кресле перед телевизором и жуя кусок бутерброда с колбасой, глянули на прислонившегося к дверному косяку отца с нескрываемой насмешкой, почесали затылок, потом сказали:

– Мы не в силах тебя отговорить?

– Пожалуй, не стоит, – ответил я, тяжело вздохнув и заковыляв к выходу.

Моя покойная жена закатила бы такую истерику, что сбежались бы все соседи, но её уже три года, как нет в живых. Сыновья навещали раз в год, но данное слово, уверен, они понимали так же, как и «посмотреть телевизор». Приехали, помолчали, поели, похлопали по плечу и – до встречи. Младшие дочери не показывались. Повыходили замуж и звонят по праздникам – взрослые стали, мои хорошие, что уж говорить.

Игорь и Влад терпеливо провожали меня взглядом.

– Мы всё уберём, выключим телевизор, отец, – почти хором произнесли они. – Тебя когда ожидать?

Я не ответил. Закрыл за собой и, держась за перила, не спеша спустился на улицу.

Так почему же я ринулся на волю? Подконец жизни решил уехать неизвестно куда, имея в своём распоряжении маленькую пенсию и несбывшиеся мечты в голове? Нет, помирать не собирался, отнюдь! Просто... В сердце сидел маленький червячок, съедавший самое важное. Но вот что именно?

Мысли неспешно возвращались в настоящее. Прохладный сентябрьский ветер гулял в травинках бесконечного поля; одинокие деревца, склонив оголённые ветви к земле, пытались о чём-то шептать, и железная дорога, уходящая тёмно-коричневой лентой вдаль.

Казалось, я покинул город людей ради этой тишины, ради того уединения, которого мне так не хватало. Да, уставал от общества с его замысловатыми законами, уставал от ненавистой работы, терзавшей мою душу ежедневно, от...

Звуки катящихся камешков заставили остановить поток размышлений. Осмотревшись, я заметил на путях паренька в растёгнутой бежевой рубашке. Расставив руки в стороны, он опасливо шагал по рельсе и поначалу не замечал одинокого старика на перроне, то есть меня. Незнакомец остушился, щёлкнул пальцами и повторил попытку.

Где-то далеко-далеко послышался гудок электропоезда.

Моё внимание вновь приковал горизонт. Солнце скрылось, но отпускало розово-красные лучи, окрасившие небосвод как художник – картину.

– Добрый вечер.

Я слегка вздрогнул. Парень поднялся на перрон и построился рядом на скамейке.

– Добрый.

– Не возражаете, если я подожду вместе с Вами?

– Конечно.

Я разглядел его получше: растрёпанные курчавые волосы, глубоко посаженные и вместе с тем выражающие неиссякаемую любознательность глаза, затёртая рубашка, чёрные брюки, грязные туфли.

– Пожалуй, времени должно хватить для нового знакомства, – сказал он мечтательно. – Меня Глебом звать.

– Виктор Васильевич, но с некоторых пор Виктор или Витя.

– Приятно, приятно. Думаю, что бы такое сегодня увидеть. Не хочется отпускать день – прожит зря.

– А чем он отличается от других?

– Каждый день должен быть особенным, я считаю. Вы не согласны, Виктор?

– У меня таких много найдётся в биографии...

– Сочувствую! – Глаза Глеба округлились. – Да как же так можно? Но судя по Вашим полным счастья и удовлетворения глазам, всё наладилось. Лучше поздно, чем никогда.

– Надеюсь, что так.

– Позвольте порекомендовать одно местечко, о котором знают очень немногие. – Он придвинулся и зашептал – Эта остановка особенная, поверьте на слово.

– Мы знакомы каких-то две минуты и уже такая открытость?

– Иногда достаточно нескольких секунд, чтобы распознать достойного человека. И не смотрите на мою молодость – возраст не имеет значения. За годы скитаний я научился выделять свободных людей среди моря рабства.

Электричка подъезжала всё ближе. Мой новый друг, шлавно жестикулируя, то и дело оборачивался к приближающемуся транспорту и рассказывал о странном, удивительном мирке, обнаруженном не так давно.

– Всё ясно? – Спросил Глеб. – Впрочем, я немного провожу Вас, Виктор.

Мы зашли в вагон, где сидели три пассажира, и устроились у выхода.

– Через две остановки мы увидим с левой стороны дуб, ствол которого могут обхватить несколько человек. Ровно через тридцать пять секунд нажмите стоп-кран и направляйтесь к маленькому озеру, расположенному за облысевшим холмом...

Юноша притих, заметив женщину лет тридцати, сидевшую на соседнем ряду и наклонившуюся в нашу сторону. Она даже вытянула шею, боясь пропустить слово. Опомнившись, отвернулась к окну и стыдливо прикрыла глаза ладонями. Её связанные в пучок волосы, неумело окрашенные глаза, прямой нос и сжатые губы являли собой вид

не столько неприметный, сколько боязливый и сквозящий безысходностью.

– Подойдите к нам, – обратился я к ней, вложив в интонацию всё своё дружелюбие. – Не стесняйтесь. – Краем глаза заметил, что Глеб не препятствовал моему решению. Видно правду говорил о своей способности видеть достойных людей.

Незнакомка сделала вид, что не слышит, но через какое-то время бросила испуганный взгляд и молча села рядом с нами.

– Простите, – вымолвила она дрожащим голосом, – я не хотела подслушивать. Я...

– Не стоит, – вставил Глеб. – Муж хоть и бил Вас много лет, но душу он не мог забрать. Пожалуй, сын также своими властными и жестокими выходками не способен сломать столь сильную женщину. Выгнали из дома общими усилиями.

Она слотнула, на лице выразилась смесь недоумения и неподдельного страха. Я сдвинул брови, оглядел юнца: непринуждённость в глазах, тело расслаблено.

– Откуда, откуда, – женщина всхлинула, – откуда вам известно?

– Догадался. Не ломайте себе голову, не стоит.

– Меня зовут Виктор, – проговорил я, стараясь перевести разговор на менее напряжённую тему. – А это Глеб.

– Анна.

– Рады знакомству, Анна. Простите моего юного друга, временами он бывает таким догадливым.

Женщина вскоре заговорила более уверенно и через три остановки по её сжатым губкам промелькнула тень улыбки.

Сам тому не веря, я отсчитывал секунды, но дёргать стоп-кран не собирался. Зачем? Банальный и вместе с тем главный вопрос, терзающий нас на протяжении всей жизни, когда осталось проделать один-единственный шаг к чему-то новому, неизведанному. Снаружи темнело. Бетонные опоры, деревья пронеслись мимо и лишь звёзды – первые мерцающие холодные звёзды – неподвижно вспыхивали на светло-синем небе.

Электропоезд затормозил – всех бросило вперёд, но я успел придержать Анну и упереться свободной рукой

в лакированную спинку противоположного сиденья.

У стоп-крана находился Глеб. Как ему удалось незаметно переместиться мимо нас к заветному рычагу – до сих пор сотаётся загадкой. Он знал наперёд мои шаги, читал мысли, негодяй этакий!

– Вперёд, друзья, – сказал он, улыбнувшись и указав на выход.

– Можно я пойду с Вами? – осведомилась Анна, поправляя волосы. – Мне уже терять нечего, да и ночевать негде.

Я коснулся её локтя, тем самым давая понять свои намерения, и заковылял к открытым дверям тамбура.

– Может, напоследок всё-таки назовёшь своё настоящее имя?

– Ага, недоверие – первый признак неудачи в жизни. Нет, нет и ещё раз нет, – ответил Глеб.

– Но ты ведь не простой парень, правда? Не такой, каким был я в молодости?

– Поверьте, – мягко сказал молодой человек, – один в один. Ничего во мне нового.

– Сложно поверить, сложно.

– Просто нужно было решиться сделать себя свободным, вот и всё. А ты смог под конец жизни. Пора, мой друг.

Мы направились к холму и поминутно оборачивались к юному попутчику, машущему рукой на прощание.

– Боже мой, что я делаю, какое-то безрассудство, – шептала женщина.

– Не переживайте, просто действуйте, как хочется.

Она моляще воозрилась на меня.

– Да, да, – повторял я, – Вы ведь захотели пойти с нами и пошли!

– Куда мне деваться? Ни знакомых, ни друзей!

– Расслабьтесь.

Анна глубоко вздохнула и уверенной поступью направилась к холму. Её нижняя губа дрожала, выбившиеся волосы ниспадали на лоб.

Небо темнело, прохладный ветер шумел в опавшей листве под деревьями.

Открывшееся взору озеро напомнило разлитое пятно голубой краски на зелёном холсте. Лёгкая рябь наблюдалась на его поверхности, пахло сыростью.

Спутница не произнесла ни слова – она безмолвно следила за сгущающимися сумерками и волнениями воды.

Я сел на корточки у кромки озера, зачерпнул в ладонь освежающей жидкости и умылся. Присел на траву, полюбавался звёздным небосводом.

Анна пристроилась рядом.

Через несколько минут ветер стих. Звенящая тишина опустилась столь внезапно, что перехватило дыхание. Озеро на этот раз выглядело осколком разбитого зеркала, в котором отражались яркие песчинки вечернего платья – глубокого синего неба. Воздух становился более мягким, тёплым, осязаемым, пока не обездвигил нас. Так, наверное, чувствуют себя люди, замурованные в ловушке. Панический ужас сменился возгласом удвигения, когда ощущения пропали, а с неба посыпались звёзды. Они падали и падали, пока не покрыли поле ярким покрывалом.

– Что происходит? – спросила Анна, дёргая меня за рукав.

Я молчал, стараясь ничего не пропустить.

На смену звездопаду пришла вспышка, исходившая, казалось, из глубин озера. Слепленные, мы не шевелились.

Столб воды поднялся до небес и, когда создалось впечатление замедленной съёмки, всё замёрзло. В ледяной корке отражались отрывки из моего детства, школьных лет, затем юношеских. Жизнь пролетала перед нашими глазами как плёнка, в которой остались самые важные моменты.

Я услышал всхлипывания Анны. Она сжимала мою руку выше локтя, когда на самодельном экране появились фрагменты её недавнего прошлого.

Незаметно для нас небо затянули тучи и накрапывал мелкий дождик, с каждой секундой набиравший силу.

– Пора возвращаться, правда? – шепнула моя спутница.

– Пожалуй.

Мы встали, но стихия разыгралась не на шутку. Ветер бросал бодрящие капли в лицо. И только тогда я понял: ливень неосязаемый, капли словно не касаются моего лица, они обтекают по форме, будто на мне какая-то защита. То же самое происходило с Анной.

– Привет, – раздался знакомый голос за спиной.

Глеб, спрятав руки за спиной, раскачивался из стороны в сторону и с нежностью следил за нашей реакцией.

– Вижу, не всем нравится.
– Так что же это за место?
– Понимаете, – протянул молодой человек, прочистив горло, – среди людей так много отчаявшихся, так много недовольных своей жизнью, что... как бы это выразить понятнее... вся отрицательная энергия, выпускаемая под воздействием того или иного раздражителя, скапливалась в отдельных местах.

– Где-то здесь, – догадался я.

– Правильно, но не совсем. Я считаю, склад нереализованных мечт принял образ озера по причине часто проливаемых слёз. Да, да, не стоит показывать удивление. Мне повезло задержаться здесь на несколько дней. Можете считать подобный образ жизни бродяжничеством, отчаянием или невероятной глупостью, однако факт есть факт. Кладбища мечт и желаний порциями расположены по всей планете.

– Вы слишком много знаете для бродяги, не так ли? – спросила боязливым тоном Анна. – Не верится в столь проникновенный и мечтательный ум парня, в одночасье лишившегося всех благ человечества ради пресловутой свободы. Зачем?

– Не соглашусь, – парировал Глеб. – Я добровольно сбегал от жизни серой массы.

Я ступил к озеру, зашёл в воду, зайдя по колено, затем по пояс. Погружаясь всё глубже, ощущал не столько обволакивающую прохладу жидкости, сколько её странноватую вязкость, напоминавшую карамель.

– Отважное любопытство, – улыбнулся парень.

Анна зажала рот ладонями и с ужасом наблюдала за моими действиями. Раскрыв глаза под водой, я почувствовал, что вопреки всем законам физики камнем падаю на дно. Перед моим взором мелькали расплывчатые картины из нереализованных судьбоносных линий незнакомых людей. Мужчина за столом при тусклом свете ночника пишет произведения, приятного вида девушка разгуливает по зелёной травке перед частным домиком в лесу, мальчишка держится за ноги отца и просит прощения, средних лет женщина с дрожащими губами встречает на вокзале сына, который выходит из вагона и пытается найти её среди тол-

пы. Облачённый в военную форму, с сумкой на плече, он расталкивает людей и выкрикивает её имя. Сотни, тысячи, миллионы мечт, воспоминаний, желаний, так или иначе не прописанных судьбой. По большей части они все трагичны или полны одиночества.

Наконец, я увидел себя в молодости. Молодой парень, шагающий по мостовой с портфелем в руках и напевающий песню. Впереди университет, ненавистная работа и так далее. Однако лицо моё приобретало новые черты, доселе незнакомые. Я всегда пытался быть кем угодно, но только не самим собой. И вот моё лицо стало лицом Глеба. Того самого Глеба из злополучного озера. Вот почему он так много знал про это место. Знал потому, что родился здесь. Родом из моих нереализованных мечт. Странный юный попутчик оказался воплощением моей второй жизни, которую я не сумел построить.

Андрей Бударов

И даже взгляд канет в Лету, любое движение ложно, покойнику быть отпету фальшивящими безбожно соседями и друзьями, коллегами и родными, останьтесь, останьтесь с нами, в косметике или в гриме, а то – в карнавальной маске, а может – с огромным шрамом, да в марлевой пусть повязке, иль скрывшись густым туманом – всё, лишь бы вас не узнали те люди, что вас распяли.

Чуточку чепухи

Четверг. Четвёртое число. Чрезмерно чётко часы чеканят человеко-день. Черкнёшь: «Четыре чёрненьких чумазеньких чертёнка чертили чёрными чернилами чертёж».

«Чернец чукотский, чрезвычайно чуждый чёткам, чинит четверостишья чудные». Чихнёшь – чванливо челюсть чмокнет. Черновик читнём-ка... Чушь, чепуха чудовищная! – Черканёшь!

Чаёвничаешь. Чу! «Чайнка-чемпионка – чужачка, читерша...» Чушь! Череп чесанёшь... Членораздельно чертыхнись! «Частит чечётка чухонца, что чубат, частично чернокож...»

Четырнадцать часов черкаешь, чистишь. Чёлка чехлит чугунное чело. Читаешь. Что ж. «Четыре чёрненьких чумазеньких чертёнка чертили чёрными чернилами чертёж».

Алёна Шипицына

Есть силы

Скворец, мой дом сторел
И твой скворечник тоже.
Куда я приглашу тебя весной?
Лети и пой. И как сказал художник:
"Всё это, друг мой – дело наживное!"
Лети и пой! Мы будем вместе петь.
Ты ближе к облакам, я на земле.
Но не о том, как больно,
А о том, что нужно продолжать и не робеть.
Что жизнь прекрасна и полна,
Когда есть песня. Когда есть силы петь.

Всё хорошо

А у меня, знаешь, всё хорошо.
Просто немного устала
От пристального внимания
И от желаний чужих.
Света не зажигаю, сейчас ведь темнеет рано,
А силуэты под окнами зачем-то любят скользить.

Я не мечтаю давно, не удивляюсь глупостям.
Просто живу и радуюсь,
что можно спокойно жить.
Бывает только в кино,
что полусы мерно крутятся,
И у двоих получится без огорчений любить.

Если ты позвонишь, будет сказать мне нечего,
Только о том, что вечером
снова пошёл снежок...
Видишь, и ты молчишь...
Значит встречаться незачем.
А у меня и в вечности... Будет всё хорошо.

Александр Блинков

ВОЛГА ВПАДАЕТ В КАСПИЙСКОЕ МОРЕ

Был человек. Не то что бы дурак или там умный. Но не глупый – точно. Нормальный. Он был мужчина. Семён.

Он любил траву: ходить голыми ступнями по влажным, упругим стеблям, пусть и осока в кровь режет, наплевать, а лучше, чтобы тёмная от придонного ила вода пруда зашлёскивала на эту траву.

Ему это нравилось.

Тогда он подходил к самой кромке воды, садился и сидел себе, опустив ноги в воду по щиколотку. Сидел и всё.

Ещё он работал там, надеялся, страдал, верил, отчаивался, проблемы, мать, семья, жена, дети болеют, ел, пил, умер.

Но это потом. А пока, вот он, сидит.

Была женщина. Люсенька. Ничего себе. Скорее хорошенькая, чем дурнушка. Невысокая. Волосы не то чтобы рыжие, скорее каштановые. С таким красноватым отливом, если смотреть против солнца. Себе на уме. Да, очень даже ничего.

Лес любила, тропинки там разные вдоль лесного потаённого озера.

Особенно любила опушки с нежно-зелёной травой и чтобы по кромке тёмные непроглядные ели в ряд.

Но и город она любила: городской шум, дома фасадистые всякие, когда машины шуршат колёсами по мокрому асфальту. Вообще она дождь любила.

Как-то вышла из метро, на Волжской, дождик накапывает, смотрит, дорожка чёрная асфальтовая вдоль берёзовой аллеи парит и вся в розовых коленчатых дождевых червях. Повывлезали. Она и замерла: сняла туфли и пошла босиком по мокрой траве вдоль этой дорожки и, конечно вышло, что напрямик к тому, любителю травы, что сидит сейчас, поджав колени у самой воды Люблинского пруда. Тут, недалеко. И поняла, что это он – Тот Самый. И полюбила его всем сердцем. И этот, у пруда, словно почувал что, точно озноб какой по спине пробежал, как если лёгким ветерком зыбь

поднимет на тяжёлой придонным илом воде озера.

Конечно, и у неё вроде всё в жизни сложилось: муждوما ждёт; дети – Васенька, Анечка... и всё такое. Жизнь как жизнь, хорошая, настоящая: выросла, замуж вышла, родила, работала, выучила, долго болела, умерла.

А пока вот она, Люсенька, стоит, а этот, Семён, сидит, обхватив колени руками.

А, Этот, сверху смотрит: Он Бог.

Я плохо Его вижу. Почти совсем не видно. Смеркается, а Он очень высоко.

Короче: мы смотрим с Ним, на этих, у пруда.

Я со своей скамейки Бог, Оттуда. С разных ракурсов.

Я, например, вижу одну сидящую фигурку: мужчина лет сорока, или около того; другая – женская: брюнетка, нет скорее рыженькая, лет тридцати, с гаком. Мне так кажется.

У Этого ракурс хуже моего. Хотя он точно знает, когда каждый из нас того, и зачем мы все тут, и всё такое...

– «Ну, давай», – думаю я – «Господи, это же их Судьба...» Мне со своей скамейки это точно видно. У меня было такое... Не решился... Потом вся жизнь кувырком... Ну!»

Тут этот, Семён, оборачивается... – «Ни фиги себе», – думает, – «Фея... Н-е-е-а, что-то не то ...»

И эта, Люсенька, видит эту морду, – «Господи, ну и тип. Мой-то Лёха, хоть и козёл, а получше будет...»

И, понятное дело, сердца их наполнятся тёмно-бордовым разочарованием, как бокал на длинной ножке терпким с польнно-карамельным послевкусием сицилийским Неро Дьяволо, которое подают у Джузешпе в баре на набережной небольшого южно – итальянского городка Никотера.

Как всё нескладно-то вышло... а, Господи... А ведь была у них надежда в этой их зачухонной жизни на то полочее нестерпимое счастье – того единственного человека встретить: подойдёт сзади, положит руки на плечи и скажет: – «... Здравствуй, это я...»

И тогда любовь до гроба, и умереть в один день...

И так ведь всё ладно выходило: и эта хренова трава в воде, и ноги этого по щиколотку в ряске, и черви эти красные коленчатые, и дождь – не сильный такой, моросит, и эта босиком по мокрым стеблям осоки, и стоит вон теперь, дура душой, с израненными в кровь ступнями... красиво...

А в итоге: такая фигня, Господи, получилась, такая фигня...

Эти, Семён с Люсенькой, конечно, раздеваются догола: а что делать, как им теперь без надежды на любовь настоящую? Лямку с постылым тянуть да детей от нелюбви растить – обуза одна, тошно...

Короче, разделись. У него фигура, ладная есть на что посмотреть – просто Дионисий. И она статуэтка, ну просто статуэтка – Еврипида.

Берутся за руки... и, фигак в пруд: только пузырьки пошли.

Сажу на своей скамейке, грустный, думаю обо всём этом. Слушаю, как их смартфоны в мокрой от вечерней росы траве надрываются той, прежней их жизнью. И, Этот, грустный, Там наверху слушает...

А эти, Дионисий и Еврипида, лежат, значит, сейчас в тёмном придонном иле, взявшись за руки, как два херувима и смотрят сквозь озёрную ряску влюблёнными глазами на сверкающее звёздами ложе Господне... Нет, что-то в этом есть... Красиво... Законченность изящная... Убей Бог есть...

Или чего не так... Вон как Ты мыском левого ботинка постукиваешь. По – особенному. По себе знаю... и, раз, закинул ногу за ногу так, что теперь отчётливо виден серый носок с вензелем D&G между голубым штиблетом и лососевого цвета брючиной. Похоже, не потошли, дышат мои амфибии Твоими свежими парными жабрами...

Ну, Господи, Ты и хитрец, вон как всё ловко вывернул, а ведь и наперед всё знал...

Ведь этот, Дионисий, как увидел у неё, Еврипиды, эти жаберки алые, трепещущие за розовыми аккуратными ушками, и она у него за большими, по-детски беззащитно оттопыренными лопухами, так и вторились друг в дружку. Оба. Сил нет.

И эти там, на суше, бывшие жена и муж утопленников, как пить дать, переженятся. Встретятся случайно на поминках, у них общие знакомые оказались, влюбятся по страданке и переженятся.

А амфибии, по весне на нерест пойдут. Семён молоку выбросит, Люсенька – икру вымечет. Детишек народиться тьма.

Как и мечталось.

Ихтиандров моих похоже, ещё до зимы выловят, разом

Или юннаты для школьного аквариума. Там и передохнут;

Или санэпидстанция и продадут врачам на органы. Сейчас в Москве нужда в этих органах огромная, мутантов развелось – тьма. Жестко Господи, но за такую любовь и заплатить не грех, это тебе не шуры-муры по обыденке.

А детишки их, мальки, новые ихтиандрики, через подземные ручьи из Люблинского пруда пойдут в Москва реку, оттуда в Оку, оттуда в Волгу, а оттуда уже в Каспийское море.

Все знают, что Волга впадает в Каспийское море. Так ведь, Господи?

Наталья Силантцева

Пырей ползуч. Он стелет тело
Своё за всякие пределы,
За все границы и посадки,
Ему постичь упорно надо
Всё то, что я, в себе изгладив,
По памяти пишу в тетрадах.

Пырей ползёт. Он точно знает,
Что неизбежно заползает
В чужие души, где не ждали,
Где и травили, и топтали,
Где все о нём давно забыли,
Ползёт по придорожной пыли.

Пырей живет – секундой в сутки,
Стихами на облезлой парте,
Пырей вползает в закоулки
Тех стран, которых нет на карте,
Которых просто – быть не может,
Раз я из них давно сбежала,
В которых я была ничтожна
И тщетно их уничтожала.

Но вот пырей... Он слишком цепок.
Он всё планирует расплату
И преподносит новый слепок
Отреставрированных статуй.

Пырей живуч.
Да, я всё помню.
Пожалуй, больше, чем хотела.
Пырей ползуч.
Тоска огромна.
За все пределы...

Антон Сергеев

Холодный июнь

плещет руки река предвечно
в рукава. не случилось встречи.
над рекой перебор наречий –
одинокое и тихо. неча

на кого-то пенять, перечить
глупо – некому. белый вечер.
карту крыть вверх рубашкой – нечем,
и рубашка не греет плечи.

вечер призрачен, быстротечен,
руки берег речной калечат.
невезучее, знать, местечко,
невезучее что-то, нечто...

что-то лето летит, не лечит –
час за часом светлей, не легче.
час за часом – ни чёт, ни нечет,
мигомлетнее, бесконечней.

...мёрзнут руки в карманах шортов,
ночь белеет над речкой чёрной.
и не громче дыханья: к чёрту... –
изречённая обречённость.

Константин Комаров

Так чисто выбрился, что втору застрелиться

В. Дуленов

Небрит настолько, что почти бессмертен.
Так часто бриться – это не моё.
Я здесь, как посторонний перевертень.
Изнаночный привет тебе, Маёр.

А временами, выходя из мира,
читай – из бытового забытья,
я вижу: у меня «чутлива шкура»,
написано на креме для бритья –

«чувствительная кожа» по-хохляцки,
как тайный знак, откуда я такой:
и эти лихорадочные цацки,
и бритвенный вот этот беспокой,

и водка-пиво-водка-водка-пиво –
хотим тонуть мы или не хотим –
пластайся, коли шкура столь чутлива,
без права нарастить на ней хитин,

который у иных всюсю нарощен,
но посреди избыточных вещей,
я постараюсь быть немного проще:
пойду побреюсь что ли вообще...

Владислав Южаков

Зелье для Ланцелота

Открывай калитку, ведьма.
Я измотан. Я устал
Поднимать под клич победный
Окровавленный металл.
 Навари покрепче зелья,
 Да побольше навари,
 Чтобы тёмное веселье
 Продолжалось до зари,
Чтобы думать про потери
Не хотела голова,
Чтобы я сумел поверить,
Что рука моя права
 В час, когда на части рубит
 Обречённые тела,
 Что не зря сзывают трубы
 На жестокие дела.
Что с клинком острее жала
У меня героя роль,
Что мудра моя держава
И безгрешен мой король.
 Дай мне зелья, чтоб не снились
 Патетические сны
 Про победы справедливость
 И величие войны.
Дай в тяжёлый бред зарыться,
Чтоб не слышать лязг и плач.
Дай мне веру в то, что рыцарь —
Не мясник и не палач.
 Впрочем, лучше дай мне волю
 Просто бросить щит с мечом.
 И с утра проснуться в поле.
 И не помнить ни о чём.

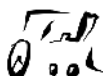
Ольга Анискина

ни тебя, ни меня, только тени, и ветер, и тени,
только соль на камнях –
простушила и сразу пропала,
и качаются тонкие стебли подводных растений,
бестелесные духи медуз и погибших рапанов,
только крик над водою, высок
и всегда безответен,
на дрожащих холмах – черепков серебристые груды,
ни тебя, ни меня, только ветер и рваные сети,
и дитя у воды, что явилось само, ниоткуда.

это девочка – слышишь, она осторожно ступает
по песку и по водорослям, по кускам перламутра,
и сквозь водную толщу огромная рыба слепая
всё глядит на неё, и не видит,
и плачет как будто.

Шатяна Безридная

Я снюсь себе. С рожденья. Без конца.
Среди зимы – я в сердцеvine лета.
Я становлюсь то голосом отца,
То тенью бестелесного предмета.

Я – явь во сне. Я вижу то столбы
Седых дымов над мёртвыми полями,
То влагу оттопыренной губы
Пред тем, как горлу вымолвить: – Стреляли...

Я – взрывы в искалеченном лесу.
Я след смертельно раненной лисицы.
Я звон луча в росинке на весу,
Я кровь, я кров...Я отраженье птицы

В единожды зачерпнутой воде,
Навеки замутнённой чьим-то взглядом,
Я – этот взгляд...Я вечное нигде,
Внезапно оказавшееся рядом.

Я – эхо тишины среди колонн.
Я – лестничные мрачные пролёты,
Я шум паденья. Слышишь? Я – колосс,
Держащий небо, звёзды, самолёты..

Я сказанное шепотом «Проснись!»
Я стрелка лет, спешащая по кругу..
Я высь, бессильно рухнувшая вниз
В попытке примирить миры друг с другом.

Ольга Фёдорова

Зеркало

Время усталое, серое
Бьется о камни могил...
Смотришь в старинное зеркало,
Что я тебе подарил.

Тени угрюмые мечутся,
Стрелки стремятся к нулю...
Из глубины, как из Вечности
Я на тебя посмотрю.

Таает, и дышит, и плавится
Взгляда песочная сталь.
Нынче священная пятница...
Стань же моею ты, стань.

Путь твой за хрупкою дверкою
Слился навеки с моим...
Нас не отпустит то зеркало,
Что я тебе подарил.

Иероглиф

чёрно-лунную каплю рассвет
обронил на белый пергамент ...
я сегодня скажу тебе «нет»,
только жарки пальцы, как пламя.

в зеркалах исчезает двойник,
торопливей меча патроны;
стоит дрогнуть хотя бы на миг,
иероглиф не выйдет ровным.

тихих слов золочёный оклад...
обними... мы вдвоём, навеки...
в тёмно-красном приходит закат
с полосой чёрной на веках.

Евгения Лейблус

Любить смотреть на солнце –
И ослепнуть.
Любить бегать –
И стоптать ноги.
Любить хорошо работать –
И рано устать.
Мышь бежит в 10 раз быстрее слона,
Но слон живёт в 10 раз дольше.
Кто больше любит жизнь,
Тот быстрее уйдёт из неё.

Они могут превратиться
Из мёртвых червяков
В уязвимых, но живых бабочек,
Но хотят ли они этого?

Стой, призрак!
Дай на тебя взглянуть...
Он глух...
Спросить его?..
– Попробуй, но он нем;
Взглянуть ему в глаза?
– Смотри, но ты их не найдёшь.
Он не такой, как ты,
И личности в нём нет...
Не думай ни о чём:
Он тоже не умеет думать...
Он просто прётся над тобой, скотина!!!

Андрей Орлов

Ответ сальвадорской гадалке

Я умру пятьдесят три года назад
В уральском роддоме розовым крошкой.
У меня будет сморщенный детский зад
И смешные малюсенькие ладошки.
Пуповину доктор соединит,
Щёлком ножниц стальным мою жизнь итожа,
И меня затянет в себя магнит
Материнского тёплого междуножья.

Я уйду из жизни не тем путём,
Как вперёд живущие сто процентов,
Я сперва в клубочек свернусь, потом
С головою укрою себя плацентой,
На конце тоннеля погаснет свет,
Глаз врача исчезнет и шкафа дверца,
Завершится жизни дурацкой бред
И забудутся вновь в унисон два сердца.

Я начну уменьшаться за часом час,
Совершая росту процесс обратный,
Забывая о том, как я жил – подчас –
Совершенно светло, а порой – развратно.
Пропадут понемногу размер и суть
Самомненья и смыслов определения,
И заменится клеток деленья жуть
Дивным шорохом клеток соединенья.

Вот уже позвоночник почти исчез,
Превратившийся в рыбу прямую хорду,
Вот уже я без ручек и ножек без,
Улыбаю зародыша мини-морду!
Вот уже не увидеть и черт лица,
Не поймёшь, еврей или монголоид,
Вот уже я спящий в яйце отца
На других не похожий сперматозоид,

Я уже неделим, я почти невесом,
Я - ещё полмигновенья - и стану атом.
Аз есмь «Икс» и «Игрек», набор хромосом,
А добавить «И» краткое - стану матом.
Я - весёлая смерть на конце иглы,
Я - мошонки творца суетливый пленный,
Я могу быть вытерт о край полы,
А могу стать началом всея вселенной!

Я есть жизни начальная пустота,
Та, кого так боитесь, молитвы бляя, вы,
Я - квадрат, зачерняющий ткань холста,
Я - таблица кошмарная Менделеева,
Я - Нерон и Мисима, Кортес, Паскаль,
Я - из старых газет по ручью кораблики,
Я - верховный ацтекский божок Кетцаль
И летящее в темя Ньютону яблоко.

Мне не нужно спасения и наград
И к высотам духовности восхождения
Потому, что я просто живу назад,
Поменяв полюсами смерть и рождение.
Всем, живущим в гнетущей лет кабале
Что сейчас на прощанье хочу сказать ещё?
Я рожусь через тридцать примерно лет
На каком-нибудь маленьком сельском кладбище.

Ольга Певенкина

Всматриваюсь всё глубже
В зеркальные коридоры
Бесчисленных отражений,
искажений

Дробятся на множества
Скользящих движений,
Станных жестов
блаженных

Распадаются тождества
Без остатков похожего.
Зазеркалья прохожие,
Позабудьте меня.

Антон Погребняк

1.

Тебе жмут
Углы этого мира
У тебя слишком тонкая
Душевная организация
Ты чувствуешь все оттенки
Невысказанного
Готов исчезнуть
Не нарушив
Одному тебе видимую
Хрупкую гармонию
Человеческих отношений
Разве что
Не заметишь
Задумавшись
Как кому-то
Наступаешь на горло.

2.

Люблю свой нокиа
В его словарном запасе
Отсутствует
Промоутер
Но есть слово
Невысказанное
Вместо
Жмут
Предлагает
Дорс
Саммер алмост гон.

Вода пахнет стеклом
 Стекло пахнет железом
 Железо пахнет рыбой
 Рыба пахнет
 Водой.

Не близко но рядом
 Не рядом но близко
 Не понимать но чувствовать
 Не чувствовать не понимать.

С высоты третьего этажа
 Невский похож на
 Бульвар Монмартр
 С высоты третьего этажа
 Я похож на
 Человека
 Который смотрит на
 Бульвар Монмартр
 С высоты третьего этажа
 Похож на
 Человека
 Который скучает по
 Тому состоянию
 Которое возникает
 Когда смотришь на
 Бульвар Монмартр
 С высоты третьего этажа
 Похож на
 Человека
 Который через полчаса
 Будет бухать
 Где-нибудь в кафешке
 На Невском или на
 Бульваре Монмартр.

Наталье Нарсии

Осенние пейзажи
Нет, наброски
Мелькают за окном, в окне
И вспоминается
Карету мне
Карету
И вот уже летит
Карета, комья грязи вылетают
Из-под копыт
И за окном мелькают точно также
Пейзажи
Нет, наброски
И девушка напротив
С латышским выговором
Говорите, я прошу вас, говорите
Следы дождя на стёклах
Словно бы на лицах
Неизъяснимая тоска
Дорога.

Смотрел на стекло
Разделявшее нас

Иван Буров

Рыбы

Щелчок турникета на входе...
Ступени влекущие вниз...
Стеклянные двери в вагоне,
Где заповедь: «Не прислонись»...

Холодные руки... и спины
Горячие как утюги...
Здесь женщины все и мужчины –
Печальны и очень строги...

И ты, припечатанный к двери,
Распятый на ней как Христос,
Ни в бога, ни в чёрта не веря,
Икаешь под грохот колёс...

Предвестница нервного срыва –
Слеза наполняет зрачок...
В стекле отражается рыба,
Попавшаяся на крючок.

Валентин Тусаченко

Шнурок

Утро

Андрей всю ночь спал не спокойно. Мысли в голове то и дело путались, никак не хотели выстраиваться в стройную и понятную схему, годную для крепкого и глубоко сна. Он ворочался, с головой зарывался под подушку, переворачивался с боку на бок, отлёживая конечности – хоть бы что помогло. Но хоть бы что не помогало. Выходил только сон «пунктиром» – рваный и тяжёлый, как называл такую гадкую дрёму Сергей Павлович – напарник по службе, ужасно громадный и жутко волосатый, издали походивший на медведя. Громкий храп – это как раз его сладкая мелодия разносилась сейчас по комнате.

Палыч – так называли его все: от строгого начальника до приветливой продавщицы в ларьке – умудрялся выспаться даже «пунктиром». Да хоть «тире-точка-тире» ему организуй, он к стеночке прислонится, сапог под голову сунет и «приятных снов», товарищи соседи. Умостится, как получится, и понеслась душа по колдобинам в рай. И Андрей ему откровенно завидовал. Особенно сейчас, когда напарник на нижней шконке звучно и громко сопел, раздувая меха могучей кудластой груди, и всасывал весь окружающий воздух в два огромных отверстия на довольной роже. А что, если заткнуть кляпом? Нет, от такого желания нужно избавляться. Вторую голову, взамен разбитой, Андрею взять будет негде.

Андрей свесил ноющие культы вниз, глянул на часы – ровно пять, пора вставать. Извечно пунктуальное солнце уже показалось из-за горизонта. Оранжевый кругляш, плюющийся энергией на всю солнечную систему, выкатился и в это утро. Вот, кто работает постоянно, не прерываясь ни на секунду. Надо напарника растормошить. Опоздаешь – считай, репутация годами зарабатывалась зря. Работы непочатый край.

– Палы-ы-ыч, – просипел Андрей, – Палы-ы-ыч. Вставай, на работу проспим.

– Уже иду, – буркнул напарник и перевернулся на спину.

– Под себя только не сходи,– зевая, пошутил Андрей и спрыгнул с кровати.

– Уже,– усмехнулся Палыч и широко зевнул. – Знаешь, что снилось? Будто нам приказ пришел весь городок сегодня обскакать. За раз, одним заходом. Не справимся – пинок под зад, господа, вы уволены. Высокое начальство бдит и не дремлет. Мы дремлем, а оно не дремлет. Я себя во сне в положении дойной коровы чувствовал.

Палыч с секунду подумал и тут же важно добавил:

– Хотя и рекордной по удоям.

– Валяйся больше, вымя отрастет, и мечты сбудутся.

К умывальникам подползли почти синхронно. Андрей – тощий и жилистый, взъерошенный после душа, свежий и подтянутый. И Палыч – длиннющая борода, густые бакенбарды, включенные космы. Прямо неандерталец с крохотным полотенцем поперёк широченной спины. Обычно он полотенце с собой не таскал, потому что не имел моды купаться по утрам. Он-то в принципе купание не жаловал. Но сегодня полотенце с шампунем каким-то чудом одновременно оказались с Палычем в душевой кабинке. Первый рабочий день на новом месте – всё же стоит привести физиономию в надлежащий презентабельный вид.

– Весь западный микрорайон на сегодня,– привлёк к себе внимание Андрей.

– Ага,– почти без эмоций кивнул Палыч.

«Неужели спит, зараза?» – подумалось Андрею, и он присмотрелся.

Палыч выглядел сонным, его покачивало, глаза были немного приоткрыты и расфокусированы. Тут к гадалке не ходи – сон досматривает. А сам в тоже время зубы чистит. Вниз – вверх, влево – вправо, пара круговых и снова вниз – вверх, влево – вправо...

– Мне неудобно это говорить, но у тебя паста на животе,– громко сказал Андрей, так, чтобы разбудить наглеца наверняка.

– Ага,– пожав плечами, как-то задумчиво промямлил Палыч.

А затем неожиданно для Андрея, уже серьёзно и внятно продолжил

– Не дрейфь, всё сможем, всё успеем,– сплонул в мойку

Палыч, – всех учтем и всё учтётся.

И тут же взглянул на соседа, широко улыбаясь во все свои оставшиеся тридцать белоснежных зубов. И стало тепло. За это Андрей его и любил. Плюсы Палыча состояли в том, что у него просто не было минусов. Он был добр, мягок и до краев своего здорового тела наполнен смехом.

– Сегодня завтрак готовишь ты, – неожиданно тонким даже для самого себя голосом проскулил Палыч и вытер косматую морду грубым вафельным полотенцем. – Я вчера готовил. Макароны и отбивные.

– Не напоминай, – Андрей брезгливо сморщился, а про себя подумал «Вот Палыч и проснулся. Можно начинать. Только кофе пропустить стаканчик, и сразу в бой».

Андрей ушёл на кухню, и было слышно, как заработала кофемашина. Потянуло сладким запахом терпкого бодрящего напитка. На плите что-то затрещало.

Два ярко красных костюма с надписями «Перепись населения 200013» без пяти шесть поспешно выскочили из неприметной съёмной квартирki на окраине города в «Зелёном парке» и дружно зашагали в сторону западного микрорайона, повыше поднимая ноги от земли.

Колдобины поражали своими размерами.

Двинулись дружно и уверенно, старательно обходя стороной границу с северным форпостом – это уже чужая территория. Топали с бумагами наперевес, чтобы переписать всех и каждого. Чтобы знать, что и кто населяет эти земли. Причем населяют, чего уж скрывать, не слишком густо.

Небо над головами заискрило. И рваные тряпки облаков дружно скрыли светило. Тяжёлые свинцовые капли забарабанили по пыльным улицам, подгоняя переписчиков к ближайшему пятиэтажному дому. Особенно холодная капля заставила здоровяка вянуть могучую голову глубоко в рубашку.

Лишь только город выглядел бесконечно спокойным.

Город казался спящим.

Не утро

В городке, размером с этот, ежегодный прирост составлял примерно пять сотен новых граждан, а убыль составляла порядка сотни – двух. Да вот только статистика местного

морга не внушала доверия. Доверяй, но проверяй. И потому Андрей с Палычем бродят по квартирам.

За годы работы они многое видели.

Но до сих пор верили в чудеса. В чудеса и доброту.

С годами чудес становилось всё меньше, а чудачков – всё больше. Если раньше обходы протекали гладко, размеренно, без накладок и эксцессов – за день переписывали именно столько, сколько было загадано, то сейчас коэффициент полезного действия экспоненциально стремился к нулю. Стремился, но никак не достигал этой пустой цифры.

Первая же квартира встретила дружным лаем четырех продолговатых сук, отдаленно смахивающих на прародительницу всего квартета – таксу. Самая седая и подслеповатая из товарок, недовольно отворив дверь, картинно сложила лапы на груди, поправила кружевное платье, а затем пробормотала что-то весьма невнятное на чистом английском и всё-таки пустила гостей на порог, поманив кривыми короткими ручонками. Андрей языков не знал, и оттого проморгал иностранщину мимо ушей.

Несмотря на терпкий запах животной мочи, от которого Палыч сперва пожелтел, а затем сделался пунцовым, квартира поражала дорогим убранством. Пятикомнатная, она состояла из большой гостиной, двух кабинетов, двух спален, кухни и ванной. Стены здесь были покрыты дорогими коврами, в гигантских резных шкафах – хрустальные чайные сервисы на полсотни персон каждый, и ко всему этому – ультрамодная плазма в гостиной. Ни цветов, ни книг, ни даже старинных канделябров – скучная обитель. За годы практики Андрей успел выучить все типажи зажиточных граждан. Только в прихожей на стенах – весьма удивительные картины, принадлежащие кисти Пули Куvas – художнице, которую Андрей любил всем сердцем до сих пор, хотя умерла она ещё двадцать лет тому назад.

В нарядном переднике из ванной комнаты выскочила стройная домработница и предложила переобуться в белоснежные комнатные тапочки.

– Спасибо, – кивнул Палыч.

Спустя минуту из кабинета под ручку вышла очень пожилая пара и, шаркая ногами, двинулась к гостям:

– Чай, кофе? – натянуто вежливо предложила женщина,

не дождалась ответа от раскрывшего было рот Палыча и, съёжившись, двинула на кухню.

– Чай, пожалуйста, – в спину выкрикнул Палыч, решив, что со слухом у тётки не всё в порядке.

Размалёванные суки замерли у дверного косяка и начали наперебой обшаривать глазами непрошенных гостей. Только бы не гавкали.

Не удостоив гостей даже мимолетным взглядом, старик уселся на диван и послушно сложил руки на коленках.

Предложенный чай оказался на поверку невкусным и холодным, печенье в пиале – чёрствым и прошлогодним, а хозяева квартиры – глухими и немного даже туповатыми. Отчего вопросы приходилось повторять по несколько раз, ответы получать с десятиминутными паузами, а задача оставление автографа в бланке оказалась почти невыполнимой. Как держать ручку и что писать в графе «личная роспись» хозяева забыли окончательно. И в этот момент в мозгу Андрея прозвучали слова начальника, которые тот произнёс уже более полутора лет назад в ответ на замечание о снижающемся уровне грамотности: «Отупели, но не все».

«Да уж, не все» – про себя подумал Андрей и сквозь силу улыбнулся:

– Крестик вот в этот квадратик, пожалуйста.

Пятнадцать минут спустя, до костей провоняв терпким духом квартиры и ополоснув желудки мерзкой жижей, горе переписчики распрощались с хозяевами, хлопнули дверьми и брезгливо сплюнули на бетонный пол подъезда.

– Ну, и вонища! – Палыч поморщился и спустился на пару ступеней вниз. – Их не учили проветривать помещения?

– Семь классов образования, – ткнул пальцем в журнал Андрей, – какое к чёрту учение. Полный дом вони и счастья. До небес. Ещё и домашние животные, мать их.

– И не говори, – подытожил позеленевший Палыч и широко улыбнулся.

Напарники покурили и снова двинулись бегать кривыми по чужим адресам.

Ещё не вечер

Глухо на трамвайной остановке к вечеру.

Весь день на ногах не продержаться, пришлось прока-

титься на железной сосиске, как в шутку Пальч называл ржавый вагон с рогами.

Ряд одинаковых мрачных высоток остался далеко за спиной.

Конечная остановка и размякшая от дождя грязь под ногами.

Андрей с Пальчем энергично зашагали по широкой дороге в частный сектор, до костей прогреваясь в лучах освобождённого из плена туч солнца. На очереди были огромные дворы с огородами и фруктовыми садами, с колодцами, банями и пасущимися гусями в базах.

Жители на пути попадались всё больше воспитанные и грамотные. Они заинтересованно отвечали на вопросы, советовали, подсказывали, а некоторые и подкармливали, насильно снаряжая ходочков пакетами с пирожками.

Но в каждой бочке есть своя ложка дёгтя. Закон – на то и закон. Несколько раз таки нарвались на невоспитанных и безграмотных хамов. С одной гражданкой полаялись, благо Пальч вовремя ссору прекратил, пригрозив скандалистке нарядом полиции. Из-за перепалки настроение стало немного подмоченным, а учитывая метровые лужи после дождя и висящую гроздьями росу на траве, намоченными оказались и ноги ниже колен. Благо, что сверху не поливает.

К старому деревянному дому подошли уже в сумерках. Последний в списке. В темноте и не разглядеть. Андрей напрягся. И, правда, стоит завалинка. Стены просели глубоко в землю, крыша прохудилась и обильно поросла бархатистым мхом.

– Есть кто? – заглядывая через забор, спросил Пальч у Андрея.

– Есть. По бумагам, – Андрей отвел взор от книги, – хотя, вон в доме свет мерцает.

– Вижу-вижу, – пробормотал напарник, отворяя калитку.

Старая собачья конура стояла аккуратно возле порога, длинный шнурок от будки терялся в сенях, истёртый и потрепанный. Вид будки ничем не отличался от состояния соседки избы. Вот-вот и завалятся обе набок.

В миске на пороге лежал заплесневелый кусок пирога.

В полуметре от пирога торчала наполовину закопанная в землю белая кость.

– Жди здесь, я сам схожу, – буркнул Палыч и скрылся в темноте. Дверь скрипнула на всю округу.

Непонятно отчего, но Андрей заморожено стал пялиться на конуру, извлекая из подсознания непонятные чёрно-белые образы: массивные цепи, кожаные ошейники, цепкие колючие репьяхи и круглые резиновые шарики. Он изо всех сил напрягал память, силясь вспомнить, откуда ему знакомы эти картины, и как, чёрт возьми, они попали к нему в голову. Голова тут же разболелась, кровь в висках гулко застучала, отдавая в мозг тяжёлым колокольным эхом. Но тут же кожа за правым ухом приятно заныла, пульсирующие паутинки тепла по всему телу.

Это что ещё за чудеса?

Стало страшно и как-то не по себе. Волосы на спине встали дыбом, а ноги быстро и часто задрожали.

Шевеление мозгов прервал звонкий лай из сеней, а уже через секунду, громко матерясь, выбежал Палыч:

– Ей, Богу, идиот какой-то, – бросил Палыч и пулей рванул со двора, – двигаем, Андрюха.

– Почему идиот? – спросил Андрей, как только догнал запыхавшегося коллегу посреди дороги.

– А потому, – Палыч выдохнул, – стоит посреди комнаты на карачках, снизу вверх на меня смотрит, прямо в душу заглядывает и лыбится, скотина этакая, вывалив слюнявый язык. К тому же страшный! Лишь отдаленно нас напоминает. А под ногами лежит мячик розовый. И светится!

Палыч перекрестился, набрал воздуха в грудь, отвернулся, но продолжил:

– Зря я сразу не выскочил, – он махнул рукой. – Решил, что инвалид, дескать, сам дотянуться не может. Пожалел уroda, мячик ногой пнул, разговор завёл. И он ответил! – почти по слогам прорычал Палыч.

– Ты скажи, чего он тебе такого жуткого наговорил? – попытался снова докопаться до истины Андрей.

– Я, честно сказать, ни слова не понял, – Палыч осторожно слотнул, – но стало страшно. Будто организм всё-всё каждой клеточкой понял, а мозг – нет... Звонить в психушку нужно, пускай проверят персонажа.

Огонёк в избе погас, а животное протяжно и тоскливо завывло.

Андрей взглянул на Палыча.

Палыч взглянул на Андрея.

Страх, густо разбавленный беспокойством, заполнил перепуганные тела от ушей до кончиков пальцев. Два темных силуэта рванули по дороге в сторону «Зеленого парка».

Вечер

На полусогнутых добрались домой, наспех поели и улеглись. Каждый на свою койку.

– Палыч, – растерянно начал Андрей, – а правда, что раньше наш прародитель – собака была у человека домашним животным?

– Брехня всё, Андрюх, – Палыч поднял голову с подушки, – а почему спрашиваешь?

– Просто.

– Просто? Ты сегодня, сдаётся мне, малость перетрудились. Раз такую ересь несёшь, – здоровяк зевнул – Десять тысяч лет, как человек – домашнее животное. И всегда так было.

– А не больше?

– Может и больше. По мне – так лучше уж попугайчики. От людей больно гадко воняет. И нос вечно сухой. А болячки – умогаешься по ветеринарам водить.

– Может, ты и прав, Палыч, – Андрей натянул одеяло мохнатыми лапами почти до чёрного бархатистого носа. – Попугайчики – хорошие.

С нижней койки донёлся раскатистый звучный храп.

– Никудышный из тебя собеседник, Палыч, совсем никудышный, – рявкнул тихо Андрей и перевернулся на бок, пряча пушистый хвост.

Уже засыпая, ему приснилось, как чья-то голая от шерсти рука снимает ошейник и сладко чешет за ухом...

Ночь

В старой покосившейся избе, откуда с криками нынче уносились незадачливые сабакоиды-переписчики, на прохудившемся матрасе в углу спали двое. Седой парализованный дед и такой же старенький дворовый пёс. Барбос сладко сопел, преданно уткнувшись морщинистым мягким носом в стариковскую грудь. Изодранный за годы резиновый мячик в форме толстобочного кота сиротливо валялся на полу.

Дурак и море

И выдумал я горизонт – линию от и до,
и выдумал воду – поровну с двух сторон,
и ровно посередине поставил дом.
В том доме живёт друг мой, Харон,
бывший моряк, нелюдимый слепой старик.
Я выдумал ему кота, чтоб урчал на руках,
выдумал лодку на привязи у двери,
маяк на крыше и смотрителя маяка –
душу мертвого дурака.

Я порой навещаю его. Прихожу во сне,
мы сидим на веранде и гльчем ром.
Он рассказывает странное обо мне,
улыбается своим безобразным ртом.
Он рассказывает то, что мне страшно знать,
то, что я никогда бы не вспомнил сам.

Я выдумал, что светает примерно в пять,
Я выдумал, солнце выходит из воды в семь
и старик становится нем.

После я исчезаю. Он просыпается.
кипятит чай,
коту сообщает – вновь видел во сне дурака.
На всякий случай я каждый раз говорю
«прощай»,
когда он отвязывает лодку с поводка,
но пока вода для него легка.

Всегда останется горизонт – линия от и до,
вода с двух сторон на сорок одну версту,
и ровно посередине – дом.
И я на крыше, на вечном своем посту,
дурак дураком.

Анна Новожилова

60 тараканов

Это была холодная и голодная зима 1998–99 годов, сразу после кризиса девяносто восьмого года. В домах едва топили, только чтобы не спать в пальто.

Все лето 98 года я провела впроголодь, копила деньги на учебу. Но в конце августа, в дни Дефолта мое учебное заведение накрылось медным тазом, а деньги превратились в «пар».

Я рыдала и рвала на себе волосы, а к ночи затихла и уснула, надеясь никогда не проснуться. Сбывались все материнские проклятия – из меня отчетливо вырисовывался неудачник.

Но я проснулась живой, с двумя опухолями в подчелюстных ямках и с ужасной болью в горле.

Нужно было идти на работу. Я трудилась вахтершей в подъезде многоквартирного дома, и некоторые женщины ворчали, что свою дочку в 17 лет ни за что бы не отпустили дежурить сутки. А некоторые подсылали детей с вопросом: «девочка Аня, а сколько тебе платят»? Я получала триста рублей в месяц, поэтому летом я активно сдавала стеклотару и металлолом и продала на блошином рынке все свои детские вещи.

После дефолта триста рублей стали выглядеть еще смешнее и позорнее, чем раньше. Сто пятьдесят я отдавала родственникам – дома меня кормили вместе со всеми, с общего стола, а значит, нужно было и вносить что-то.

Горло болело все сильнее, ничего не помогало, опухоль под правым ухом стала уменьшаться и вскоре пропала, а под левым наоборот – затвердела.

Становилось все холоднее, липкие сквозняки гуляли по подъезду. Теперь после краткого урывочного сна на дежурстве у меня от холода болели все кости. Стала подниматься температура. Я дежурила сутки через трое и трое суток дома лечила горло и парила ноги. А на работе снова вдребезги заболела. Можно было взять больничный, но он не оплачивался, тогда я потеряла бы половину зарплаты и имела бы скандал дома.

Опухоль уверенно сидела под ухом, но я думала, что это от простуды.

Наступилной в лужу октябрь. Озноб и гулкий легочный кашель стали моими постоянными спутниками. Но сильнее всего мерзла опухоль, я кутала ее в широкий теплый шарф, он отлично дополнял мою кожаную куртку, в которой мне предстояло пережить эту зиму и две следующих.

Незаметно зарядила остроледная зима, и в подъезде стало кошмарно. Теперь я держалась на горячих кружках черного как деготь чая, который вполне мог сойти за чифирь, и от которого сердце стучало как пулемет. Но иначе холод был нестерпим.

И вот, был уже февраль, мне стало совсем плохо. Не на работе, а дома, в выходной. Воздух перестал проходить в легкие, температура стрелой полетела к сорока градусам. В квартире в ту после-кризисную зиму было намного холоднее, чем обычно.

Я уже вечером промямпила что-то насчет скорой, от меня лишь отмахнулись, никто не хотел мне ее вызывать, тогда я нашла в себе силы и внятно сказала:»мой кассетник отдайте Юльке!» (Кассетник был куплен совсем недавно после многих лет мечтаний о магнитофоне, он был для меня как вода в пустыне, как «Бентли» для нищего, я не позволяла к нему прикасаться, больше того, чтобы скопить денег на свой маленький магнитофончик, я два месяца не курила). А Юля – это была моя на тот момент лучшая подруга. Тут наконец бабушка посмотрела на меня внимательно и позвонила в «Скорую Помощь».

За мной приехали довольно быстро, предложили носилки, но я отказалась, не так уж трудно спуститься по лестнице со второго этажа. Потом последнее, что я помню, был ослепительно-никелированный приемный покой, холодный, как Антарктида, и врач со «скорой» ободряюще кивнула мне на выходе.

Это был вечер пятницы. Все выходные я проболталась между жизнью и смертью, я совершенно не могла дышать. Всей палатой искали дежурного врача, нашли кого-то в белом халате, помню тазик-почку со шприцом и ампулой. Снова –провал.

И вот я сижу на стуле у раскрытого окна. Кто-то говорит:»закройте, мне дует»

– «Укройтесь лучше, человек умирает, вы что, не понимаете»?!

Меня хлещут по щекам, не больно, просто приводят в чувство.

Я старательно дышу и снова отключаюсь. В каком-то дыму и бреде вижу свою прабабку, она пытается подойти ко мне, но ее не пускает карлик с выпученными глазами.

Кажется, я ходила по коридору, держась за стенку. В туалет, наверное, еще куда-то...

Когда я очнулась, надо мной был кривой потолок мансарды. Больница находилась в старом трехэтажном здании. Кривизна меня раздражает, я смотрю вправо и вижу «настенную живопись» – череп со шприцем в зубах.

Из противоположного угла палаты раздается хлопок тапочка и победный клич: «сорок пять»! Кто-то крикнул: «Ууу!» И зааплодировал. Ничего себе!

Я медленно сажусь на кровати и спрашиваю женщину, изучающую подошву своего тапка, будто там проступили письма: «сорок пять – чего?»

– «О! Смотрите, кто воскрес! Тараканов, чего... Тут больше никого не водится»!

– «Вы их считаете?»

– «Ага. А чего делать-то? Ни телика, ни радио, почитать – один детектив на всё отделение, уже читали сто раз по кругу, вот, охотимся на живность»!

Из коридора слышатся голоса с бодрыми медицинскими интонациями. Это обход. Ага! Я все-таки что-то помню. Сейчас тут будет врач, которого с вечера пятницы и до наступившего утра понедельника нам всем так не хватало. Дорогуша, иди к мамочке! Ты еще не знаешь, что тебя ждет!

Я чувствую голод, несмотря на тараканьи бифштексы на тапочках.

Входит доктор, мужчина лет сорока, крутленький и обтекаемо-бодренький, эдакий батончик-баритончик.

– «Ну-с, как мы себя чувствуем?»

– «Офигительно! Выпишите меня, мне же зарплату за полмесяца срежут, кто меня кормить будет, может быть, вы?»

Доктор растерянно похохатывая от моих напористых и пламенных выступлений, послушал мои легкие и сказал, что у меня состояние средней тяжести, и что в любом случае недели две точно придется тут провести.

Я иду в ванную и вижу там девочку с длинной русой косой. Ее зовут Наташа.

Мы становимся закадычными подружками, к нам присоединяются еще две девочки, и мы гоним из сахара брагу в пластиковой бутылке. Сахара почему-то полно, хотя нет даже необходимых лекарств.

Этот «винзавод» лежал на батарее, пока его не утащила уборщица – злобная карлица, что убирала в шесть утра и била спящих шваброй по рукам, если свешивали.

Но мы выжили без врачей, и теперь нас было не сломить. Мы мужественно отбили бражку у «противника» и «стратегически» припрятали, чтобы потом устроить банкет в «горшечной» – в помещении рядом с ванной, где сушились судна. Те из нас, кто курил, использовали их в качестве пепельниц.

А кто требовал закрыть окно, когда я задыхалась, я очень скоро узнала. Это была дама 87 лет по фамилии Яржомбек. Эта фамилия, как она говорила нам, досталась ей еще от первого мужа-белополяка. Статная, высокая, горбоносая, в свои 87 она была красива, что-то величественное было в ее прямой, как от балетного станка, спине, тонкой талии... Смолянка, Смольный институт. Она любила поплакаться. Звучало это так: «юбку новую купила, а умру здесь, не успею доносить». Но в этот момент казнили очередного таракана: «сорок девятый»!

Я стала звонить домой. Наш телефон соединялся «на живую» и звонить можно было только вдвоем, чтобы один говорил, а другой держал, потом менялись. Телефон слегка дергал током, но это, в сущности, ерунда. Дозвонилась только матери, и она даже три раза приходила и приносила мыло, полотенце и зачем-то еще конфеты.

У бабушки с дедом никто не брал трубку. Потом оказалось, что они тоже заболели и лежали с температурой под сорок. Мне повезло, что я попала в больницу: за две с половиной недели я так отогрелась, что совсем поправилась. В больницах хотя бы отопление было в общем нормальное. В палате держалось градусов восемнадцать тепла, к тому же я ходила в ботинках – у меня просто вообще не было тапочек. До сих

пор при виде меховых шлепанец и махрового халата я чувствую себя, как маньяк на темной улице при виде света в окне.

А ботинки на мне были старушкины... Осенью я выменяла их на бутылку масла у своей коллеги, бабушки-вахтерши. Масло оказалось тухлым, а ботинки – на размер меньше, в мороз можно было свихнуться от боли в зажатых пальцах. Маслом моя collega лечилась от рака по какому-то нетрадиционному методу, я тогда не знала, что у нас не только одна работа, но и одна болезнь.

Мы с Наташкой смотрели в окно в конце коридора. Под окном росло большое ветвистое дерево. Но на улице зима, а вещи наши заперты в подвале. Надо бы вскрыть подвал, но такой квалификации у нас нет. Я украдкой посмотрела на бомжа, собиравшего по туалетам окурки, ища в нем признаки уголовного профессионализма. Но бомж чахоточно кашлял и по всему своему виду был не годен. На этом наши планы побега и закончились.

А наше отделение легочников, куда до кучи свозили с воспалением легких, гриппом и, судя по бомжу, с туберкулезом, стали осаждать гепатитники со второго этажа. У них там, видимо, сломался телефон (год на дворе был 1999, и мобильник имелся только у одного мужика абсолютно бандитского вида).

Наши медсестры, заведев еще от лестницы группку ребят с лицами шафранно-желтого цвета, в панике бежали в ординаторскую и запирались. Но если так дальше пойдет, тут такое начнется! Пришлось нам с Наташкой их гонять с этажа. Конечно, им тоже надо позвонить, но от их присутствия делалось как-то не по себе.

Победив их не числом, а умением, мы зашли в мою палату и застали красавицу Яржомбек на подоконнике. Внизу громыхала дверь очередная машина «Скорой».

– «Мужиков привезли! Давайте их к нам!» – Кричала красавица Яржомбек и дергала ручку окна.

А телефон бабушки и дедушки по-прежнему молчал. Я терялась в догадках, что могло случиться, и куда они все могли вот так взять и исчезнуть из квартиры? Или телефон сломался? Ключей у меня не было, ни от бабушкиной квар-

тиры, ни от материной. Как-то даже и разговора о ключах никогда не велось. По идее, зачем они, если кто-то всегда дома? Это у бабушки, а про мать и говорить нечего, ключ от входа в ад мне не нужен. А теперь я боялась без звонка приезжать из больницы – что, если в квартире и в самом деле никого нет? Куда идти? Что делать, зимой, точнее в конце февраля, без вещей?

Был убит уже пятьдесят пятый таракан, время неумолимо шло к моей выписке, и если раньше я рвалась на работу, чтобы не потерять зарплату, то теперь я бы поболела еще...

Яржомбек выписали, за ней приехал такой же седой, высокий и носатый сын, несмотря на уже свой солидный возраст, явно задавленный непререкаемым авторитетом красавицы-смолянки.

На ее место положили Надежду Петровну, пожилую женщину вида простого, без всяких там белополяцких выкрутасов. Она спросила: «а шмон здесь бывает»? Я заверила ее, что здесь бывает все, кроме шмона. Она заметно успокоилась, видимо, боялась, что заберут таблетки от давления.

Мы разговорились. Я рассказала о своих температурных видениях, о пучеглазом карлике, еще одна вспоминается подробность: его глаза двигались не вправо-влево, а вверх-вниз. Это было отвратительно, эти вертикальные глаза.

Надежда Петровна сказала, что к ней однажды такой приходил: «мне было лет сорок, приехала я к себе на дачу, одна, легла спать, и вдруг слышу, топот по гравийной дорожке. А я калитку-то заперла. И шажочки такие, ну вот будто детские или, может, старичок сухонький. Вошел он в дом, а я лежу, от страха шевельнуться боюсь, волосы у меня становятся дыбом. Он подошел к моему диванчику, махонький такой, чуть выше метра, пучеглазый, дунул мне в лицо и ушел. А здесь я его опять видела».

Когда вопрос «куда выписываться»? встал ребром во всей своей поганости – «где ночевать»? я стала звонить немногочисленным знакомым, но в результате после разговора просто вычеркивала телефоны подряд. Сейчас я и не помню этих людей.

Мать предложила приехать к ней, но это слишком опасно. Когда-то она обещала дать мне деньги на учебу, те са-

мые, которые я все лето копила, и, как потом оказалось, зря. А может, и не обещала она ничего. Это трудно было понять, она с кривой улыбкой говорила то одно, то противоположное, а потом начала замахиваться на меня яблочным огрызком: «я тебе в лицо сейчас запущу, а ты ударь меня, ударь! Сядешь в тюрьму, и я наконец-то избавлюсь от тебя!» Нет, к ней нельзя, и то, что она сменила гнев на милость, может означать новую, более изощренную ловушку.

Я стала опять звонить бабушке. На этот раз мне ответили, но как-то странно. Я из всех этих «междуимений» поняла только одно – меня не хотят пускать домой. Бабушка и дедушка, похоже, посоветались и «слили» меня, пока я в больнице. Так уже было, лет за восемь до того, когда я еще не работала, а ходила в третий класс. Я попала в санаторий для легочников и ничего не знала, а когда вернулась в Москву, дома полным ходом шел обмен нашей квартиры на две поменьше, младшую сестру старики брали к себе, а меня оставляли матери. Все решили без меня. Мне тогда приснился страшный сон, будто за мной гонится наша санаторская пионервожатая и с ней еще толпа народа, они охотятся на меня с дубинами и вилами, я бегу и вижу приоткрытую дверь трансформаторной будки, а на двери надпись: «комната обмена». Что делать, вбегаю туда и запираюсь изнутри. Я в безопасности от «охотников», но рядом со мной скелеты людей, умерших от удара током. Здорово меня тогда напугал этот обмен квартиры с дележкой детей!

Но в семнадцать с половиной лет меня трудно было удивить очередным предательством. И потом, когда охать, ахать и сетовать? Надо было срочно искать выход, хотя бы на ближайшее время.

К моей выписке было убито тапочками на разных поверхностях ровно шестьдесят тараканов. Их становилось все меньше, в нашу палату заползали только самые рискованные животные, видимо, тараканьи отморозки. Шестидесятый был самым изворотливым. Ему необходимо было пройти через нашу палату, и он с каким-то необъяснимым упорством старался это сделать, проявляя чудеса ловкости. Может, это у них такая рулетка? Или экстремальный спорт...

Наташа предложила вариант – общежитие МГУ, в ком-

нате у одного аспиранта. Она написала ему письмо, мол, Сережа, так и так, прими человечка, положение бедственное, из больницы с узелком некуда идти.

Я испугалась ночевать в одной комнате с мужчиной и поехала на Арбат.

Из больничных ворот я вышла в растерянности. Меня ведь привезли на машине зимой и поздно вечером. А вышла я оттуда весной и солнечным днем. Какие-то трехэтажные довоенные домики, так и хотелось спросить у прохожих: «а какой это город»? Но вот я немного сориентировалась, увидев вдалеке трамвай. Значит, можно добраться и до метро. Уже через час я была на Арбате.

Тамошние друзья моих дней суровых, некто по имени Олигофрен, товарищ Олигофрен, предложили дождаться их, и вместе на электричку до платформы Кирзавод. А может и Цемзавод, я уже не помню. Он был с девушкой, и кого-то еще они вместе ждали. Я подумала, что с Кирзавода не смогу добираться на работу к 8 утра и останусь еще и без копейки. И фиг их знает...

В общем, я подумала и решила прорываться домой, там и вещи, там и документы, там и разберемся. Меня впустили, только сестра почему-то решила, что я подошла слишком близко к ее вещам и некоторое

время била меня затылком об шкаф.

Меня выписали, я потом приходила навестить наших девчонок в палате и увидела, что койка Надежды Петровны застелена одеялом.

– «Умерла бабушка Надя, сегодня ночью». – Сказали мои девчонки. А я подумала о пучеглазом карлике, нашем с ней общем знакомом. К ней он пришел второй раз и вот ее нет. Дело в том, что он мне кого-то напоминал.

В далеком детстве у нас была соседка по даче, моя полная тезка. В нашей семье ее считали демонической старухой и всерьез опасались. А я ее просто обожала. Мне было восемь лет от роду, и я могла с ней общаться сколько угодно, не будучи моей ровесницей, она не считалась «плохой компанией». Вдова старого НКВДшника, наполовину литовка, она родилась на свет еще при царе Николае, дожила до девяноста восьми лет одна, круглый год в домике-засыпушке. С весны и до поздней осени она медленно, по-черепашьи, опираясь

на огородный инвентарь, ползла по своему большому, соток тридцать, участку на страшно скрюченных артритом ногах. Ее ноги были завязаны узлом. Я думаю, они не расплетались, даже когда она спала. Весь ее здоровенный участок был ухожен как будто там работал целый отряд батраков. Но она все делала сама. Иногда я ей помогала прополоть.

Я мало что понимала из того, что она рассказывала, но если она вспоминала молодость, это было на грани фола. Во всяком случае, она была мне полной тезкой и примером, и была она по-своему великолепна, когда клала мне руку на плечо эдак вроде «свой парень» и смеялась театрально-демонически: «Ха-ха-ха, моя деточка, ха-ха-ха!»

Когда ее не стало, ее дом сгорел. А она мне несколько раз приснилась. В первый раз я ее не видела, а будто стояла на крыльце ее дома, и тут появились новые хозяева. Я уже заговорила речь, мол, жду Анну Мизайловну, но они прошли мимо, в упор не видя меня. Я проснулась и вспомнила, что нет уже на Земле ни ее, ни ее дома.

А другой сон был еще интереснее. У меня зазвонил телефон и кто-то заговорил в трубку не по-русски. Я отключила телефон в раздражении, звонят, мол, всякие, говорят зачем-то по-литовски. (Вдруг это всплыло, хотя откуда я могла знать, если не слышала литовской речи?). И тут выключенный аппарат звонит снова. Я уже просто в шоке снимаю трубку и слышу: «Это Анна Михайловна. Извини, что начала по-литовски, что-то со мной... ты поищи в старом доме, обязательно поищи в старом доме». Такой вот сон.

Мне было очень хорошо, в ее домике с железной кроватью, со всякими довоенными вещами в обиходе, кажется, был примус и что-то еще, я чувствовала душевный комфорт. И только одна вещь меня всерьез пугала, я старалась в ту сторону даже не смотреть: на полочке стояла странная игрушка – маленький уродливый человечек с выпученными глазами, которые двигались вверх и вниз, да еще не синхронно». Вот о чем мне напомнил визит пучеглазого в мои температурные глюки, рассказ покойной бабушки Нади о таком же карлике, вот. Хочется сказать словами Булгакова, хотя это он о другом: «как причудливо тасуется колода»!

ДУРНУШКА

Жизнь – забавная штука, – морщила лоб Анастасия Павловна, укрывшись в кровати одеялами, и усмехнулась. – Даже таким дурнушкам, как я, умирать тоже не хочется.

Слово «дурнушка» Настя услышала в свой адрес в пять лет. Первый и не последний. Обидчище ребенок, не задумываясь, ответил по-детски, мол, сама такая. Не успела опомниться, как мама схватила ее в охапку и побежала, причитая:
– Бедненькая моя.

Тогда у Насти дрогнуло в сердце, и девчушка поняла, что не такая, как все. И необычность начала сразу преследовать.

В шесть лет девочки в песочнице вылепили женскую фигуру, воткнули туда дохлую мушку и хором крикнули:

– Это кикимора Настя!

Ребенок, не задумываясь, бросился себя защищать и расцарапал пальцы Свете. Сверстница заревела, а Настя уже испуганно бросилась к подружке и стала дуть ей на ладошку, приговаривая:

– У сороки заболи, у Светули заживи.

Появившиеся матери проникновенно и растерянно наблюдали за этой сценой.

По мере взросления слово «мырма» или «уродина», иные слова синонимы стали все чаще преследовать ребенка.

Сначала Настя пыталась защищаться и оправдываться, но встречала только презрительный смех и, плача, прибегала домой, зарываясь головой в подушку.

Девочка и жалела себя, и обижалась до злости на мать, главного виновника уродства. Но чаще вымещала досаду на своей кукле по имени Кикимора, упрекая ее:

– Нельзя быть уродиной! Будь красивой! – словно преображение куклы могло изменить и ее внешность.

В такие минуты отчаяния ребенок начинал представлять, как умрет, и все станут плакать, особенно мама, и винить себя в том, что не уберегли такую хорошую девочку.

Потом Настя начинала рассматривать себя в зеркало и разговаривать сама с собой:

– Вот худые и длинные ноги, пусть ходули, зато кожа гладкая и красивая, руки кривые, но не такие длинные, как ноги, голова большая, но не крупная! Зато глаза большие и синие, голос звонкий, а ведь это супер! А если нос крупный и уши большие, то тоже мне, велика важность!

Наконец, девочка вздыхала и начинала винить во всем зеркало:

– Хватит меня изображать. Сама знаю, как выгляжу. Будто мне это нравится? Думаешь, у меня был выбор?

Затем обиженно уходила и снова возвращалась к злополучному трюмо. Постояв, вздыхала и угрюмо говорила своему отражению:

– И куда ты хочешь от меня уйти? Ты же на меня смотришь и все видишь. Думаешь, мне удастся затеряться среди людей? Меня везде выделяют из толпы словом «уродина» или «жаба».

Затем ребенок зарывался лицом в подушку и тихо плакал.

Но самая сильная боль пришла в пятом классе. После уроков Настю подкараулили несколько мальчишек и со словами «жаба», «страхолюдина» стали забрасывать ее камнями. Град камней летел в девчужку, она еле успевала увертываться со слезами на глазах. Особенно старался пухлый веснушчатый коротышка, он брал самые увесистые камни, злорадно ухмыляясь, поплевывал на снаряд и старательно метал его в жертву. И вот один из кирпичей попал в ногу, и от боли девочка упала.

Старушки рядом не было, и как она появилась, Настя не поняла. Невысокая, полная, в длинном поношенном платье. Густые брови и торчащие усики приковывали к себе взгляд. Бабуля так грозно крикнула на мальчишек, что они мигом разбежались.

– Можешь встать? – участливо пропела бабушка.

Настя попыталась подняться, но, вскрикнула от пронзившей боли и села на землю.

– Ироды! – воинственно воскликнула старая женщина, сердито шевеля усиками, и сразу окрикнула парня с просьбой о помощи.

– Мил человек, помоги донести девочку до соседнего дома, она упала. Да легкая она, как пушинка.

Нога стала стремительно опухать и, пока старушка бежала за мамой, рана превратилась в большой красный пузырь.

Анастасия Павловна съезжилась, вспомнив свою распухшую ногу и ноющую боль, которую тогда испытала.

Однако пора было принимать таблетки. Заглотив одну красную и другую белую и запив их водой, она вновь успокоилась и закрыла глаза.

В гипсе с переломом ноги она пробыла полтора месяца. Но что-то изменилось в сознании девочки. Теперь, когда в след кричали, допустим, «страшила», то уже не возмущалась, а просто делала вид, что ее это не касалось, и проходила мимо. Конечно, каждый раз было больно, словно вновь вонзался кирпич и обжигал тело. Но Настя научилась терпеть и молчать, напрягая нервы до боли в висках. Шла и молчала. Только скулы заострились, губы стойко сжимались, и лицо становилось угрюмее.

Порой девчушка даже была рада, если на нее не смотрели или не оглядывались, презрительно отпуская что-то вроде:

– Вот страшила!

Больше всего она любила оставаться одна в квартире и мечтать. В отличие от своих сверстниц в своих фантазиях девочка не видела прекрасных принцев, приплывающих на бригантине с альми парусами. Настя представляла себе бедного котенка, который залез на дерево и не мог слезть, или щенка, сломавшего лапу, и как она отчаянно бросалась их спасать, а затем зверушки благодарно и доверчиво прижимались к ней. Еще она любила дождь. В это время все преображалось, становилось неясным и загадочным. Косые струи дождя играли переливами в солнечных лучах и, падая, обливали голые с растопыренными ветками деревья, вздуваясь пузырями на асфальте. Дома сразу выглядели вымытыми и, прищуриваясь, довольно улыбались стеклами окон. Тогда в порыве вдохновения Настя начинала сочинять стихи, записывать в свою тетрадочку, и это были лучшие мгновения в ее жизни.

Анастасия Павловна встала с кровати и, взяв клюшку, дошла до комода. Порывшись, достала стопку тетрадей, обвязанных резинкой, и села читать стихи.

После снятия гипса Настя еще больше сжалась и осунулась, словно побитая собачонка, и в школу заходила угло-

вато. Тогда неожиданно ее взяла под свою опеку классный руководитель Наталья Владимировна, пообщавшись с учителями и школьниками, главное, с самой девочкой. Школьница сначала сидела, насупившись. А затем от спокойного и доброжелательного голоса учителя, от участия, исходившего от женщины, сердце девочки, покрывающееся коркой льда, постепенно стало оттаивать.

– Внешность это лишь кокон, оболочка, важна не форма, а содержание. Главное, чтобы красивой была душа, – тихо шептала девочке учительница. – К сожалению, не все это понимают. Знаешь, есть такая притча. Как-то раз две души, одна по форме красивая, а другая по оболочке не очень привлекательная, встретились на морском берегу и решили искупаться. Они сняли с себя облачения и поплыли по волнам. Раньше вернулась на берег вторая душа и, перепутав, надела красивую одежду. Позже приплыла первая, но нашла не свое одеяние, а некрасивую оболочку. Сначала она решила не одеваться. Но делать было нечего, не ходить же голой? Пришлось поневоле укутаться некрасивой формой одеяния. Каждая из них пошла своей дорогой. Так получилось. Но с того дня несмышленные люди путаются и, порой по ошибке, принимают одно за другое. А суть в том, что некрасивость в своей необычности может быть прекрасной, также как и прекрасное в своем совершенстве может стать уродством. Кстати, в ином мире, на небесах, некрасивость и привлекательность не различаются.

До конца школьница не поняла смысла слов учительницы, но успокоилась, и ее истосковавшаяся по теплу и сочувствию душа сразу приняла эту женщину. Так вот получилось: педагог смог согреть сердце ребенка. И именно ради Натальи Владимировны девочка решила хорошо учиться, чтобы еще больше понравиться своему кумиру. Поэтому, когда после школы все ученики забрасывали портфели домой и резвились во дворе, Настя садилась за уроки. Хотя порой, не выдерживая, подходила к окну и с завистью смотрела на играющих в скакалки или классики сверстников. Девочка тоже хорошо играла в классики, их она вычерчивала на полу в квартире и прыгала. Правда, одной скакать быстро надоедало. Настя также хорошо крутила обруч на талии. И один раз, увидев, как неумело Таня и Маша вертели обруч, не устояла и выбе-

жала во двор, чтобы похвастаться своим умением. Не успела.

– Вот и мысра пожаловала! Рожа! Пугало! Страшила! Гадина! – град слов больно, как камни мальчишек, прожигал не тело, а сердце. Обиженную взяла под защиту лишь Катя, соседка по парте.

– Разве она виновата в своем уродстве! – громко заявила спасительница и испуганно закрыла рот ладошкой, поняв, что сделала подруге еще больнее.

Настя вздрогнула и, захлебываясь слезами, прибежала домой. Тогда впервые пришла мысль умереть, взяла нож и долго смотрела на сверкающее сталью лезвие. Спасла от смерти книга, которую мама забыла дома. Вернувшись, женщина быстро вырвала из рук дочери нож и, обняв ее, долго сидела молча, глядя ее по голове. А в это время девочка тихо причитала:

– Что я им плохого сделала? Разве я виновата, что такая!

Анастасия Павловна медленно, по-старчески, поднялась с кровати и неторопливо, шаркая ногами, подошла к окну.

За окном пробуждалась природа от зимней спячки. Улыбаясь весеннему солнцу, шептались между собой березы в сквере, тополь, помахивая веточкой, склонил голову к молодой осине. Даже через стекло было слышно, как уже задорно заливаются чириканьем воробьишки. Скоро распахнутся шоколадные почки и раскинут свои зеленые косички. Возьмешь такую почку, разотрешь пальцами и потом долго ощущаешь терпкий аромат смолы. Женщина вспомнила, как мама принесла домой букетик подснежников. Настя замороженно смотрела на эту красоту. Синенькие такие, на коротких ножках. Матушка понюхала подснежники и сказала: «Теперь чувствую, весна пришла!». Настя тоже попробовала. Цветочного аромата не ощущалось, а чувствовался именно запах земли. «Значит, весна землей пахнет!» – решила девочка.

Назло всем она окончила школу с золотой медалью.

Говорили, что на педсовете кто-то из учителей сказал

– Конечно, золотую медаль она заслуживает, но давать награду человеку с такой внешностью!

Но директор резко и безапелляционно отрезал:

– Мы даем медаль за знания, а не за внешность, у нас тут не конкурс красоты.

Документы она подала в училище. В приемной комиссии ахнули, мол, медалистка и в училище?

– Может, вам лучше в высшее учебное заведение подать документы? – спросила председатель приемной комиссии.

– Я с детства мечтаю стать парикмахером. Сейчас стригу уже всех одноклассников и даже учителей. Мой выбор осознан, – уверенно заявила абитуриентка.

А началось все еще в четырнадцать лет, когда девочка увидела в салоне, как парикмахерша двумя руками долго и безуспешно пыталась сделать завиток пряди волос. Настя попробовала и с первого раза сделала это тремя пальцами и за несколько секунд. Такая удача вдохновила, и она стала успешно осваивать таинства парикмахерского мастерства.

Поступив, она на отлично окончила и училище. По протекции преподавателя парикмахерского мастерства, которая была без ума от способностей девушки, попала на работу в элитный салон красоты.

Когда она начинала стричь, то обо всем забывала и с головой уходила в это действие.

Не раскрою секрета, если скажу, что основной инструмент стрижки – это ножницы. Поэтому, для того чтобы освоить профессию, надо приручить именно этот инструмент. Если вы замечали, все парикмахеры держат ножницы по-своему. Подушечка большого пальца фиксирует одно кольцо ножниц, а безымянного – другое. Усилитель удерживается мизинцем. Это может показаться неудобным, но при таком положении ножницы становятся волшебной палочкой, с помощью которой можно творить чудеса и преобразить женщину до неузнаваемости. Вот тогда стрижка превращается в сказочный полет воображения и творчество художника!

Через год работы Настя стала победителем районного конкурса парикмахеров и затем много раз выигрывала всевозможные городские и областные соревнования, ее награды уже не умещались в стареньком комоде.

Но хотя конкурсы выигрывала, клиентов было не так много. Бросив взгляд на парикмахершу, многие фифочки кривили ротик и шли делать прическу к кому угодно, но только не к Насте. С этим девушка давно свыклась, слов-

но обросла панцирем видимого равнодушия. Но кто хоть раз у нее стригся, тот становился клиентом навек, одной из них стала жена одного олигарха. Молодая, красивая, стройная, с длинными ногами Виктория смогла обкрутить пожилого толстосума и умело манипулировала им. Именно миллионерша стала ходячей рекламой мастерства Насти. Наотрез отказываясь от других мастеров, она непрестанным образом повторяла, садясь в парикмахерское кресло:

– Найти своего парикмахера гораздо сложнее, чем выйти замуж за миллионера. Так что я навеки Настенькина!

После этих слов к Насте всегда начинала выстраиваться очередь.

Ноги стали наливаться тяжестью. Анастасия Павловна вынуждена была отойти от окна и лечь обратно в постель. Когда прилегла, то почувствовала усталость. «Вот и эти деревья за окном будут шуметь, и дети, как прежде, играть в классики, а меня не будет, – с грустью подумала старушка и усмехнулась, – смерти не хочется и таким дурнушкам, как я».

В детстве, в тот майский день, Настя первый и последний раз взяла в руки нож. Именно тогда Наталья Владимировна смогла вдохнуть в эту хрупкую душу недостающую силу жизни и веру в себя, и дурнушка уже больше не думала о самоубийстве, даже после изнасилования.

Настя тогда допоздна задержалась на работе и, возвращаясь, домой решила сократить путь через дворы. Заходя в арку, девушка сразу увидела их. Один высокий, худой мужчина, одетый в поношенные грязные джинсы и рубашку, с большим шрамом через всю щеку. Рядом с ним переминался с ноги на ногу и постоянно шмыгающий носом толстый карлик. Поодаль спрятался рослый детина, с наколками на руках и немигающим взглядом, напоминающий уголовника. Запах спиртного не оставлял сомнения в их изрядном подпитии.

– Девка, мы тебя хотим! – причмокивая и жестикулируя жирными пальцами, заголосил коротышка.

Девушка попыталась убежать, но пьяные уже окружили ее и сжимали кольцо, похотливо приближаясь к жертве.

– Я буду кричать! – твердо выпалила она.

– А кто те даст кричать, телочка? – зашипел уголовник.

Тут же страшная боль пронзила Настю и, теряя сознание, жертва упала.

Пришла в себя девушка уже в больничной палате и увидела рядом сидящую на стуле маму. Врачи сказали, что ей повезло. Просто одна женщина почему-то решила на ночь глядя выбросить мусор и около бака с отходами услышала стоны. А когда увидела окровавленную, с задранном подолом, всхлипывающую девушку, то запричитала и сразу вызвала по телефону скорую помощь и милицию. По мнению врачей, если бы не женщина, то через полчаса Настя могла умереть. Пострадавшую доставили в больницу с порезами на голове, рваными ранами на теле, множеством ушибов и ссадин. Верхняя губа жертвы держалась практически на небольшом куске кожи.

Сначала Настя ошеломленно сидела и невидящими глазами смотрела на маму, ведя себя так, как будто ничего не случилось.

Затем, отойдя от шока и восстановив в памяти события, затряслась, потом стала дико смеяться и в конце забилась в истерику, захлебнулась в слезах. Мать сутками сидела у кровати дочери, а Наталья Владимировна каждый день хоть на полчаса забегала к ней.

Девушка неделю почти не спала. Пострадавшую все время знобило, лицо не просыхало от холодного пота, тошнота и рвота терзали ее. Настя постоянно плакала и жаловалась на боль промежности, горла, груди, рук и ног. Мать неотлучно находилась у постели дочери, больше всего боялась, что девушка может покончить жизнь самоубийством. Наталья Владимировна нашла психолога и устроила несколько сеансов психотерапии с пострадавшей. Однако за это время, несмотря на истерики, больная ни разу не пыталась умереть. Время и забота близких людей сделали свое дело, и девушка стала медленно и осторожно восстанавливаться от пережитого потрясения. Внешне она не изменилась, но чувствовалось, что в душе ее все застыло и околело.

Между тем следствию не сразу, но удалось вычислить насильников и поодиночке задержать их. Несмотря на опасения следователя изнасилованная при опознании вела себя с невозмутимым спокойствием и с хладнокровным

спокойствием опознала всех троих.

На очной ставке верзила, который действительно оказался ранее судимым, попытался повысить голос на потерпевшую, но Настя даже не вздрогнула, а бесстрастным голосом отчеканила:

– Не угрожайте, я вас не боюсь!

Спохвотившись, следователь приструнил подследственного:

– Еще одна угроза и пеняй на себя!

Есть поговорка, что беда не ходит одна. К сожалению, так получилось, что после выписки Насти положили в больницу ее маму. Оказалось, что у Татьяны Ивановны обнаружилась начальная стадия рака. Теперь уже дочь перекочевала в другую больницу к матери. Первоначальные сеансы химиотерапии не дали положительных результатов. Спасти могла дорогостоящая операция. Нужны были немалые деньги. Девушка пыталась, но безрезультатно, получить кредит. Миллионерша переехала на постоянное место жительства во Францию. Настя решила продавать квартиру. Но одно дело решить, а другое дело сделать. Покупателей было мало, а кто и приходил, потом отказались или предлагали приобрести за бесценок. Она была на последнем дыхании. Пытаясь снять внутренний надрыв, стала бродить по улицам.

Так же было в тот день. Шел дождь. Она шла, не оборачиваясь, ни разу не останавливаясь, словно боялась, что ее кто-то догонит. Серая, натянутая, как струна, улица шла ниоткуда и никуда. Ледяные капли разбегались по лицу и проникали за шиворот. Скоро одежда и тело вымокли, и стал бить озноб. И тут ее остановил пожилой мужчина, невысокий, в больших очках и торчащими ушами. Скорее всего, за ней следил. Виновато покашливая, он тихо произнёс:

– Вы меня можете прогнать, но я должен сказать.

– Я вас не понимаю, – недоуменно промолвила Настя, поежившись.

– Только не перебивайте. Я отец одного из тех подлецов, который вас изнасиловал, – опустив глаза, промямлил мужчина, и видимо боясь, что не дослушают, затараторил – Вы можете накричать на меня, но не думайте, что я не понимаю низости поступка сына, но я его отец. Он телок и в тюрьме не выживет. Словом, я вам предлагаю деньги.

Можете дать мне пощёчину!

При последнем слове мужчина машинально отступил и нервно заморгал глазами, руки его дрожали. «Похоже, это отец коротышки, – отрешенно размышляла девушка. – На телка больше похож сам отец. Даже странно, что у такого интеллигентного отца вырос такой детина».

Настя поежилась от сырости и бесстрастно выговорила:

– Соберёте со всех троих родителей, – и назвала цифру, точно такую, которая нужна была маме на операцию.

В кабинете у следователя Анастасия была спокойной и бесстрастно положила заявление на стол. Пожилой с округлым лицом и красными от бессонницы глазами следователь, прочитав заявление, долго протирал очки. Затем с серьёзным лицом и сверлящим взглядом очень тихо спросил:

– И не стыдно? Сколько денег дали?

Неожиданно напускная маска спокойствия затрещала по швам и Настя расплакалась.

– У мамы рак. Она у меня одна. Нужна большая сумма денег. Мне не к кому обратиться, – девушка говорила и говорила, продолжая плакать.

Следователь растерялся:

– А кредит?

– Не дают. Восемь банков отказали. Стараюсь продать квартиру, но пока не получается.

– Ну, жильё не стоит продавать. Сами тогда где жить будете? Эх, жизнь!

Расстроившись, старый следователь достал из сейфа бутылку водки и залпом выпил полстакана. Помолчав, вздохнул

– Ладно, дочка, не переживай. Конечно, не в моих правилах прекращать дела в отношении подонков. У самого дочь растёт. Но думаю, что это как раз тот случай, когда надо действовать не по закону, а из сострадания. А эти уроды рано или поздно все равно окажутся за решеткой. По ним видно, что от тюрьмы не уйдут. Только вот важно, чтобы ты под статью за заведомо ложный донос не попала. Ну да ладно, я сочиню, что тебе сказать и найду, что и как повернуть.

– Спасибо, – по-детски пискнула просительница.

– За что спасибо, горемычная? – вздохнул мужчина и ушёл в себя.

Как есть поговорка, что беда не ходит одна, так и изречение, что чудеса происходят там, где в них верят. И чем больше верят, тем чаще они случаются.

Операция у мамы прошла успешно, и радости Насте не было предела.

Но, узнав о происхождении денег, Татьяна Ивановна долго молчала, а затем осторожно спросила:

– Может, не надо было?

– Надо, – твердо ответила дочь.

Обе женщины от нахлынувших чувств обнялись, и слезы сами собой потекли по щекам.

На работе Анастасию не уволили, а наоборот, встретили с участием, и каждая сотрудница старалась приободрить и сказать что-нибудь ласковое.

Все уладилось и всё потекло своим чередом.

Но до поры до времени.

Настя стала налегать на соленое, то селедочку выберет на обед, а на ужин уже достанет соленый огурчик из банки, а на ночь и соленый помидорчик. Первой тревогу подняла мать, а когда дочку стало подташнивать, то сама чуть ли не за руку привела к гинекологу.

Диагноз не заставил себя ждать: начальная стадия беременности.

– Буду делать аборт! Выродок подлеца жить не должен! – безапелляционным гневным голосом заявила Настя.

Мать промолчала. Только дома уже подошла и сказала:

– Только прежде в церковь сходи, а то ведь живое дитя умутишь.

Анастасия сначала отмахнулась, но на душе было тягостно, и решила сходить на исповедь в церковь.

Дрожа, она еле закончила свой рассказ. На лице священника не было осуждения, и он спокойно произнес:

– Важна не форма, а содержание. У ребеночка будет твоя душа и сердце, ты это дашь. А плоть, она вторична. Подумай об этом, дочка.

Девушка не сразу ушла и долго стояла у алтаря, склонив голову. Шло вечернее богослужение. Ее окутали умиротворенные переливы голосов, и Настя почувствовала, что пространство сомкнулось, и мир вокруг изменился, и по-

степенно на душе стало светло и спокойно.

Она родила. И в тот миг, когда роженица увидела это крохотное существо, то ясно поняла, что в жизни произошло чудо: ее сердце стало способно биться в другой, новой жизни. И от этого волшебного чувства Настя словно переродилась, стала другой женщиной, в жизни появился новый смысл, новые надежды.

Маленький Дима оказался горластым. Но бессонные ночи не утомляли молодую мать, наоборот, окрыляли. Это новое существо, ребенок, стал для нее таким же естественным, как сама жизнь. Женщина чувствовала себя ангелом хранителем этого пока еще маленького человечка, с самого начала стараясь оградить его от опасностей и страхов в этом большом и не всегда справедливым мире людей. А сын плакал, смеялся, кричал и рос.

И вот сейчас ее сердце вдруг заколотилось. Раздался звук открываемой двери, и вот Дима почти вбегал с взволнованным лицом.

– Мама, я почему-то почувствовал беспокойство и решил уехать с работы пораньше, проведать тебя. Как ты?

– Со мной всё нормально, сынок. Вот лежу.

– Слава Богу.

Он присел на краешек кровати. Статный, крепкий, с большими карими глазами.

– Спасибо, что приехал пораньше. Чувствую, что слабею. Видимо, за мной сверху пришли.

– Не надо, мама!!!

– Чему быть, того не миновать. Все уйдём на небеса.

– Бедная моя мама, – глаза парня наполнились слезами.

– Я не бедная. Я прожила хорошую жизнь. Видела радости. А главное, что у меня есть ты! Ведь каждый человек не зря прожил, если внёс в этот мир частичку добра! Моя душа сейчас спокойна, как сказал один очень хороший человек, там, на небесах, в ином мире, некрасивость и привлекательность не различаются. Мне там будет хорошо.

– Мама, ты у меня самая красивая! – шептал сын, глядя восхищёнными глазами на неё.

Анастасия Павловна улыбнулась, глаза у женщины затрепетали от радости и тихо, спокойно закрылись.

«Сон» Натанья Олжичевска

«Дыноч мей» Ханатта Сынмыркоба

Дмитрий Шереметьев

Может быть, и не поймёшь ты, как проснулись
Эти чудные узоры зимних улиц.
Эти правильные росписи на окнах,
Как на странных, неизвестных нам полотнах.

Может быть, ты не увидишь, как зажгутся
Над землёю высоко планеты-блюдца,
Как широкий месяц, их раздвинув рогом,
Жёлтым соком прыснет ночью на дорогу.

Может быть, ты не услышишь, как завоют
Во дворах стальные флейты и гобои.
Как, разрезав фиолетовые струи,
Зазвенят столбов натянутые струны.

Может быть, ты не поймёшь и не оценишь
Это время виртуозных превращений,
Но, под пение метели засыпая,
Ты почувствуешь – зима совсем не злая.

Никита Бубнов

Есть в типовой застройке – безнадёжность,
Плюёшь, как будто наземь, поутру,
Твоя гортань – бессмысленная сухость –
Хрипит, даёт зависиться нутру.

Есть что-то в этих окнах от живого –
Потухший свет тихонько бороздит,
И смотришь вверх, конечно, видишь снова:
Чернеет тень, и лампа не горит.

Есть в стенах дух, умершего, больного,
В луне щербато крыша заблестит.
Подумаешь, присядешь, и немножко,
Уже, наверно, хочется забыть.

Есть в крышах упрощённых – есть забава
Для знающих о мире забулдыг,
Для умных есть лишь истина – константа,
Для мысли тонкой – посеревший блик.

Есть в том пейзаже что-то... монотонность,
Какой-то мнимый, как гипноз, укор,
Мы продаём свою незаменимость,
Спеша от боли за бетонный сон.

Пётр Лодыгин

Я вижу небо в полосатых красках.
Я снова догоняю сон:
Шуты в звенящих ярких масках
Меня смешат – я фараон.

Эльфийки в черных палантинах
Изображают лебедей,
Нагие ведьмы вырезают
Игрушки детям из костей,

В ногах снуют мои рабыни,
Друг друга лизжут упыри
И нимфы заплетают в гривы
Пегасам нежные цветы.

Меня затягивают слуги
В хрустальный праздничный корсет.
А я придиричиво сличаю
С оригиналом свой портрет.

**Переводы с французского
Сергей Стратановский**

Поль Верлен

«Le bruit des cabarets, la fange du trottoir»

Вечерний гул таверн
и тротуаров сор,
Платанов дряхлых ряд,
теряющих убор.
Пронзительно скрипит
на четырех своих
Убогий омнибус,
взметая сорный вихрь.
На нем два фонаря -
зелено-красны очи.
Идут рабочие, куря,
в свой клуб рабочий,
И дым из трубок их
полиции в глаза.
И каплет с крыш сырых
и на стене - слеза.
Асфальт испорченный,
ручьев помойных муть -
Вот мне начертанный
к сиянью рая путь.

Стефан Малларме

Морской бриз

Печальна плоть моя.

Пролистаны страницы

Громады книг моих...

И чудится как птицы

Пьянеют в небесах неизвестных морей.

Ничто, ни старый сад,

что дебрями ветвей

Вошел в мои глаза,

ни лампы свет светя

Средь ночи творческой,

ни ты, свое дитя

Грудью кормящая,

ничто не оторвет

Меня от этих грез,

где океан ревет.

От будничных пустот

бежать скорей, скорей

Туда где пароход

тропических морей

Готов отчаливать,

где Тайное Скучанье

Почти отчаявшись

поверило в прощанье.

И этот легкий бриз,

что веет и поет

Быть может, тайно нас

на смерть в морях зовет.

В тот ад безмачтовый,

во тьму без островов.

О, сердце мрачное!

Льни к песне моряков.

Поль Валери

Погибшее вино

Не знаю где, в каком краю,
Немного дивного вина
Я пролил в дар небытию
На Океан – простор без дна.

Разгадчик, что ли, древних снов
Той жертве выучил меня?
Иль слышал я глубокий зов
Тот алкоголь, как кровь лия.

И дымом розовым мелькнуло
Вино на море, но вернуло
Свой облик море через миг.

Вино в волнах исчезло пенных
И в горьком воздухе возник
Рой первообразов нетленных.

Айсберги

Айсберги... Без парашютов, без поручней –
 глыбы стужи, где души погибших
матросов и бакланы усталые обретают приют
 под покровом чарующей ночи.

Айсберги, айсберги... Вы – соборы безбожные,
 соборы зимы бесконечной, там –
на куполе мерзлом Планеты

Как высоки, как чисты ваши кручи,
 рожденные холодом долгим.

Айсберги, айсберги... Вы – Атлантики тыл,
 будды морозные в несозерцаемых водах,
зенки Смерти мерцающие,
 крик огромный столетий безмолвных.

Айсберги, айсберги... Вы – скитальцы
 по собственной воле, вы – миры на замке,
вы свободны от жизненной мрази.

Родственники островов, родственники родников –
 вижу вас сердцем, чувствую
родственность вам.

Пустота

Страшный ветер внутри.
Хотя это лишь дырка в груди у меня,
только дырка...
Все равно - страшный ветер внутри.

В этой дырке скопляются
ненависть, немощь, испуг.
И стучается в немощи ветер
Мощный как смерч и способный
Шпиль стальной искорежить.

Ветер, ветер - напор пустоты

Я теряюсь, когда его нет,
я ищу его, внутрь зову.
Что сказал бы Христос,
если б был существом мне подобным?
Ведь во мне - заготовленный холод озноба
И дыра в пустоту - пожирательница,
уничтожительница,
Вязкая вата, безмолвие,
Звезд немота...

И глубока, глубока
и безвидна она - пустота.

И это всегда*

И всегда, и всегда -
прободение жалом зрачка
туча ос нападающих...
прокаженный,
его беззащитные чресла.

И всегда, навсегда -
человек погребенный при жизни,
оскверненная скиния,
мускул слабее ресницы,
но вступающий в битву с потоком.

* Стихотворение о посещении Мишо лепрозория в Африке.

И всегда, и всегда -
возвращенье ночей приносящих
пустоту стерегущую.

И всегда, и всегда -
опостылевший старый ремень.
Постоянно, всегда -
человек погребенный при жизни.
Постоянно, всегда -
обвалившийся с треском балкон,
нерв боль большой, что не в силах забыть
птице-дерево хлещуще,
и бурлящий поток,
где исчезнуть готовится смертный.

И всегда, и всегда -
встреча с Кем-то в огромной грозе.
Постоянно, всегда -
жизнь на грани затмения, забвения.
И всегда, и всегда -
горизонт позади частотокола
Вдаль уходящий
все дальше, и дальше, и дальше ...

Моя кровь

Кровоток моих вен
по которым петляя плыву -
Мой певец, моя шерсть,
жены мною любимые - он.
И бурлит, разливается не застывая,
Хламом меня наполняя:
черепками, камнями, стеклом,
Рвя на части меня,
и живу в громыханиях бури,
В задыханьях, в жестокости...
Он - кровоток созидающий
Замки мои на холстах,
замки из пятен случайных
Замки им озаренные.

Раймон Кено

Глухота*

Безухи ночи, тени, камни
Безухо дерево, трава.
И глух удар по наковальне
И море, и ночью сова.

Безглазы камни, мглы и ночи.
Нет глаз у трав и у хлебов
И у кротов во мраке почвы
И слепа сердцевина плодов.

И немые ночи, нищета.
И степь, и песни безъязыки,
И воздух весь как немота
И немые лес, озера, крики.

И вся природа словно дом калек
Калеки вы – животные и горы.
И ты, калека – человек
Твои нелепы разговоры.

Так кто же видит, слышит, говорит?

* Стихотворение написано во время оккупации Франции.

Владислав Южаков

Бутылка портвейна разбилась о камень,
И сладкую влагу впитал чернозём.
Скажи, что мне делать с твоими руками?
Скажи, где другую бутылку возьмём?

Прости мне, что речи горячи и пылки,
Прости обороты с началом на «ё».
Ведь ты же не просто разбила бутылку –
С бутылкой ты сердце разбила моё.

Летят самолёты, плывут пароходы,
Привычной дорогой идут поезда.
И будут ещё за портвейном походы,
Но счастья не будет уже никогда.

Пускай ореол романтизма развеян,
Пускай нам уже не поют соловьи,
Но я не забуду бутылку портвейна,
Весну и дырявые руки твои.

Щетинина Елена

Ашер v. 2.0

Дом Ашеров поднялся неожиданно, пробив асфальтированную площадку напротив бензоколонки. Комья земли и камни потом еще долго барабанили по крышам припаркованных неподалеку автомобилей, превращая глянцевые поверхности в жалкие ободранные и измятые листы металла.

К величайшему разочарованию журналистов, никто не пострадал. Да, конечно, событие было сенсационным, из ряда вон... но сенсация без пары-тройки – а лучше десятка – трупов пресна.

Пришлось обойтись фотографированием зацепившегося за край крыши и нависшего над зеваками трейлера, да десятком неотцензурных интервью рассвирепевших хозяев пострадавших автомобилей.

Правительство апатично открестилось от военных опытов, ученые – от опытов научных, поблизости не обнаружилось неучтенной стройки, а под землей – несанкционированных разработок.

Дому было неоткуда взяться, кроме, собственно, ниоткуда – таков был вердикт расследования. И добавление: в крайнем случае, из-под земли.

На том и порешили.

А потом началась вялая идентификация строения, так внезапно возникшего посреди городка в Новой Англии. Да, пару десятков лет назад шороху было бы гораздо больше. Сейчас же люди, пресыщенные и утомленные множеством развлечений, были склонны рассматривать это событие как еще одно – и надо сказать, не самого лучшего качества – шоу. Реклама. Чего угодно – нового реалисти-шоу, ипотеки, детского питания – в эту пору рекламировали все и всеми доступными способами. Зачем же обращать внимания на еще один рекламный перфоманс, пусть даже и такой дерзкий и явно недешевый.

Вопрос того, чего же именно была эта реклама, муссировался пару недель – в основном, теми самыми хозяевами автомобилей. Гнев сменился циничным расчетом и желанием получить кроме страховки еще и кругленькую сумму в нагрузку. Однако хозяин рекламного объекта никак

себя не проявлял – и интерес к тому вскоре иссяк окончательно.

*

А через месяц в город приехал человек. Какая-то крупная столичная шишка. Умник из научных верхов. Потрепанный – хоть и дорогой – костюмчик, очки в золотой оправе – каждая деталь костюма и внешности была истерта сотнями любопытных глаз и обсуждена на десятках посиделок.

Человек покружил вокруг дома, поцокал языком, поахал, пару раз упал в обморок – и уехал обратно.

А через неделю статья в столичной газете – растиражированная на миллионах сайтов.

Новостная бомба.

Информационная истерика.

Дом Ашеров.

Да, да – тот самый, знаменитый – и до этого момента считавшийся всего лишь литературным вымыслом, плодом воспаленного воображения – поднялся откуда-то из недр и сейчас возвышается унылым, согбенным сооружением посреди парковки у бензоколонки.

Спустя двести лет после своей гибели.

Почти что ровно двести лет.

*

Люди приезжали со всех концов света.

Чекинились, твиттерили, инстаграммили...

Щелкали вспышками фотоаппаратов, пытались втиснуть как можно больше в видоискатель телефонной камеры, воздевали к небу планшеты.

Стучали в окна, дергали дверную ручку и даже пытались выкорчевать пару камней из непрочной – ведь так же писалось в рассказе, не так ли? – кладки.

Но дом не поддавался.

Не пускал в себя.

Держал на отдалении – как можно удержать на отдалении назойливых и бесцеремонных гостей.

Шоколадные гробики с карамельной фигуркой внутри, сахарные *белые мертвые стволы иссохших деревьев*, хит сезона местных баров – коктейль «Леденящий холод», водка со льдом и солью – фантазия местных дельцов не знала границ, подпитываясь щедрыми денежными влияниями.

*

Именно в этот день, как сообщала очередная статья ученого, и должно было произойти Событие.

Именно в этот день исполнялось ровно двести лет тому самому, знаменитому, прославленному в литературе, кинематографе и музыке, Падению.

Городок заранее подготовился к юбилею. Резко взвинтил цены на проживание в местных отельчиках, растиражировал в сотню раз больше сувениров – и заранее отпечатал причудливым готическим шрифтом на тысячах листочках те самые финальные фразы.

... сияла, заходя, багрово-красная полная луна, яркий свет ее лился сквозь трещину... что зигзагом пересекала фасад от самой крыши до основания...

Толпа собралась у Дома – самые выгодные места шли по сногсшибательной цене – и придиричиво сличала происходящее с описанным.

Налетел свирепый порыв урагана...

Люди синхронно кивали – одобряя то ли текст, то ли происходящее. Кивали с видом пресыщенных и утомленных зрителей, высокого жюри, готовящегося вынести оценку.

Все в точности, как по тексту.

Или же... нет?

Кивки рассинхронизировались, а потом и совсем прекратились.

Что-то не так.

Что-то шло явно не так.

Чего-то не хватало.

Люди лихорадочно перечитывали текст на листочках, пытаясь понять, что же именно скрыто в этом «не так».

И никто не замечал, что трещина не расширяется.

... раздался дикий оглушительный грохот, словно рев тысячи водопадов...

Все слишком поздно поняли, что смотрят не туда. Что вода придет не оттуда. Что потоки уже крадутся к ним со всех сторон – с холмов, что возвышались там, вдалеке, немые и безответные, забытые всеми в этом безумном мире; из парка, в котором вот уже давно не гуляли, подняв голову к небу, а не воткнувшись в экраны планшетов – крадутся к ним, давным-давно впавшим в духовную каталепсию.

А когда они оглянулись – было уже поздно.

И глубокие воды ловещего озера безмолвно и уверено сомкнулись над домом Ашеров.

Право На Жизнь

Резко захлопнулась дверь. От этого хлопка дрогнули стены, скрипнули ветхие, покрытые облупившейся краской рамы. Маргарет, обессиленная и измученная, сползла по шероховатой неровной поверхности двери. Она закрыла лицо руками и принялась содрогаться от беззвучных рыданий. Слезы, сжавшиеся в груди в острый горячий ступок, никак не желали выходить. Казалось, свернувшийся в горле комок мешал им показаться наружу, выступить на ее изможденном остром лице. И они продолжали жечь изнутри ее неровно трепещущее сердце. Что-то черное скопилось у нее между пальцев, стекало тонкими струйками по ладоням, в свете лампы в прихожей блестели черные капли – засохшая, спекшаяся кровь.

«Боже, за что? За что?»

Маргарет откинула спутанные рыжие волосы с мокрого лица и посмотрела в окно, прямо так, сидя на полу и странно поджав под себя худые ноги, подобно брошенной кукле. Мелкие капли барабанили по стеклу. Прохладные осенние сумерки густели, точно ложка тягучего липкого сиропа, что медленно стекает с чайной ложки на свежестрезанный кусочек хлеба. Ветер крепчал, свистел сквозь прорехи в крыше, шерстил расшатанную черепицу, нервно и злобно скрипя, напоминая хохот беса.

«Я не могу больше, не могу!»

Она задрала вверх бледное с красными воспаленными глазами лицо и бессильно закричала. Крик птицей метнулся по пустому дому, запрыгал от одной, покрытой давно уже отсохшими противными бежевого цвета обоями, стены к другой и потонул в налетевшем порыве ветра.

Ее дом стоит на окраине города. Чуть дальше за ним – непроходимый лес. Ее никто не услышит. Никто не узнает. Зато она будет помнить всегда.

Маргарет посмотрела на свои ладони, на предплечья с просвечивающими сквозь тонкую кожу зеленоватыми венами, на длинные тонкие кровавые подтеки.

Нужно вымыть руки! Скорее! Нужно вымыть руки.

Она попыталась вскочить, но тут же все ее нутро отозвалось сводящей, сковывающей болью, и она, словно подрубленная топором осинка, рухнула на пол, болезненно вскрикнув.

Дождь снова брызнул в окно. Он усиливался. Капли становились все крупнее и крупнее. Подобно скорбным слезам они скатывались по стеклу.

Руки. Вымыть руки. Пока она еще хоть что-то видит.

Не в силах подняться, Маргарет решила добраться до кухни на четвереньках. Пусть так, лишь бы не видеть крови на своих руках. Это была и ее, и не ее кровь одновременно.

Странно перебирая ногами, опираясь на дрожащие руки, она двинулась вперед. Колени ее путались в сбившемся в кучу пропахшем нафталином ковре. Руки ее тряслись, грозясь вот-вот подогнуться. Но она продолжала упорно двигаться к цели. Ее дом, такой маленький в обычное время, сейчас казался каким-то непомерно огромным, чудовищно гротескным, а она – лишь маленькая, неуклюжая, его пленница, его безвольная раба.

Она переползла крохотную гостиную и направилась в кухню. Ее ужасно тошнило. Она всеми силами старалась не смотреть в распахнутую дверь ванной, туда, где в мертвом полумраке на раковине лежали огромные, измазанные кровью хозяйственные ножницы, а дальше, в ванной, почти у самого сливного отверстия – темно-красная с коричневатым оттенком биомасса – ее плацента.

Вцепившись заостренными, словно вдруг ставшими такими чужими, руками в край раковины, Маргарет попробовала подняться. Внутренности сводило от послеродовых болей. Ноги разъезжались от навалившейся на нее после всего перенесенного слабости. С трудом дотянувшись, она повернула кран. Холодная струя брызнула в раковину. Полу стоя, полу лежа на раковине, Маргарет подставила под струю руки. Вода тут же стала розовой от наводнившей ее крови. Крови матери и только что родившегося ребенка, которого она наперекор всей человеческой сути, всем своим инстинктам оставила умирать в лесу.

«Мне его не прокормить, – шептала она одними губами, пытаясь себя оправдать – не прокормить...»

Она поняла, что уже не говорит. Губы ее сделались ватными, онемевшими, словно подернутые коркой льда. Шум в ушах все нарастал, заполнил все пространство вокруг. Перед глазами все поплыло.

«Не прокормить, – выдохнула Маргарет и без сознания повалилась на пол.

Погода разошлась не на шутку. Капли впечатывались в окно, словно плевки. Ветер перешел на истеричный вой. А где-то в чаще леса, под раскидистой елью лежал новорожденный замерзающий малыш с малюсенькой, точно точка, родинкой на крохотном подбородке, тянул ручку, плакал – звал маму и не понимал, куда она могла деться. Он не чувствовал, да и не мог еще почувствовать, как над его крохотным тельцем все ниже и ниже склоняется сама Смерть.

Маргарет очнулась от стука в дверь. Сначала она подумала, что это ей померещилось. (Всего лишь ветер бьет в окно)

Но едва она распахнула глаза, и сознание до конца вернулось к ней, она тут же поняла – это не галлюцинация. Кто-то действительно стучал. Но как-то уж очень странно. Бум-бум, тишина. Бум-бум, тишина. Станный, нечеловечески спокойный темп. Почему-то сердце Маргарет тревожно сжалось.

Она едва смогла перевернуться на бок. Правое плечо ужасно ныло. Вероятно, ударилась им при падении.

Кто же это может быть?

Маргарет с трудом, хватаясь пальцами за край раковины, поднялась на ноги. Она слегка покачнулась, но устояла. Ей было уже лучше, по крайней мере, теперь она может ходить, а не ползать, как придавленная сапогом гусеница. Но голова продолжала кружиться. Кран все еще был открыт. Пользуясь случаем, Маргарет плеснула себе в лицо холодной воды и завернула вентиль. Стало чуть легче.

– Иду! – крикнула она и поковыляла в гостиную.

Кто бы это мог быть?

На ходу захлопнула дверь в ванную. Ужасный бардак. Ковер свезен, в ванной не пойми что, вещи разбросаны. Будь оно все проклято. Всеми силами она старалась

не вспоминать о том, что она сделала, словно бы это просто был сон, словно бы ей это все только приснилось.

Но где-то в уголке ее воспаленного мозга раскаленной иглой шипела мысль: убийца, ты чертова убийца!

Прочь от меня! Прочь! – мысленно прикрикнула она на себя.

Маргарет подошла к двери и прислушалась.

– Эй, – позвала она, – Кто там?

Ответа не было. Это ее удивило.

Она отодвинула занавеску на окне возле двери и посмотрела на улицу. Сплошная бархатистая черная поверхность ночи. Дождь закончился. На улице царила мертвенно-отрешенная тишина. Слишком темно. Ничего не разобрать. Лампочка над дверью уже давно перегорела. Купить новую не хватало денег.

Может, ей почудилось?

– Эй, отзовитесь, – снова крикнула она, стараясь, чтоб голос ее звучал как можно тверже, но в нем так и скользили выдающие с головой дрожащие, чуть истеричные нотки. Слишком многое ей довелось пережить этой ночью. Слишком редко к ней навевались гости. А за полночь так и во все никогда.

«И правда показалось», – решила она.

Но стоило ей только сделать шаг от двери, как звук повторился. Он стал тише, начал слабеть. Словно силы стучащего были на исходе. Но он звучал все с той же частотой – отрешенные два удара с передышкой.

«Уж не мертвецы ли в гости пожаловали» – подумала про себя Маргарет и гоготнула. Когда-то в далеком-далеком детстве бабушка ей рассказывала, что мертвые за полночь иногда навеваются к живым и они стучат именно так. Ровно два раза. Мерно, спокойно, чуть слышно, но крайне отчетливо. И от стука этого так и веет неживым, чуждым и отрешенным. Точь-в-точь как сейчас.

Маргарет вздрогнула. Ни кстати пришедшая в голову мысль напугала ее, как пугает зайца неожиданный треск ветки.

Где-то шумела вода. Странно, откуда она? Дождь вроде кончился.

– Отзовитесь! – крикнула она, прислонившись ухом

к двери, прислушалась, – Если вы не отзоветесь, я не открою.

Тук-тук...

Тишина.

– Тьфу ты, черт! – Маргарет отступила от двери. Скорее всего птица, всего лишь птица. Барабанит клювом. И всего то. Черт с нею.

И снова шипящий, непонятно откуда доносящийся звук текущей воды.

Птицы, чертовы вороны. И больше ничего...

Маргарет только развернулась, чтобы отправиться в дом, как она тут же услышала голос. Тихий, едва различимый среди шума ветра шепот. Кожа у нее махом покрылась мурашками.

– По-мо-ги-те... – произнес он по слогам.

Он исходил сразу из-за двери, откуда-то снизу.

Забыв обо всем, непослушными руками Маргарет принялась вытаскивать ставший вдруг непомерно тяжелым засов. Она едва сумела справиться с дверной цепочкой. Отбросила ее в сторону и распахнула дверь. Сперва она ничего не видела, пока глаза ее привыкали к темноте, но потом чуть ниже, там, возле самых ступенек, на брусчатке она увидела темный силуэт. Там кто-то лежал.

Не помня себя, Маргарет бросилась к нему. Молодой парень. Темные волосы. Лица не рассмотреть – света из распахнутой двери было слишком мало.

– Есть... Еды... Прошу вас...

– Сейчас, сейчас, сейчас, – запричитала девушка, – Что с вами? Вы ранены? Идти сможете?

– Заблудился в лесу. Давно. Прошу, – голос его был еле слышен, настолько он был слаб, – Людей не видел... давно... еды...

Из его руки выпала пустая консервная банка. Вероятно, именно ею он и стучал в полузабытьи по ступеням дома.

– Сейчас. Дайте руку. Обопритесь на меня. Сейчас я втащу вас в дом.

Маргарет помогла ему подняться – парень был неестественно легким. Плащ его был насквозь сырым от только что прошедшего дождя.

Опять послышался плеск воды, словно бы она мощной волной вырывается откуда-то.

Маргарет в темноте едва сумела нащупать босой ногой ступеньку. Пара пустяков споткнуться.

«Черт, только бы не наступить ни на что.»

– Осторожнее. Вот так. Еще немного. Идемте в дом.

Казалось, парень ее не слышал. Он опустил голову на грудь и еле передвигал ноги.

И вновь ее крохотный дом показался Маргарет непомерно большим. Она еле дотащила его до дивана. Аккуратно усадила его и бросилась на кухню, зашерстила по ящикам.

Ей не хотели платить декретные, а последние месяцы Маргарет и вовсе не смогла работать. Да что там работать, она в доме-то прибраться не могла. Жалких центов, что ей удавалось заработать от продаж косметики по телефону, едва хватало на еду. Она давно уже практически нищенствовала. Но она всеми силами надеялась, что сейчас у нее хоть что-то сможет отыскаться в пыльных шкафах.

– Пожалуйста, я так хочу есть, – простонал незнакомец.

– Да, я сейчас! – она быстрее захлопала дверцами буфета. Сплошная пустота. Последние три дня она физически не могла выбраться в город, чтобы хоть что-то купить.

Булка. Есть! Остатки сдобы. Чуть подзасохли. Полбанки странного сладкого масла. Маргарет понюхала его, попробовала – вполне, есть можно.

– Пожалуйста, я так хочу пить...

Пить! Точно. Маргарет схватила стакан и наполнила его под краном.

– Пожалуйста, я жить хочу!

Нехорошее предчувствие тронуло ее душу. Станный шум воды. Маргарет почувствовала, как лоб ее становится мокрым. Она поднесла к голове руку и потрогала, взглянула на ладонь – вода, обычная вода. Она посмотрела наверх – ничего не кашлет, обычный потолок... Что же это...

– Так хочу жить...

Маргарет резко обернулась. Парень начал поднимать доселе опущенную на грудь голову. Не узнать его было невозможно. Цвет волос, глаза... Это были ЕЕ глаза. И эта малюсенькая родинка-точка на подбородке.

Стакан с водой и хлеб полетели на пол. Стекло со звоном разлетелось в разные стороны, хлеб проскользил по полу, завертелся и скрылся где-то под стулом. Ужас сковал ее.

Схватил своими железными неумолимыми клещами. Реальность посыпалась, начала отваливаться кусками, и из-под нее выглянуло во всей красе безумие...

– Хочу жить... Я тоже имею право жить...

Он поднялся с дивана, протянул руку в ее направлении. Круглыми от ужаса глазами Маргарет следила за ним. Она увидела, как кожа на протянутой к ней руке начала желтеть, усыхать, проступали кости. Глаза его начали углубляться, проваливаться. Глазницы вырисовывались вокруг них, подобно двум кратерам. Он приоткрыл рот, и Маргарет увидела, как его язык вдруг сделался черным, покрытым белым невообразимым налетом. Он стал истощаться, вытягиваться, высовываться изо рта, извиваться подобно змее вокруг костенеющего заостряющегося подбородка, словно выливая его. И тут подбородок лопнул, разделился на две равные части и раскрылся, подобно жвалам какого-то сюрреалистического ужасного насекомого. Слизь повисла между ними. Тянулась длинными нитями. И скользящий острый, иссиня-черный язык провалился между ними. Подернутые мутью глаза смотрели точно на нее.

На одну растянувшуюся в вечность секунду все вокруг замерло. Остались только они двое. Казалось, весь мир крутился вокруг них. Маргарет схватила странная пустота, скользкий ужас. Он вцепился зубами ей в руки, сковал ноги. Словно заколдованная, она не могла пошевелиться, и лишь только следила за незнакомцем. Смотрела ему в глаза. А он смотрел в глаза ей.

А потом он бросился на нее.

Оцепенение спало, но все, что Маргарет успела сделать, так это всего лишь закричать. В следующую секунду она почувствовала, что летит на пол. А перед самым ее лицом – раскрытые в виде жвал кости черепа. И свисающая меж ними слюна.

Пусть оно исчезнет. Пусть исчезнет. Пусть...

Она почувствовала огромной силы удар. И мир тут же ухнул в пустоту.

Маргарет очнулась на кухне, лежа на полу. Из крана все еще текла вода. Сливное отверстие засорилось, и теперь она

хлестала через край раковины. На полу образовалась непотребных размеров лужа. Маргарет щекою лежала в воде. Она вскочила, бешено заозиралась по сторонам. За окном все так же шел дождь, комнату пуста, дверь в ванную распахнута, буфет на стене закрыт.

Сон. Всего лишь сон. Но такой реальный.

Боже, о Боже! Что же я наделала!

Сама не своя Маргарет вскочила. Чуть было не разъехалась на скользком от воды линолеуме. Завернула кран и бросилась к выходу. Схватила с вешалки ветровку, набросила на худые костлявые плечи. Долго рылась в ящике в поиске фонарика. Наконец нашла его под пачкой старых журналов. Проверила – вроде светит.

«Господи, что же я наделала!»

Она открыла дверь и бросилась в темноту, в дождь, на помощь своему сыну, ненавидя себя и моля всех богов, чтобы он еще был жив. А тем временем на замызанной обивке дивана высыхали и постепенно исчезали длинные, тягучие, уже почти неразличимые нити слюны...

Что ж, если только и есть в этом мире Ангел-Хранитель, то в ту самую ночь он до конца исполнил свой долг.

Мяч был подарен на пятое лето жизни.
Теннисный мячик – прыгучий, весёлый, яркий.
Можно сознаться: ты рад ему был, как шизик.
Собственно, что? Как обычный пацан подарку.

Если во двор – обязательно с ним в кармане.
Круглый резиновый друг непременно нужен
В каждой игре. Он по окнам летал – нормально,
Кошек пугал и прикольно скакал по лужам.

Взрослые ели, смеялись, ловили рыбу –
К озеру съездили как-то в конце недели,
Теннисный мячик случайно в кусты упрыгал
И оказался навеки тобой потерян.

Прошное дело – в подушку ревел ночами,
Мать обещала конструктор купить в апрашке,
Не понимала причин, глубины печали:
Мячику там одиноко, темно и страшно.

Вырос, окреп и давненько страну покинул,
Детские беды теперь вспоминать забавно.
Хуле: успешен, женат и вообще – а winner! –
Жизнь протекает размеренно, четко, плавно.

Только обхватишь (эх, Бродский) рукой колени,
Куришь полночи, сосёшь потихоньку пиво,
Зная, что где-то на той стороне Вселенной
Мяч до сих пор одиноко лежит в крапиве.

Эрна Ямакова

Гарь

В шесть часов утра на улицах нет людей. Солнце – светло-оранжевое, а птичье пение – лимонно – желтое. Пахнет влажной землей и маленькими свернутыми листьями. Разбитая асфальтовая дорожка – светло – серая, она изрезана темными прожилками, как огромный лист.

Никто: ни птицы, ни водомерки, ни почки на деревьях не заметили человека, ступившего на асфальтовую тропинку. Он появился будто из свежих утренних запахов. Его темные ботинки ступали почти бесшумно, немного поскрипывали крохотные влажные камушки под подошвами. Человек почти прошел асфальтовую дорожку, когда подул ветер. Он дунул резко; прошлогодние коричневые листья, легкие и хрупкие, как старческие кости, взметнулись вверх и закружились, ломаясь в воздухе и шурша по асфальту. Человек распахнул свой плащ и все мертвые листья с шелестом устремились к нему. Они исчезли, испарились, рассыпались в темноте его мантии.

Человек сошел с тропинки. Ветер прекратился так же быстро как и начался. Все было по – прежнему, кроме почерневших сморщенных листьев – их нигде не было.

Человек вышел на большое поле, покрытое серой травой. На поле стоял огромный сторевший амбар. Ботинки человека, приминая слабую гнилую траву, шагали по направлению к пропитанной гарью и сажей постройке. В обуглившейся трубе завизжал ветер и обгоревшая дверь сквозняком распахнулась изнутри. Человек вошел внутрь дома, его плащ растворился в прокопченной темноте. Дверь захлопнулась, отделив мир весеннего ароматного утра от затхлого безвременья амбара. Человек распахнул полы плаща и оттуда вырвался безумный рой листьев. Они долго томились там и теперь, озверев, металась по помещению. Человек подождал, пока листья улягутся на земляной пол, покрытый сажей от пожара, и прошел в угол амбара, где из упавшей потолочной перегородки и нескольких мешков было сооружено подобие стола. Человек погрузил руки в мягкие складки плаща и достал све-

чу. Он глянул наверх и ветер застонал между обуглившихся балок. Ветер стремительно подлетел к человеку и зажег свечу. После этого он растаял где-то в темноте. Человек поставил свечку на стол, разложив на нем разные медицинские и химические инструменты. Беспокойный свет неровно играл на их сверкающем металле, скудно освещая помещение.

Везде лежали листья. Коричневые, черные, влажные, рассыпавшиеся от старости, сухие, гнилые, целые, истертанные и все – мертвые. Их легкий шелест был таким же вымученным, осторожным и сухим, как дыхание умирающего от астмы.

Человек взял тонкими пальцами, похожими на прожилки, горсть листьев, несколько минут назад выпорхнувших из его плаща. Затем он взял те, что уже рассыпались, эту тонкую пыль, летавшую повсюду. Здесь, в этом амбаре, стоило только сжать пальцы – и вот у тебя в кулаке уже тысячи душ старинных листьев. Человек ловко орудовал холодными металлическими инструментами, его руки двигались со стремительностью лапок паука, плетущего паутину. Паутина всегда несет смерть маленькому насекомому, которое не в силах разорвать ее слабыми трепещущими крылышками.

До своего последнего дня паук плетет километры смертоносного кружева. До наступления темноты человек в сгоревшем амбаре превращает в пыль тонны мертвых листьев. Густую, черную и смрадную, он рассыпает ее в разные сосуды.

Ветер известил человека о наступлении темноты, нетерпеливо мечась под потолком и подкидывая полы плаща, потирающая его. Тот пальцами затушил свечу, взял сосуды с сухими душами листьев, обращенных в пыль, и вышел наружу.

Его уши наполнились звуками. Птицы заканчивали свои колыбельные, насекомые разгоняли прозрачными крылышками вечерний воздух, земля тихо дышала, отдавая тепло, полученное днем с лучами солнца. Почки готовились распуститься, птенцы – вылупиться, дети – родиться.

Человек снял крышку сосуда и выпустил томящуюся там пыльцу. Злые, перемолотые, старые, гнилые листья понеслись сквозь весенний вечер. Их подхватил ветер, пахнущий смертью и копотью. За ними оставались мертвые существа, вдохнувшие темной пыли. Некоторые никогда

не рождаются, некоторые последний раз вдохнут ночной весенний воздух. Главное, когда мимо пролетает этот черный вихрь смерти, делать выдох, а не вдох.

Человек стоял и смотрел в темноту, его рука сжимала пустой сосуд. Внезапно он вздрогнул, почувствовав чье-то прикосновение. Оно было тяжелее, чем привычное ему невесомое касание ветра. Он обернулся и увидел сзади себя маленькую старуху. Она едва походила на человека, так морщинисто было ее лицо и угловато тело. Она вся тряслась. Человек вопросительно взглянул на нее и сказал:

– Вы похожи на мои листья.

Женщина посмотрела на него выцветшими глазами и еле слышно проговорила: – Наконец-то ... я нашла... дайте мне смерть, я не могу жить больше, это... долго.

Она затряслась еще больше.

– Я не могу, – ответил человек. – Люди сами должны вдохнуть свою смерть. Сегодня она унеслась уже далеко, может, Вам повезет завтра...

– Я... хожу за ней... уже сотню лет, и всегда она улетает... вперед. – Прошептала старуха.

– Не ходите за ней, – сказал человек и направился к черному дому. – Дышите, живите, и Вы вдохнете ее пыль тогда, когда Вы меньше всего этого ждете.

Ветер распахнул перед ним дверь и его фигуру поглотил мрак створенного дома.

Старуха еще долго стояла и бессмысленно смотрела на облупившиеся стены, окутанные хрустящей сажой, словно черным коконом. Смотрела на этот дом смерти. Даже придя в ее жилище, старуха не застала ее там – казалось, что небеса насмеяются над ней, над ее затянувшейся жизнью, над телом, теряющим человеческие очертания и ставшим отвратительным бременем.

Она медленно пошла по полю. На серой траве оставались её следы. Она дышала как можно глубже, надеясь, что среди запахов нежных весенних цветов и ночной росы окажутся частички мертвых листьев, гонимых злым пахнущим гарью ветром.

В одной цепи, суставом за сустав,
Тугой и гибкий, словно позвоночник,
Бежал по рельсам поезд-полуночник,
Стремился в свой конечный путь состав.

В пустой тоннель входил, как в паз засов,
Гудком надсадным в стены упирался,
И этот жуткий первобытный рёв
Под сердцем гулким эхом отдавался.

...А я баюкал расставанья боль,
Оконце поколупывал незряче,
Где в черноте холодный лес маячил,
И колотил о сосны дождь рябой.

В гортани зрела речь, а я молчал.
Куда я, за каким попутным ветром?
...А поезд в лес вонзался, поезд мчал,
Отстукивал минуты, километры.

Кто я ему?
Случайный пассажир,
Пустой балласт, обыденная ноша.
Я влез в его вагон незван-непрошен
И, значит, для него я был чужим.

Я рад, что жизнь его полна хлопот,
А я, как в мире этом, здесь случаен,
Меня никто не ждёт – его встречают,
Мне – в Никуда,
Ну а ему – в ДЕПО.

Елена Вологодская

Сказ о русской девице и Змее

Не горит очаг, наличник сорван...
 Слишком долго дом мой пустовал.
 От тоски моей по Ясну Солнцу
 Не поможет одолень-трава.

Что же ты, рябинка, задымилась,
 Кто своим дыханьем травы сжег?
 Это, свой Калинов мост покинув,
 Лютый Змей ступает на порог.

Притворился мильм, окаянный,
 Да гостинцев всяческих принес...
 Только воет, верный мой охранник,
 На него утробным воем пес.

Ну-ка, Змей проклятый, в чисто поле
 Выйдем - и тогда поговорим
 О моей нелегкой женской доле,
 О житье-бытье и иже с ним».

Только речи я вести не стала,
 Не о чем мне с татью говорить.
 Вострый меч булатный свой достала,
 Чтоб лихие головы рубить.

Две из них по-очереди бьются,
 Нападают сразу с двух сторон,
 Брызжут ядом, да огнем плкются,
 Зенки щурят злобно и хитро.

Третья голова заходит с тыла
С грозным рыком: «Больно ты смела,
Чай, Ивашка близко? Где ж твой милый,
Видно, отлучился по делам?»

«Не твое, вражина, это дело,
Лучше за себя поберегись!» –
То прополз под брюхо пес мой смелый,
Обе жилы гадине подгрыз.

Тут и мы с мечом моим поспели:
Покатилась в поле голова,
Завалилось на бок Змея тело,
Оросилась кровью мурава.

След за первой – голова вторая,
Да на третью не хватает сил...
И тогда, о милости взывая,
Лютый Змей пощады запросил.

Вон, в кустах, зализывает раны,
Получив короткий передых...
Только мне снимать доспехи рано:
Мстить вернется, знаем мы таких.

Чья-то туша в поле догорала...
Лаял пес, да стрекотал сверчок.
На коленях девица стояла
Перед в землю воткнутым мечом.

Анна Шащенко

**Горгоне снится
новенькое зеркало...**

...Горгоне снится новенькое зеркало
и девичий прекрасный прежний вид...
Тихонечко размётанными змеями
шипит, а когти рвут бельё постельное,
ведь зеркало стремительно парит,
от Медусы бегущей удаляется
и, кажется, вот-вот уйдёт в туман,
не отразив счастливую красавицу...
И снова от тревоги просыпается,
а в сердце обрывается струна...

Застелено, причёсано, заточено,
на время шевелюра улеглась,
окаменело призрачное прошлое...
Но как же поутру забыться хочется
и засмотреться в гибельную гладь,
чтоб крылья не пропитывались стонами,
чтоб раскрошились мерзкие клыки...
Не знаться ни с Афинами нескромными,
ни с грубыми скотами-Посейдонами,
ни капли крови не оставить им...

Но лишь представит: жалобными флейтами
рыдают сёстры – и отводит взгляд...
Сфено и Эвриала, вы – бессмертные,
и чары не имеете секретные,
а граи слишком много говорят –
у головы Горгоны популярности
не меньше, чем у яблок Гесперид...

...Нет девушки и зеркала в туманности –
к чудовищу
с Персеем приближается
начищенный до блеска медный щит...

Антон Сергеев

Млечной реки течение
Медленно, тихо точит
Обветренные берега.
Лодка моих сновидений
Над облаками ночи
Подрагивает слегка.

Бросить, оставить весла,
С борта, не напрягаясь,
Выныриваешь поплавок
В сине-молочных блестках.
Неторопливым брассом
В темнеющее далеко

Плыть, на волнах качаясь,
Звездных соцветий мимо,
Свободен и наг, невесом,
Стайки комет случайных
Вспугивая. Лениво
Лучистым потокам лицо,

Тело свое доверив,
Между галактик падать;
Скольжение, взлет, кувырок.
Словно навек потерян,
Выброшен в мириады
Неведомых теплых миров.

Знаешь, какие песни
Космос поет? Ты знаешь,
Как хочется в нем утонуть?
Просто здесь слишком тесно,
Невыносимо крайне
Парить. Без тебя. Одному.

Сергей Касаткин

Глава повести «Русские грабли»

4. СТРАХ

После полудня пришла гроза. Первыми ее испугались куры. Они прыснули со двора в свой коровник и залетели на самый шесток. Про кур я услышал от бабушки, вернувшейся с ведром из хлева, от поросенка. – Уросит, как недорезанный. Можно подумать, шершени его изжалили. Бабушка боялась грозы пуще неволи. Почувяв гнетущее недобро и не веря в силу своей защитительницы, кошка метнулась к ногам бабушки. Набрасываясь ей на коленок, истошно мерявкала. С третьего кошачьего взвоя бабушке стало совсем тошно. Заполошно махая руками, она шутнула «чертово отродье». По тому как стрелой кошка бросилась к лазу в подпол, я поверил в бабушкин приговор: ещё не известно, какие силы призовет эта каналья из подполья. – Зеркала приманивают молнии – закроем полотенцами! Занавески на окнах опустим! Не ходи к нам гроза!

После душного томительного дня в ограду ворвался суматошный ветер. Он разметал стружку из-под лопаса выше окон и побежал дальше по деревне бедокурить. Я придвинулся к уличному окошку. Из-за бора, стоявшего стеной за речкой, на меня надвигалась темень силищей несметной. – Уйди от окна! Убьет! Но меня не оторвать от картины сшибающихся полчищ небесного воинства. В какой-то момент мне показалось, что затрещала матица, держащая потолочный настил. Неужели мы будем заживо погребены здесь? Нет, это треснула туча, расколовшись надвое -выронила из утробы своей раскаленную стрелу. Я такие видел в кузнице. Кузнец ещё вынул огненную полосу щипцами из горна-печки и положил на наковальню. И в результате получился обод для тележного колеса. А что можно сделать из огненной стрелы? Огненную стрелу для лука?! Я стал их считать. Хотя в свои шесть лет я читать не умел, но зато считал твердо до ста.

Первая стрела ударила в бор. Мне показалось: она целилась в сосну, что повыше. А тучи несутся, как табун лошадей. Следующая стрела ударила на лужке – не поискать ли потом это место: какой получается синяк, когда дерутся небо с землею? Одно только ясно, что все синяки земле достаются. Но и тучи с каждым ударом становятся всё слабее – от натуги выдыхаются. Третья стрела должна была ударить уже в наш дом: если только небесное воинство пересечет нашу охранительную границу – деревенскую дорогу. Я стал просить ее держать оборону «до последнего». Но нет: это шарахнуло по нам, в само темечко. У меня из глаз словно искры посыпались. Но нет, мы живы. И дом стоит. На миг затишься, я даже услышал шепот бабушки за перегородкой перед иконой: – Матушка-заступница, спаси и сохрани! Не сломив нас с одного раза, гроза, видимо, стала выбирать другие, более податливые цели – Нечего шариться по огородам! Беги дальше! За нашими огородами, за дорогой, стояла кузница. А далее колхозные строения: для постоя коров, лошадей, свиней; а также для хранения кормов. Самым замысловатым из них строением была силосная башня, казавшаяся местным небоскребом. Наверное, гроза ее выберет своей главной целью: не лезь в небо! – Делай, что хочешь, только пожалей колхозных лошадок и свиношек. А коровки сейчас где-то в лугах – их не достанешь! Я считаю раскаты грома: семь, восемь... как исчисления приговора. Всего я насчитал 33 удара. После чего стало затихать. Гроза ушла в сторону.

В окне вспыхнул белый платок. В стекло застучали: – Ани-сья, пожар! Бабушка открыла ставни. Под окном, кутаясь в телогрейку – дождь еще не перестал – выросла из ниоткуда бабка Секлетинья. Она жила через дом по улице. – Кузня горит! – Так, что: бежать?! – Да не, уже сгорела. В минуту вспыхнула, как молния в нее попала. Одни головешки остались.

Я стал проситься у бабушки: сбежать, посмотреть пожараще. Но она настрого запретила туда соваться: – Мне тебя твоя мать вручила. И я за тебя отвечаю по полной. – Нельзя к кузне, так на улицу, под окошко можно? Я буду запруды строить. – Ну беги, пострел! Всё равно не усидишь.

Дорога пересекала берег оврага, делая подъем пологим. В грозу, бывало, бежали бурные ручьи, через час высыхающие. Поэтому мне надо спешить получить все свои

24 удовольствия. «С горы бежит поток проворный», – любит говорить мама стихами. Словно про нашу улицу сказано. А «поток», мутный, в минуту озверелый, – вымывает русло для ручья: чтобы легче было бежать. Уж как с ним не борются – только каждый хозяин в одиночку. Кто несет ветки, кто ломаный кирпич. А дядя Аркаша не далее как вчера вывез тележку стружек из-под лопаса. И всё это нужный для меня строительный материал. Лучше всего ветки – ими можно перегородить ручей. Вот попался кусок голенища от кирзового сапога – и вода сразу стала. Подперла, забурилась – и начисто снесла мою запруду. Раз так, тогда я чуть повыше зайду – там ручей потише. И прихватил столь нужные ветки и сапожище. Я сделал три запруды для стихающей воды. А поднялся аж до дома Секлетиньи. Можно и полбобоваться своей работой.

Стало вечереть. Померкла солнечная яркость дня. И сразу стало тихо. Птицы петь перестали, зачарованные тревожащим переходом дня в сумрак. Солнце садилось прямо в улицу между домов, словно по желобу прокатили огненно-золотое яблоко. Жутко красиво. Я обернулся: с Камчатки надвигалась темь, порождающая, по бабушкиным поверьям, чертовых тварей. Чего мне пугаться? Кого эта темь может породить?

Чу! На дороге, из оврага проявилась рогатая черная голова. Огромные выпученные губы на полморды алчно требовали очередной гастрономической жертвы. Вывалившаяся лопата языка бурчала о несносности жизни в постоянном плотоядном выборе. Мгновение спустя я воззрел два молочно-кровавых шара с червоточинкой в середине. Молитвенно раскачиваясь по сторонам, рогатое чудище принимало очертания туши быка, колхозного производителя. Может, коровы непочтительно обошли его вниманием. Раз он убежал от стада. Бык предстал передо мною как воплощение сатаны. Сатана надвигался на меня, поочередно вскидывая копыта. Окровавленные буркалы искали жертвы. И перед его мутным взором предстал я. Безумная черная скотина остановилась. В его мозгу методично крутились колесики, точнее, гигантский мельничный жернов, смальвающий неудовлетворенную реальность в единственную вымученную мысль: перед тобой враг! Он виновен во всех твоих сегодняшних невзгодах.

Выпученные шары его остекленели, как две тревожные красные лампочки, предупреждающие об опасности. С бороды его свисала нитка слюны. Вот он решился: издал истошный животный рев. Что означало: я выбрал тебя! Сегодня ты станешь жертвой моей прихоти и вероломства! В тот миг, когда он собрался меня атаковать, я дернулся, сначала на месте. А потом побежал. Но не к бабушкиному дому – дорогу мне преграждал рогатый исполин – а прочь, по улице.

После большого прогона мелькнул дом пастушихи Авдотьи. У нее еще дочка на пару лет старше меня. В следующем доме живет странный мальчик Сережка моих лет. От людей он отличается короткими пальчиками. Однажды он повис руками на проводах – хотел покачаться. Почернелого, его закопали в землю – оставили только рот и нос. И электричество отпустило его. Только пальчики – маленькие, кукольные – напоминают о передрыге. Всё это я припомнил в мгновение, когда проносился мимо. Дальше я деревни не знал.

И, если мне стало страшно, то сейчас. Жутко. Я оглянулся: бык рысцой трусил по середине улицы. Я остановился перед чужой оградой. Остановился я – и он стоит, как вкопанный. И ревет, оглашенный. Опасность искрилась в воздухе – молнией между нами. Опасность для меня. Ища спасения, спиной подпираю калитку ограды. Чужой дом глядит страшно-грозно. Но рога быка убийственны. Я подпрыгнул обезьянкой и повис на чутунной педальке. Странно: дверь чуть приотворилась. Я влетел в ограду и с грохотом захлопнул за собой тяжелую калитку.

Я стою в чужой ограде, а страх меня не отпускает. Хотя бык мне теперь не страшен – да я в ту же минуту про него забыл. Теперь мой страх уже не перед чем-то (быком), а страх сам по себе – страх перед будущим. Жуть охватила мою охолоделую спину – по ней побежали мурашки. Коленки затряслись...

Что было дальше – не помню...

Прошло много лет. На меня подчас набрасывается паника. И тогда я чувствую себя всё также стоящим в чужой ограде. Я из нее так и не уходил. И необъяснимое чувство страха ширит мне глаза. Страх – это одиночество.

Павел Беляев

Незнакомец у порога

Это всё он, тот странный человек, который жил под моей дверью уже некоторое время. Он не был похож на бездомного, во всяком случае, одежды его всегда содержались в чистоте и порядке. Я даже думал, что несчастный потерял память и хотел заговорить с ним, помочь. Но как только я пытался начать разговор или хотя бы приблизиться к нему, незнакомец исчезал, сбегал, поджав хвост, будто уличная дворняга.

Подозревая, что в жизни его случилось какое-то несчастье, я, как добропорядочный гражданин, проявил участие и стал подкармливать неожиданного соседа. Утром, уходя на работу, оставлял на ступеньках миску с горячей похлёбкой и кусок хлеба. Когда же возвращался восвояси, то на крыльце находил пустую чашку. Перед тем, как приступить к выполнению своих домашних забот, я вновь выставлял на крыльцо порцию еды.

Время шло, незнакомец с удовольствием питался за мой счёт, спал на моем крыльце и, кажется, не собирался никуда уходить. Он по-прежнему сторонился людей, избегая не только меня, но и друзей, что приходили в гости. Даже мое участие и явные попытки помочь не вызывали никакого доверия.

Я не мог читать у себя в постели, потому что нечаянные его вздохи и шорохи так четко доносились до моего слуха, что я невольно вздрагивал и прислушивался. Бросал любую работу и прислонялся к окну, подолгу находясь у него, я ждал. Ждал, не знаю чего. Мне казалось невероятно важным знать о каждом его движении. Он терся о стену, постукивал в окно, кряхтел и скулил. А как только я выбегал на улицу, тут же прятался. Незнакомец, словно занял важную нишу в моей жизни и теперь отчего-то стал ее частью. Однажды, после сильного ливня он простыл и пока я ужинал, то сосчитал, – ровно двенадцать раз он чихнул, и пять раз вытер нос рукавом. Я взял блокнот с каминной полки

и все записал. На следующий день я нашел этот блокнот у себя на столе и не на шутку испугался. Я вдруг понял, что от такого соседства начинаю сходить с ума.

Когда наступила зима, и приходилось возвращаться домой впотьмах, я невольно ускорял шаг и старался держаться подальше от случайных прохожих. Подходя к собственной двери, оглядывался по сторонам, словно какой-то вор. Я стал грубым и раздражительным. Близкие не узнавали меня, на работе и вовсе не ладилось.

Терпению пришел конец. Я решил, во что бы то ни стало, переговорить с незнакомцем и расставить все точки над «и». Однажды вечером я вынес на порог пустую чашку, а сам спрятался за неплотно закрытой дверью. Я надеялся, что не найдя еды, незнакомец придет в замешательство, что даст мне время схватить его. Продав совсем немного, я услышал возню на крыльце и звон посуды. Стремглав выскочив за дверь, я увидел лишь серую тень, мелькнувшую за углом. Со всех ног я бросился следом. В голове моей стучало непреодолимое желание схватить мерзавца за его проклятый серый плащ; чертов плащ, что всю осень и зиму мелькал перед моим окном, и встряхнуть его будто мелкую надоедливую шавку. За углом я наступил-таки свою цель и только разочарованно вздохнул – голодная облезлая психа смотрела на меня жалобным взглядом.

В полном отчаянии я направился к дому, как вдруг увидел на крыльце «соседа». От холода он втягивал голову в худые плечи и с глупым выражением лица рассматривал пустую миску. Заметив меня, он запахнул полы долгополого пальто и пропал во тьме улицы. Я бежал за ним несколько минут, но незнакомец был проворней, за одним из поворотов в конце улицы он скрылся из виду.

По совету друзей я обратился в полицию. Сначала они подняли меня на смех, потешаясь над тем, что взрослый мужчина не в состоянии разобраться с бродягой; мне пришлось заплатить полицейскому, чтобы тот проследил за моим домом. Полисмены находились поблизости несколько дней. За это время чудаковатый незнакомец не появлялся. Решив, что он испугался и нашёл себе иное место обитания, я, наконец, вздохнул с облегчением.

Но, к сожалению, тем же вечером крыльцо скрипнуло,

и слышалось чьё-то тяжёлое дыхание. Я выглянул в окно. Мой незнакомец сидел на ступеньках, завернувшись в старый клетчатый плед, и хрипло дышал. Как только я выбежал на крыльцо, его, конечно, уже не было. В надежде, что этот человек прячется где-то поблизости, я громко произнёс:

– Послушайте, уважаемый, оставьте меня в покое! Хотите околачиваться у моего дома, иначе я засажу вас за решетку! Я не шучу! Вы слишком долго пользовались моей добротой!

Я хлопнул дверью и отправился в спальню.

Конечно, я не мог заснуть, каждый шорох, будь то свист ветра, шелест ветвей или треск огня в камине я принимал за движения незнакомца. Вооружившись печной шумовкой, я стал ждать. Ждал и боялся. Мне казалось, что вот-вот откроется дверь, я буду слышать его гулкие шаги, его хриплое дыхание, буду чувствовать его запах...

Утром, когда я пошёл на работу, меня напугала всё та же серая собака, которую несколько дней назад я принял за странного незнакомца. Я прогнал её, подумав, что мой дом от чего-то в последнее время стал центром притяжения всяких странных личностей. Я сам стал странным.

На протяжении ещё нескольких дней незнакомец то появлялся, то исчезал, настойчиво испытывая моё терпение. В конце концов, чаша оказалась переполнена, и фонтан негодования брызнул из меня бурным горным потоком.

В тот вечер я ушёл со службы раньше обычного. Плотно поужинав, я хорошо побрился и надушился – всё это помогло мне сосредоточиться и привести мысли в порядок. Выдернув из-за камина шумовку, я сел у двери и стал ждать. Было слышно, как незнакомец ходит кругами и о чём-то громко вздыхает. Свежий снег мерно хрустел у него под ногами. Выждав некоторое время, я рванул с места и выскочил на улицу. Выкрикивая какие-то ругательства, я хорошенько приложил человека по лицу. На этот раз, ему не удалось скрыться, и чудовищная сила удара швырнула мужчину с крыльца. В меня словно вселился дьявол. Я подскочил к несчастному и со злой радостью ударил его ещё несколько раз по голове.

Неожиданный женский визг отрезвил меня. С воздетой к небу рукой я остановился. На алом снегу лежал мертвый

человек, и это был вовсе не мой незнакомец. Пожилой низкорослый мужчина с застывшим ужасом в глазах тарачился на меня. С противоположного конца переулка ко мне уже бежало трое городских, свистками привлекавших к себе внимание.

Я бросился бежать, как вдруг из-за угла мелькнула тень, и проклятая серая псина, которую я прогнал несколько дней назад, вцепилась мне в штанину. Отбиваясь от собаки, я не заметил, когда наручники закрылись на моих запястьях.

Конечно, история с человеком, живущим у моего порога, судьям показалась не убедительной. В общем-то, от меня почти не требовали никаких объяснений, да и зачем? Я был пойман на месте преступления, полисмены, к которым я недавно обращался за помощью, показали, что я страдаю манией преследования, а некоторые знакомые и сослуживцы подтвердили, что в последнее время я был «не в себе». Ещё бы! Дорого бы дал, чтобы посмотреть на них в подобной ситуации.

Сначала меня должны были определить в лечебницу для экспертизы. Но потом, как это иногда бывает, произошло нечто загадочное, и меня перевели в тюремную камеру, где уже находилось трое заключённых. Они видимо, были наслышаны об обстоятельствах моего дела, поскольку держались стороной. Да я и сам не слишком стремился наладить с ними отношения.

Те немногие друзья, что посещали меня, горячо сочувствовали, но ничего поделать не могли. Да и глупо было бы, с моей стороны, требовать от них каких-то действий. Наши встречи проходили быстро в негромких пустых разговорах. И вдруг меня осенило – чтобы суд признал меня невиновным, нужно было найти загадочного незнакомца, который всё это время так настойчиво сводил меня с ума!

Несколько друзей сами вызвались помочь. Они организовали круглосуточное наблюдение за моим домом. Несколько недель они не отрывали пристальных взоров от злополучного крыльца, но проклятый незнакомец так и не появился. После нескольких месяцев безуспешных поисков, мы все вынуждены были признать, что он пропал навсегда.

С тех пор я видел его лишь однажды. Весенним промозглым утром сидя у небольшого окна своей камеры, сквозь крупную решётку я любовался свободой. Пустынный пейзаж завораживал своей тишиной и уединением. Внезапно мелькнула тощая фигура в сером длинном пальто. Загнув руки в карманы, и по обыкновению, втянув голову в плечи, чудовищный незнакомец мирно прогуливался под моими окнами.

– Вот он! – воскликнул я, пальцем указывая на окно. – Тот человек, из-за которого я очутился здесь!

Мои сокамерники удивлённо переглянулись. Один из них резво подскочил к решётке и выглянул на улицу. Некоторое время он пристально всматривался в развернувшийся пейзаж, а потом, странно взглянув на меня, ни слова не говоря, вернулся к товарищам. В жутких подозрениях я поспешил к окну. Как и следовало ожидать, проклятый незнакомец успел исчезнуть.

Чудо-Юдо

– Что ж ты, кляча, верный конь, спотыкаешься,
Что ж ты, ворон, каркаешь – заикаешься?
Отчего, мой шелудивый пес, щетинишься,
Отчего, душа моя, грустишь – кручинишься?

– Оттого споткнулся конь: ногой попал в капкан.
Ворон проклевал бурдюк с вином, теперь он пьян.
Ветер дует в спину, вот и поднял шерсть у пса,
Я ж грущу с того, что мне мешается коса.

– Полно, милая, томиться о пустом:
Косу мы твою под шапку приберем,
Зоопарк разгоним, двинем дальше налегке.
Я боялся – ты грустишь о Ваньке-мужике.

– Это ж надо выдумать! Ты с вороном не пил?
Этот рыжий Ванька просто мимо проходил,
И, к тому ж, я видела его издалека.
Если рядом Чудо, кто глядит на мужика?

Целый день стирать ему, готовить, убирать,
Да еще раз в год иль два таких, как он, рожать!
А когда напьется пьян, станет меня бить...
Жить с таким уродом?! да мне легче косу сбрить!

– Хватит, милая, я просто пошутил...

– Ты не Чудо-Юдо, а ревнивый крокодил!

Конь ржал над ними, ворон каркал,

пес им подвывал,

В этой перебранке набрели на сеновал.

Позабыты все обидные слова,
Пахнет скошенной травой, кружится голова...
Разом стало так легко, спокойно на душе.
Правду говорят, что с мыльм рай и в шалаше.

Шатаяна Башинская

"Русская классика"

ГУМИЛЁВ

Там, где сладкое слово свобода
 Не рассыплется в пыльный закон,
 Там размеренно вторит природе
 Полосатый нефритовый слон...
 Там, где тень заменяет одежды,
 Там, где возраст не морщит чело,
 Там тепло... Там гуляет как прежде
 Полосатый нефритовый слон...
 Там, куда мое сердце стремится,
 Куда входит мечты галеон,
 Там в бамбуке к скале прислонился
 Полосатый нефритовый слон...
 На боках его тени глубоки,
 Бивни матовым светят стеклом.
 Переливами страсти клокочет
 Полосатый нефритовый слон...
 И любви в его голосе столько,
 что давно бы мне крышу снесло.
 Если б не был он весь на ладони,
 полосатый нефритовый слон...

АХМАТОВА

Отчего, разгораясь, ты снова трепещешь вопросами,
у которых, наверно, и вовсе решения нет?

А в руках теребишь без конца не гранатовый,
бросовый,
деревянный, на правую руку,

подаренный кем-то браслет.

Мы на кухне вдвоём, до утра ты дымишь папиросами,
почему-то молчишь, когда кто-то идёт в туалет.

Осторожно сминая тугое табачное крошево,
раздражённо так споришь,

просто очень и очень хорошая.

Отчего, я понять не могу,

в чем тут ведьминской силы секрет?

В коммуналке на кухнях оконные стёкла церковные,
солнце искоса утром пытается взять на просвет.

Почему ты печальные очи свои закрываешь огромные,
отчего профиль царственный только я вижу в ответ.

Кто же, всё-таки, был, тот волшебник,

тобою безжалостно брошенный,

кто сулил тебе царство и девять волшебных карет,

что за тайну вложил в деревянные эти горошины,

в этот маленький простенький и некрасивый браслет?!

БЛОК

В воду чёрную белую ты уронила камю,
соскользнуло кольцо, лишь плеснула волна на краю.

Ты сказала себе: Я наверно теперь повзрослею,
и пустую ладонь запоздало сжимала свою.

Ты смотрела, как омут лесной стекленеет,

Ворон стискивал когти кривые, сдирая кору.

Ты сказала себе: Оправдаться ведь я не сумею,

вмиг в колодце волна умерла, и я тоже наверно умру.

ЦВЕТАЕВА

Мне нравится нескромная цитата.
"Мне нравится, что вы больны не мной".
Мне нравится, что вы своей игрой
всех женщин увлекаете куда-то.
Мне нравится паденье в облаках,
когда ритмичные любви читаю строки,
мне нравится, что кажется в руках
держу я птицу, подбирающую крохи.
Мне нравится, что ваш обман легко
за чистую монету принимая,
я улетаю очень далеко
и счастлива, и верю, и внимаю.
Мне нравится, что вы меня совсем
не знаете. Но это ведь не важно.
Мне нравится быть музой отважной,
и знать, что их у вас
штук семь.

ЗАБОЛОТСКИЙ

Был бой вчера, когда под вечер банду
загнали с боем в горное село.
А утром падал снег, как с неба ангел,
и все развалины красиво замело.

Мы сдуру сунулись, троих скосили сразу,
мы отступили и, замкнув кольцо,
поочередно подремав в полглаза,
к утру отдали батарею подлещов.

Пушкарь в ушанке щурился устало,
землёю небо продолжая обсыпать.
Мне кажется, я раньше знал немало,
но кто же знал, что можно так устать.

Комдив заполнил ведомости косо,
с небрежностью простого ремесла.
Прощай, браток, ты думал, это осень,
а оказалось, это жизнь прошла.

БАЛЬМОНТ

Я на вершину шёл во тьме.
Передо мною тень ступала,
шаги я складывал в уме,
сбивался, начинал сначала.
Вслепую брел сквозь черноту,
пустую мглу вскрывая взглядом,
но я искал в тропинках ту,
где будет свет, где путь из ада.
Я одинок был среди скал.
Лениво неподвижный демон
меня глазами провожал
сквозь тонкий запах хризантемы.
А я совсем не замечал!
Как горько пахнет эта осень,
ее цветы не для любви,
ее сезон не медоносен,
не превозносят соловьи
дождей простуженные песни,
засеребрившуюся грязь,
и луч, что канул в неизвестность,
в кленовых листьях растворясь.
Я шел на поводУ у тени,
за мною счастья свет бежал.
Да, это был мой шанс последний,
а я не знал... А я не знал.

МАНДЕЛЬШТАМ

Мне годы приносят и ладан, и шерсть,
и золота-смирны до смерти не счесть,
мне шесть было утром, а вечером пять,
мне незачем смертью рожденье карать,
мне было четыре и шестьдесят,
мне было два тигра и шесть поросят,
мне было вселенная семь покрывал.
Мне было смешно, я уже умирал.
Мне было три корня моих Игдрасиль,
мне было – все было. Я космос и пыль.
Когда меня не было, было светло,
когда мне родилось, былшем поросло.
Упруго былинки склоняются ниц,
трава поклоняется множеством лиц,
крамольные истины мокрых ресниц
верстают дороги веков-колесниц.
И вновь открывается небо Лица,
и вновь отрываются к Богу сердца.
И хвалит дыхание всякое Свет,
трава, у которой дыхания нет.

АННЕНСКИЙ

Болеет мартом хмурая погода,
в полурастаявшем сугробе на земле
зима в параличе лежит полгода
как прибранный покойник на столе.

Бредущий через мартовские иды
промокший капюшон прижав к брови
прохожий на канал внезапно выйдет
и поцелуй дождя получит без любви.

Какая мокрогубая насмешка:
весенний одевается венец
на чепчик старозимья многорешный.
Трагически безвременный конец.

ЖУКОВСКИЙ

Две девы в сочельник собрались гадать,
смеясь зеркала притащили в кровать,
зажгли две свечи, но в двенадцатый час,
погасли огни, и послышался глас:

– Не думай об этом, ты будешь моей.

И ужас обоих объял ворожей.

И с визгом бежала на кухню одна,
и гулко разбилась бутылка вина,
другая шептала в одном из углов:

– Тут красное что-то, тут, кажется, кровь.

Веселое лихо прошло Рождество,
на буднях не помнится нам ничего.

Но пути предвиденья – горестный дар,
сожжет обреченность судьбу как пожар.

То птица метнулась под берег крутой,
То тень зачеркнула закат золотой.

Так в рану воткнулась бы хищная сталь,
так в девичье сердце упала печаль.

И колокол церкви, и грохот волны,
и горлицы кротость не зная вины
лишь грусть навевают, все слышится ей:

Не плачь, моя дева, ты будешь моей.

– Неправда! Сговорен давно мне жених.

Нам солнце сияет одно на двоих.

– Солнце лишь гонит ночей череду.

Торопишься, дева. Но я подожду.

От времени хода ничто не спасет.

Ты будешь моею, будешь и все...

И вскоре жених погибает в бою.

И служат, и служат о нем литию.

А дева вся в черном и ликом черна,
тяжкому року похоже верна.

Однажды на море набросился шторм,
чайкою дева метнулась на холм.

– Ты должен ответить, скажи мне – ты кто?

А эхо в ответ хохотало: Ничто.

Тогда я останусь ничьей навсегда,

сомкнулась как губы над девой вода.

Есть в грохоте моря звук рваных цепей.

Прекрасная дева, ты стала моей.

СОСНОРА

Быль и небыль,
жить и нежить,
быть и небыть
Принц и Лебедь.
Остров, озеро, песок,
облака в клубок. Лубок.
Коромыслом небо свисло,
дева смотрит на восток.
Летом в книжке нету смысла,
ветер треплет завиток.
Не поверит дева числам.
По воде плывет листок.
Улетела Лебедь, ищет
на судьбину поводок.
Остров в небо вознесен,
век девичий обречен.
С речкой берег между сосен
нервным принцем обручен.
Жён и нежен.
Шит и крыт,
и слегка парнокопыт.
И волной об берег быта
песня лебеда разбита.
Принц нахрапистый забыт.
Под песком талант зарыт.
Не ищите тут мораль,
только слёзы и печаль.
Эка невидаль, видал
как вода белее вдаль?
Дом построю на песке,
стих на птичьем языке
пропою глухонемому.
На бумажном поводке
волка привяжу к хоромам.
Нашепчу, переколдую
снова лебедь молодую.
Плещет озеро подолом
обездоленным и голым,
солнце в воду не глядит.
Летом лебедь прилетит.

Вадим Смольяк

Теория вероятности

Пожилому Профессору, который всю жизнь занимался теорией вероятности, приснился сон. Встречает он Смерть и спрашивает: «Какой у меня номер очереди?»

Смерть отставляет в сторону косу, достает планшетный компьютер, смотрит и отвечает: «2 миллиарда 633 миллиона 451 тысяча 912-й!»

«Спасибо!» – радостно восклицает Профессор и просыпается в прекрасном настроении.

Идет на кухню, заваривает крепчайший кофе и закуривает категорически запрещенную врачом сигару. Включает телевизор, а там диктор новостей говорит, что прошедшей ночью все индусы и китайцы перестреляли друг друга.

«Пожалуйста...» – пожимает плечами Смерть.

Пупс

Там, где качается в море мазутная плёнка,
Мама-акула несёт акуленку куклёрка.
Гладкий и розовый, как целлюлоидный пупс,
Дрыгает ножкой куклёрка и делает «Упс!»

Ждёт её дома любимый сыночек зубастый.
Роет песочек, смеется, играет ластой,
Кружит, пытаясь догнать ушлывающий хвост,
И к суицидникам смело ныряет под мост.

Вот, наконец, показалась знакомая бухта,
Пальмы попарно сплетаются в цепях инцухта,
Льнет к ананасу на солнце другой ананас,
За папуасом крадется другой папуас.

Вряд ли найдёте на свете подобных идилий
От Антарктиды пингвиной и до Пикадилли,
Все в изобилии здесь: и еда и питьё,
И подрастает здоровым родное дитё.

Мама целует и дарит ребёнку игрушку...
А гарпунёр вероломный берёт их на мушку.
Не затуманится взор, не сорвется с курка
Крепче кубинского рома рука моряка.

Ветер гуляет, лаская собой побережье.
Но не бывает побережью таким же, как прежде -
Слезы акульки на нём, словно ниточки бус.
В пене прибоя лежит окровавленный пупс...

Пр-в: Я был на судне коком
И над акульим боком,
Той ночью на Карибах
Пришлось мне горевать.

Любовь, когда акулька -
Такая же. А х... ли!
Акула, хоть и рыба,
Но по натуре мать!

Червяк

Сомнения гложут червяка:
«Проходят годы и века,
Планета мчит вокруг оси,
А я, по-прежнему, в грязи
От мира скрыт густой травой -
Изгой цепочки пищевой!

Как крот безглаз, как рыба нем,
С клубком психических проблем,
Мертвецки бледен, худ и наг.
Да, будь я чуточку иначе,
С моим талантом и умом
Я воспарил бы над гумном!

Я здесь культурно не расту.
Бешусь от зависти к глисту.
Живет не в прелой он листве,
А пребывает в божестве -
Венце создания Творца!
И ест из этого венца.

Жилище пучит от гостей,
Всегда он в курсе новостей
И путешествует везде
Верхом на собственной еде.
Не тварь дрожащая - гельминт!
Червей элита из элит!

А стоит мне покинуть мрак,
Сейчас же бдительный рыбак
Одним движеньем ловких рук
Вонзает в бок железный крюк
И топиг, будто бы Муму.
Зачем? За что? Я не пойму...»

Его печальный монолог
Прервал тяжелый топот ног
И заступ вскрыл земную твердь -
К червю в подвал спустилась Смерть.
И все пространство вширь и вглубь
Закрыв собой холодный труп.

Набравшись смелости и сил
Червяк кусочек откусил.
Потом еще... Затем другой...
«Да разве я теперь изгой?
Передо мной Верховный сам!
Пойду, похвастаюсь глистам...»

Снилось мне

Падало солнце в пену еловых лап,
Тени тянулись и доедали день.
Снилось мне, будто я становлюсь крылат
И улетаю в сторону от людей.

Серой совой во сне я спую в лесу
В шелесте листьев вместо шуршанья шин.
Поиски истин счастья не принесут,
Поиски счастья – дело не для мужчин.

Снился под утро вереска резкий треск,
Стрекот цикад свинцовых и свист силков.
Стоном наполнен сонный пугливый лес,
Кровью окрашен сладостный мой альков.

Алчные люди не выпускают птиц,
Вьючат добычу тучную по бокам.
Крыльев не в силах птицам они простить
И безобразной близости к облакам.

Солнце восстало снова в раю лесном,
Не согревая неба стальную синь.
Снилось мне, будто жизнь оказалась сном,
Но просыпаться не оставалось сил.

Отдых для мужчин

Длинные телефонные гудки. Щелчок соединения. Завораживающий женский голос в режиме автоответчика:

– Внимание! Вы позвонили в повсеместный круглосуточный сервис «Отдых для мужчин». У нас исполняются самые сокровенные желания. Мы рождены, чтобы нашу сказку сделать вашей былью, поэтому оставайтесь на линии.

Для наиболее качественного удовлетворения потребностей пройдите небольшую процедуру регистрации.

Переведите телефон в тональный режим.

Шаг № 1. – Если вы мужчина, нажмите «1», если женщина – нажмите «2» и перейдите в отдел вакансий;

Шаг № 2. – Если вы располагаете суммой для отдыха в размере:

- от 100 до 1000 долларов – нажмите «1»,
- от 1000 до 10000 долларов – нажмите «2»,
- от 10000 до 100000 долларов – нажмите «02» и перейдите в режим ожидания,
- если вы не располагаете суммой для отдыха, повторите соединение, в Шаге № 1 нажмите «2» и перейдите в отдел вакансий;

Шаг № 3. – Если вам от 18 до 30 – постарайтесь, не проткнув телефон, нажать «1»,

- от 30 до 60 – убедитесь в отсутствии рядом жены и нажмите «2»,
- от 60 и выше – сделайте десять приседаний и сосчитайте пульс.

Если ваш пульс до 100 ударов в минуту – нажмите «3», если больше 100 – нажмите «03» и примите горизонтальное положение. Ваш отдых уже начался.

Внимание! Если вам нет 18! Нажмите «3,1415926535...» и марш делать математику!

Если вы затрудняетесь в определении собственного возраста – повторите соединение, в Шаге № 1 нажмите «2» и перейдите в отдел вакансий.

Шаг № 4. – Если вы рабочий – нажмите «1»,
– крестьянин – нажмите «2»,
– служащий – нажмите «3»,
– военнослужащий – нажмите «*»,
– служащий в полиции – нажмите «*#», затем пройдите процедуру повторно и выясните, где находятся нажавшие «02» в Шаге № 2.

Шаг № 5. Если вы петербуржец, отправьте на наш номер короткое СМС: «Поробррик»
– если вы приехали из Москвы, отправьте на наш номер короткое СМС: «Бордюр»
– если вы понаехали, отправьте на наш номер короткое СМС: «Э!», затем
повторите соединение, в Шаге № 1 нажмите «2» и перейдите в отдел вакансий.

Мы будем благодарны, если, отдохнув, вы оставите отзыв о работе нашего сервиса.

Пройдите процедуру повторно и, если вы считаете, что выполненные услуги:

- «непревзойденны» – нажмите «1»
- «незабываемы» – нажмите «2»
- «неизлечимы» – нажмите «3»
- «никогда не встречал ничего более отвратительного!» – повторите соединение, в Шаге № 1 нажмите «2», перейдите в отдел вакансий и покажите, как надо.

Желаем приятного отдыха!

Убить лису

Подстрелил лису. Случайно? Не знаю... Ни разу в жизни на охоту не ходил. Ну, в осмысленной, имеется в виду. Но в красивом северном городе, в сумраке и в ночи, метались тени, просто тени, и тени людей, и разных и странных, отчетливых, зыбких. Они блестяще вели себя, но чуялось, что зреет неизбежный исход. И придется расставаться с городом и парками, домами и рекой. Почему? Я не знал...

Вряд ли кто-то должен был прийти, но людям почему-то приходилось уходить. Они по-разному собирались, разное говорили, но где вы видели людей, ведущих себя одинаково? Совсем. Город стоял спокойно, встречал рассвет, и зажигал фонари, парил в ночи, не касаясь земли, и грелся, слегка шевелясь, под лучами короткого полудня...

А мужчины, женщины, дети, собаки, собирались в отпуск и поход. В командировки и к бабушкам в деревню. Покорять далекий океан и фермы железнодорожного моста в тридцати километрах выше по течению. Коты ушли сами. У них дела, о которых не знает никто.

Заглядывая в окна учреждений и через плечи людей, я видел, что готовились основательно, в путь звали бесчисленные карты. Очень хорошие топографические карты, в большинстве своем поднятые уже, с длинными легендами. Если над такой картой наклониться, то она увеличивала масштаб, сама разворачивала панорамы и горы, вела маршрутами, и скользила по ниткам дорог...

Но, кроме дорог и мостов, на них не было следов человека. Рельеф был знаком, озера и реки сплетались в привычный узор. На выбор мне видно любой знакомый бочок планеты, но не было имен городов, хуторов, мысов и гор. И точек привычных, черных и алых, и расчерченных улицами мегаполисов, похожих

на микроскопическую кирпичную кладку под криво надорванными обоями. Так бывает в самом начале ремонта.

А люди тащили, надрываясь, ладьи через пороги бурного ручья, выводя их из озера с черной водой в прозрачную полноводную реку. Но что-то все время мешало, далекий гул тревожного налета, и вырастающие из дна сваи, валящиеся со скал валуны, и убийственный ветер в лицо при ясной погоде. Нет, никого не убило, и не падали с неба бомбы. Но могли...

И бросали мебель и скарб, машины и статуи, и шли, шли, сгибаясь лишь под тем, что можно унести на себе. Но таких было мало, чаще всего – налегке, иногда держа за руки детей. В природе не было препятствий, потоки людей переходили в уровень реки и ручьи, умудрялись, не замедляя хода, переваливать горы, по пикам, минуя перевалы, шли без гатей и шестов по болотам, и даже не продирались сквозь лес, а просто шли, как по парку Крестовского острова прогулочным утром...

Наверное, город был болен. Болен тяжело и неизлечимо. Он боролся отчаянно и смело, но все же прозрел и понял, что пора умирать. И как добрый и сильный больной, он послал дочь за соками, внука за корвалолом, друзей за вином, точно рассчитав, что за время, пока они ходят, он успеет. Он знал свой час. Пусть дети не видят этот момент, это только для одного. Он знал, что это они втащили его на это ложе, и не оставили ему другого выхода, но, что сделано, то сделано, зачем казнить их раскаянием? А других городов больше не будет, он знал...

Пусть идут с миром...

Мы шли по карельскому лесу, как много, много раз я ходил за грибами, я знал, что еда не нужна, но слышал капризы и страхи, то сзади, то сбоку, а то и присевшие на привал, тревожно судачили о скором обеде, почему-то ставшим ненужным. И пискнул ребенок, «Кушать хочу», я машинально вскинул винтовку, и с трехметрового валуна кубарем покатила лиса. Пошел к ней, поднял за шиворот, и удивленно смотрел, ведь лис не едят. И даже капризного ребенка ею не накормить. Зачем? Неясно...

Валун в крови, кровь на листьях брусники, даже три капли видны на рыжей шляпке крепенького подосиновика.

ка. Что с этой лисой делать? Она дышит часто-часто и хрипит, я не умею бросать раненых на земле. Я закинул ее за спину и прижал раной к своей лопатке, конфигурация тела в этом месте была подходящей. Лиса прижалась и задыхалась ровнее. Пошли?

А винтовка пусть лежит и вращается в мох, она тяжела, и пользы от нее...

Холм за холмом, леса и болота, широченная река, я знаю, что северная, но почему-то спокойная, как будто не громоздятся на дне скальные зубы ледниковых валунов. На том берегу решетчатый сарай в три человеческих роста. Почти сеновал, но не он, не он, я почему-то это знаю. Мне надо туда, но я не хочу. И лиса боится. И на воду не ступал, и дна не касался, так и перешел, по колено. Дед с берданкой у входа, шлагбаум, широкая воротина, открыта на пол створки, внутри не мертво, и даже какой-то процесс.

Развешаны шкуры, распялки, скребки, скорняжная. Начальница цеха мне объясняет, как выдубить шкуру, сколько она может стоять, где лучше выставить на торг. Одна беда, они заняты, времени и людей нет, все придется самому, протягивает мне нож. Машинально беру, златоустовский «Коршун», толстоват для такого, да и фут длины – лишнее. Зачем он мне? Лису потрошить? Выскаблывать шкуру, нарезать веток, сделать распялку. Лиса молчит. Времени у них, видите ли, нет. Его вообще нет. И заняты вы, ребята, ничем.

Я выхожу наружу без ножа.

Лиса смотрит мне в затылок влажными карими бусинками, она не благодарна, ей просто повезло, вот и все. И чуть сильнее прижимается раной к лопатке. Когда рана заживет, я ее спущу на землю, и пойду належке. Она пойдет по своим делам. И я, и она пойдем спокойно, винтовка и нож остались во мху позади...

А впереди лес...

Алиция Голова

Вода, в которой я проснусь однажды

Вода бесшумным, ровным потоком заполняла этот город постепенно. Я смотрел на этот процесс, как нечто свершившееся еще очень давно на листках моего подсознания, увы, только моего. Из окна везшего меня троллейбуса вода в открытой панораме города казалась не столь опасной для дальнейших действий земного уклада. И поэтому сам процесс меня умирнял и делал умиротворенным созерцателем, на удивление с каждым легким плеском воды выше и выше над уровнем домов спокойнее. Все происходило словно в процессе замедленной съемки. Тишина лилась по городу, словно из вакуумной пустоты. Привычная суета сменялась страшным сном, не позволявшим совершать резких порывистых движений, в который внезапно попадал каждый житель этой сумасшедшей планеты.

А кто знает, что у других? И кто они другие?

И может, это в мой сон попали эти люди, и эпоха совсем уже не та...

Но ведь именно сейчас, в 21 веке на глазах у меня мир тонул. И стереотипы постоянства жизни ломались этим потоком воды, затапливавшим город. Привычной и родной в своей дикой суете. Медленное движение уже, словно не так спешащих куда-то людей.

Стоп.

Машины ревели. Светофоры порывисто меняли красный на зеленый. Место желтому было так мало в этой пене гремящих дней. Очень мало. Чтобы просто подумать, а зачем? Мимо пролетали городские жители. Этот город жил в твердой убежденности, что так будет всегда. Что деньги – решение всех насущных проблем. Доллары словно в глубоком зазеркалье, невидимых закоулках души отражались в глазах каждого встречного. Привычный уклад был решением проблемы смысла бытия. И даже любовь стала отражением удачности долларového эквивалента. Мне было

тупо и тяжело принимать такую реальность. И я жил все эти годы этой цветной эпохи 21-го отстраненно, в режиме наблюдения. Как будто поисках вечного и прекрасного. Но кто покажет мне дорогу к этому, если у всех слишком схожие проблемы, далекие от совершенства бытия в рамках земного уклада. И цветная эпоха современности была слишком понятной для такого несостоявшегося романтика как я. Какими бы красками любви и нелюбви не пыталась она меня увлечь. Ее итоги были слишком несовершенны.

Я шел по городу, сжимая под мышкой папку с заметками. Мой издатель как всегда не принял мою работу. Сама идея казалась ему глупой. Да что там идея. Он не видел смысл произведения, а точнее того, что весь мир как аквариум, в котором крошки еды падают уж очень хаотично и беспорядочно. Да что там кормушка, когда сами рыбы, смены эпох, непонимание вечности... И теперь мне было очень обидно, что фильм не снимут. Если бы приняли этот сценарий, я бы успел показать людям все то, что предотвратило бы это скорое затопление. Но разве людям объяснишь что-то, когда у них все слишком просто и без меня. И этой горемычной, по словам издателя, воды, в которой я, быть может, и проснусь однажды...

Я стоял на распутье. Пока, наконец, не загорелся желтый цвет. И эта пауза позволила в меня поверить одному молодому перспективному такому же неудачнику-режиссеру, как и я. Как мало времени нужно для того, чтобы тебя приняли. И как много нужно потратить сил на то, чтобы было, за что тебя принять. Да, вчера перед встречей с режиссером мои нервы были на пределе. А после я шел по городу, который любил всегда, и плакал как ребенок от внезапно полученной родительской ласки, заслуженной так непривычно просто. Я не помню мыслей. Но мне казалось, что если вода внезапно хлынет именно сейчас, я успел сделать все, что мог. И может, сейчас мне бы и пора исчезнуть из этой эпохи уже навсегда. Но время оказалось не таким безжалостным...

Идея как эстафетная палочка передается встречному. И когда акт свершен прошлый владелец мысли может быть

свободен. В это мне хотелось верить. Очень. Потому что знать нечто большее, чем другие, и жить в прекрасном городе, полном людей, которые не ценили и толки из того, что видели каждый день. Могли видеть. Но упрямо не подмечали. Наблюдателю гораздо тяжелее. Это со стороны кажется, что он эгоист. Только со стороны...

Съемки этого фильма проходили еще вчера в моем подсознании сегодня-завтра. Еще вчера я помнил о тех черно-белых тонах, в которых люди проще понимали, что плохо и что хорошо. Да и зачем усложнять реальность. Этот фильм был прекрасен. Люди меня стали узнавать. Они действительно поверили в прекрасное. И целая эпоха восхитительной веры в вечное и совершенное заволочла меня в новое бытие... Но пробыл я там, на удивление, не долго.

Время теряет вкус к прошлому. И новое начинает цениться людьми особо.

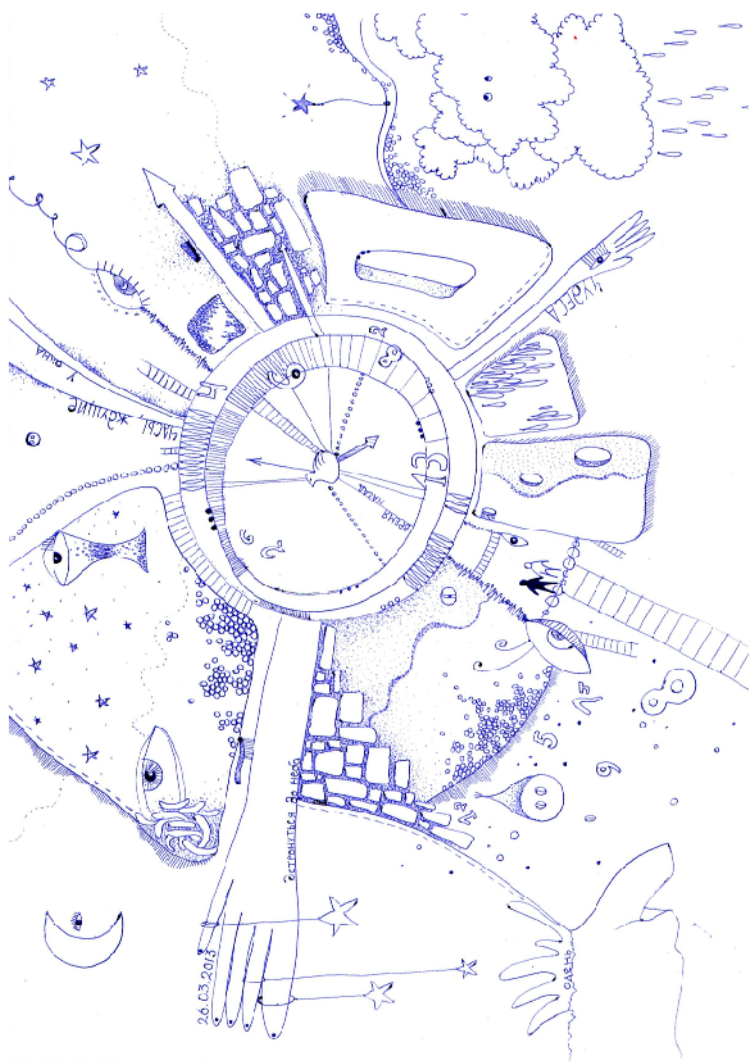
Как только появились цвета, они запутались в оттенках. И теперь этот фильм уже не покажут новым из 21-го. Только потому, что меня посчитали в этой эпохе глупым и неприспособленным. Что все эти выдумки о воде – фарс. Что не могут быть эпохи в эпохах. Вот ты – вот твоя реальность. Хочешь, живи – хочешь не живи. А фильм слишком сложный, хоть и черно-белый.

И теперь сценарист печально смотрел в окно. Пока город не начало топить. Топить водой из того самого черно-белого фильма из уже новой эпохи совсем другого поколения...

А в волнующей пучине воды проплывали рыбы, не спешно шевеля плавниками... Они совершали эпизодические круги по декорированному в цветные вершины небоскребов аквариуму, а затем также не спешно перемещались в черно-белые декорации парижских улочек. И все казалось таким понятным в этом городе, полном воды... В который чья-то рука периодически засыпала корм, меняла украшения, добавляла все согласно своим предпочтениям. И только рыбы думали, что они совершают прогресс в этой потрясающей эпохе нового поколения.

«Мусоръ вода» (графіка, 2013) Кристина Калменко

«Вера, Надежда и Любовь» (Фарфаска, 20.1.13) Кристина Котенко

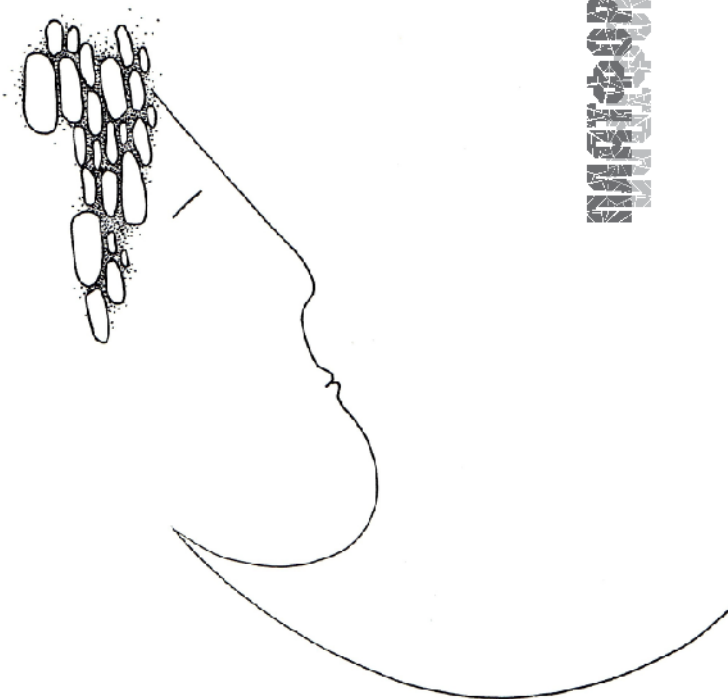

«Кавказ ты не отпускай» (фрагмент, 20.03.13) Кристина Костенко

Кристина Костенко

Созерцание

(графика, год неизвестен)

КРИСТИНА КОСТЕНКО

Кристина Костенко

Голубиные войска

Ей снился сон. Огромная площадь в каком-то знакомом городе, где совсем нет людей. Небо, затянутое тучами. Какая-то давящая и не комфортная атмосфера вокруг. Очень много птиц вокруг.

Афина стоит в самом центре этой площади. Сотни птиц хаотично движутся вокруг нее. Это голуби. Они словно находятся в своем строе. Будто невидимый маятник управляет их подсознанием. Они приближаются все ближе и ближе. Все такие разные. Смотрят ей будто в самое нутро.

Голубиный ритм на сером асфальте – такое графичное, захватывающее зрелище. Чем-то притягательно и непредсказуемо, а потому так пугающе. Мало ли что у них в головах? Может они сошли с ума и готовы напасть на нее в любую минуту? Вдруг эти голуби – отважные воины, которые борются за независимость. Они все красивы как на подбор, отважны и непоколебимы. Они устали от рамок. Им нечего терять. Потом фрагмент сна сменился другими картинками...

Дежавю

Вмоей голове возникают смутные воспоминания. Я, ступая очень медленно, ощупываю их все сильнее и крепче...

Помнишь тот день? Белый снег и синее море. Да, ты еще сказал, что сегодняшней день – дежавю. Мы, взявшись за руки, шли по пустынной аллее. Ты дурачился и высывал язык, на который хрупко падали снежинки. Я мягко жмурилась и смеялась, а ты с апетитом их поедал, рассказывая какого вкуса та или другая снежинка...

Я так тебя любила той зимой. Помню твой голубой шарф и серое пальто. Я всегда тонула в твоих глазах, то ли голубых, то ли зеленых. Мы чувствовали себя детьми – дурачились и бегали, разгоняя стаи голубей. Ты шептал мне нежности – то на правое ухо, то на левое, а я медленно шла за тобой и сочиняла рассказы про прохожих.

Мне так не хватает тебя. Сегодня другой день, тоже зимний, но все так сильно изменилось. Теперь каждый мой

день – дежавю. Иногда я брожу по той аллее. Теперь там все иначе, только одно дерево осталось. Оно как потерявшийся пазл от мозаики моей памяти. Я его берегу в воспоминаниях и снах, также как цвет твоих глаз – то ли зеленых, то ли голубых.

Сон

Афина хотела изо всех сил забыть его, потому как мысли о нем ее погружали в глубокую и бездонную пучину. Она стала терять вкус жизни и ее отражение в зеркале с каждым днем все больше размывалось. Девушка в одно мгновение отчетливо почувствовала, что исчезает из текущей реальности и ее затягивает нечто темное, не вполне осязаемое. «С этим надо покончить» – подумала она и поставила точку. Железную точку. Вечером, ложась спать, Афина запланировала попасть в ту часть своих снов, где застряло ее подсознание. Она легла раньше, чем обычно и почти мгновенно провалилась в свои сновидения. Картинка оставалась прежней: все тот же бесконечно длинный коридор, множество дверей по обоим сторонам. Только теперь она видела себя со стороны и не вполне узнавала. Она шла нагая, медленно и очень плавно. Ее фигура была очень хорошо сложена – особое внимание Афина обратила на свои же бедра во сне. Они были плавно покатые и женственные. Волосы у девушки были светлые и немного волнистые, как раз такие, о каких Афина всегда мечтала.

Девушка неспешно шла по коридору и смотрела только перед собой, совсем не обращая внимания на двери. Так продолжалось какое-то время, пока она не услышала легкий скрип. Это слегка отворилась одна из дверей. Она была стерильно белого цвета и от нее веяло холодом. Девушка, шедшая по коридору, резко остановилось и подошла ближе к этой приоткрытой двери.

Она вошла. Там было много мужчин. Казалось, в комнате негде было яблоку упасть. Эти мужчины были такие разные: красавцы и самые обычные, успешные и простые работяги, одетые в смокинг и истоптанных ботинках. Блондинка с длинными волнистыми волосами остановилась в дверях и и секунду-другую стояла, тщательно разглядывая каждого. Потом она увидела висящий на крючке

возле двери красный халат и неспешно, медленными движениями, смотря в глаза незнакомцам, накинула его. Удивительно, но все они как один смотрели ей лишь в глаза... Она улыбнулась про себя и неспешно прошла в глубину комнаты. Несмотря на большое количество людей в стесненном пространстве, там царил абсолютная тишина, от этого в ушах начинало звенеть. Девушка хотела было протиснуться сквозь толпу, но многие сами начали расступаться, словно образуя два лагеря. На самом деле деления никакого не было, люди были совершенно разные, что в одной стороне, что в другой. Дойдя до середины комнаты девушка оглянулась и увидела, что изначально расступившиеся мужчины снова сомкнулись. Она оказалась в центре. Теперь они с жадностью рассматривали ее. Не было произнесено ни одного слова, но их взгляды были как многозначительны и красноречивы. Один просил от нее незатейливой материнской заботы. Другой просто жаждал вкуса плотских наслаждений. Потом сон оборвался...

В плену иллюзий

Воздухе робко пахло весной. Афина закрыла глаза и оказалась в своем самом ярком за последнее время сюрреалистическом сне. Уютная комната, которая была ни маленькой, ни большой. Она начиналась где-то на южной стороне земли и едва кончалась на северной. Комната была без окон и дверей, словно бесконечное пространство, куда попадают их своих снов и исчезают там навсегда. Там жила маленькая принцесса. Она была столь эгоцентрична, насколько это может позволить себе человек. Принцесса коллекционировала шторы и развешивала их по всей комнате. Каждая из четырех сторон помещения была увешана метрами ткани, которые спускались с самого потолка и осторожно касались пола. Каждое полотно было уникально. На них были написаны истории разных стран, секреты людей и самые смелые мечты. За много лет своего проживания на земле, принцесса скопила очень много слоев ткани. Она отмечала на них важные события своей жизни, рисовала, вышивала портреты когда-то любимых мужчин. В общем, делала все возможное, что может взбрести в голову такой особе. Полотна были повешены одно за другим –

каждая сторона комнаты была увешена десятками, сотнями, а может и тысячами метров этой уникальной ткани. Эта крохотная принцесса жаждала того дня, когда вся комната заполнится тканью, стены скруглятся и не останется ни единого места для ее пребывания там. Тогда волны этих тканей ее подхватят и поднимут к самому потолку, на котором есть засекреченная потайная дверь...

Идущая ввысь

Ее хрупкая рука коснулась поверхности воды и отражение размылось. Видение было таким туманным и призрачным, что казалось это был сон. Афина пошла дальше, ей нужно было найти дорогу. Осторожно ступая по прохладной воде, она почувствовала, как в воздухе застыла немая недосказанность. Вдалеке виднелся обрыв, с которого начинались ступени. Они будто росли из земли и уходили в высь неба. «Неужели это мираж? Похожую картину я видела во сне» – пронеслось у нее в голове.

Она подходила все ближе и ее сердцебиение учащалось с невероятной силой. И вот перед глазами оказалось то, что она так долго искала. То, что должно было привести к тому, что она так упорно ждала и видела во снах.

Девушка сделала вдох и сделала шаг на ступень... К удивлению, страх немедленно улетучился, и она почувствовала освобождение – будто весь груз событий остался позади. Афина ступала медленно и очень осторожно, чувствуя неземную легкость. С каждым шагом появлялось все больше уверенности и ее внутренней силы. Так хотелось посмотреть вниз, но она не решалась.

И вот, осталась последняя ступень, за которой таинственность, такая манящая. Девушка остановилась, и, делая глубокий вдох, посмотрела вниз. Ее зрачки резко расширились. Афина вздрогнула от подувшего снизу пронизывающего ветра. Под ней было нечто темное и неподвижное, будто это был Вселенский покой. Она задумалась... Наверное, когда люди успокаиваются и теряют интерес ко всему, они медленно погружаются в эту неподвижную пучину, из которой нет выхода.

Внизу что-то промелькнуло и она разглядела темную бескрайнюю воду, в которой были лишь отражения. Раз-

ные лица... фрагменты событий, которые бесконечно повторялись... попытки людей оттуда выбраться... бесконечность человеческих судеб... Все это погружало в размышления и обдавало ледяным холодом. Эти люди были апатичны, бездеятельны и глубоко печальны, словно в их глазах застыла вселенская тоска. Они уже не жили, а просто плыли по течению. Река несла их вдаль.

Афине стало не по себе, она отвернулась и сделала последний шаг ввысь. Перед глазами появилась старинная дверь с выгравированными символами на древнем языке. Она слегка толкнула дверь и та немедленно отворилась.

Ее накрыл поток небесно-голубого света. Девушка оказалась будто в его центре. Свет был живым и менял свои оттенки. Чувствовалась необыкновенно согревающая атмосфера, будто вокруг была разлита гармония и любовь.

Свет постепенно рассеивался и перед глазами возник длинный, казавшийся бесконечным коридор. По обоим концам которого были лишь двери. Все как одна, но в каждой был сокрыт свой секрет. Она ступала неспешно и осторожно, стараясь все как можно лучше разглядеть. На каждой двери была своя надпись на том же языке, что и на входной двери...

Яна Иванова Максим Легостаев

Добрый вечер!

Меня зовут Яна Иванова, я студентка университета Кино и Телевидения в Санкт-Петербурге.

А мой друг Максим Легостаев учится в университете экономики, статистики и информатики в Москве.

Вместе мы придумали литературный экспериментальный проект.

Суть такова: мы выбираем случайное слово (имя существительное), а затем каждый из нас, независимо друг от друга, пишет на тему этого слова небольшой рассказ.

Это может быть история реальная или вымышленная, с полноценной драматургией или же некое абстрактное рассуждение.

В конечном счете мы получаем два текста, два восприятия одного и того же явления – с точки зрения мужчины и с точки зрения женщины.

Словом, отправляю Вам то, что написано на данный момент, и рассчитываю, что Вас это заинтересует.

ПРИВЫЧКА

С6 до 18 лет у меня был кот по имени Тимка. Мама принесла мне его в коробке из-под обуви, и я тут же стала звонить и хвастаться двум своим на тот момент единственным друзьям – Карине Макаровой и Андрюше Лебедеву. Андрюша тогда умел виртуозно доставать языком до носа, а Карина на сегодняшний день переспала с большим количеством парней, чем прочитала книг.

У Тимки была забавная привычка: понюхав что-нибудь (будь то ароматный корм, мертвая мышь или стиральный порошок), он всегда облизывался. Когда ко мне приходили одноклассники из детского сада № 8, мы с Тимкой устраивали цирковые представления. Я подносила к его носу палец со словами «Понюхай!» (он нюхал), а потом говорила «Теперь облиз-

нись!» (и он послушно облизывался). Наше маленькое шоу приводило всех в восторг.

В моей жизни случались разные плохие вещи, но сильнее, чем в день, когда Тимка умер, я не плакала никогда. Это было в самом начале первого курса, я пришла на учебу как в невесомости (оставаться дома было невыносимо), и время от времени начинала снова плакать. Ребята в университете из вежливости спросили, что стряслось, но поддерживать меня никто не стал. Да это и понятно: людям, будь они близкие или далекие, по большому счету плевать на твои беды. Поэтому я почти никогда ни с кем не делюсь чем-то плохим.

Сейчас у нас дома живет другой кот – Кубрик. Он веселый и пушистый. Но он никогда не облизывается, понюхав мою руку.

ПРИВЫЧКА

Привычки у одного моего знакомого было две: много думать и постоянно оставаться в дураках. Первая привычка усугубляла последствия второй. В перерывах между самобичеванием он курил дурь, после чего чувствовал себя, по его словам, героем комикса. Но у этого героя вместо красного плаща постоянно были такого же цвета прожилки в глазных яблоках и туман в голове. Как-то раз, за рулем, старый приятель сбил человека. Больше он не герой. В детстве у меня была привычка грызть ногти на ногах. Сейчас это маленькое хобби. Пока никто не видит, конечно.

...мало думать и влипать в дурацкие ситуации. В перерывах между страданием по противоположному полу ...

ЗАГОВОР

Жил один человек, которому всюду мерещились заговоры. За утренним кофе он рассуждал о повышении цен на сухое молоко и считал это заговором молочных компаний. Недавно рожденного сына он воспринимал как результат заговора жены и ее матери. Неожиданную смену погоды списывал на заговор инопланетных разумов. Упразднение поезда Новороссийск-Кемерово (хотя наш герой не жил ни в одном из этих городов) было для него ничем иным, как заговором руководства РЖД. Отмену перехода на зимнее время он тоже считал заговором, но не знал,

чьим именно. Вскоре его сдали в психиатрическую лечебницу, где он был до смерти залечен от шизофрении.

В тот год молочная компания «Буренка» стала добавлять в сухое молоко 2% кокаина, жена нашего героя проделала дырочки иголкой в презервативе фирмы «Durex», гости с планеты Грязной Посуды и Понедельников посчитали, что приземление будет мягче, если песчаные бури организуют барханы там, где их обычно быть не должно. Генеральный директор РЖД получил взятку от авиакомпании «Россия» и аннулировал железнодорожное сообщение между Кемерово и Новороссийском.

А вот в отмене перехода на зимнее время, похоже, действительно нет никакого заговора. Все-таки у того человека и правда была шизофрения.

ЗАГОВОР

Часто приходится выбирать между спонтанностью и планированием. На факультете менеджмента учат, что планирование – это одна из основных функций менеджмента. Это я хорошо усвоил. Я бы мог быть неплохим заговорщиком. На моем счету несколько вечеринок-сюрпризов, которые все прошли на «ура!». И нет, все обошлось без прятков в темной комнате с последующим появлением с криками «СЮРПРИИИИЗ!», без стриптизерш, выпрыгивающих из торта и без прочих клише. Больше заговоров я не люблю банальность. Лучше уж я буду ассоциировать заговоры с такими вечеринками-сюрпризами, чем с покушениями на убийства и с организацией разных преступлений политического характера. Позитивная психология, черт возьми!

ПОРЯДОК

Алевтина Альбертовна славилась человеком педантичным. Тапки всегда стояли параллельно, кот был идеально вычесан. Она не могла не выключить свет или не закрыть дверь в ванную. Даже на кровати во время послеполуденного отдыха она лежала таким образом, что покрывало не мялось. Свое имя-отчество Алевтина Альбертовна писала так, что одну «А» было не отличить от другой.

Алевтина Альбертовна со студенчества работала в библиотеке имени Маяковского – заведовала картотеккой.

Картотека – это такие ящички, где в алфавитном порядке лежат картонки с обозначением книг и полок, на которых их можно найти. Стоит ли удивляться, что у Алевтины Альбертовны там всегда был порядок?

Однажды в открытое окно библиотеки ворвалась старость Алевтины Альбертовны. Старость не стала заниматься ни морщинами А. А., ни ее межпозвонковой грыжей. Вместо этого старость направилась прямо в картотеку, где за секунды все перемешала. Теперь рядом с Эпикуром расположился Фредерик Бегбедер, набоковская «Полита» легла в раздел «Не отчистишься от грязи, если прочтешь», а книга «Десять рублей одной бумажкой» и вовсе исчезла.

В создавшемся хаосе Алевтина Альбертовна с трудом отыскала справочник по элементарной математике и открыла главу о перпендикулярах. Затем взяла нож для резки бумаги и нарисовала на своем запястье линию под углом 90 градусов по отношению к вене. Друзья мои, более прямого угла человечество еще не видело!

ПОРЯДОК

Взяв в руки стакан самой вредной газировки, что смог найти, я начал выкладывать из макарон подобие Моны Лизы. Получилось скорее нечто похожее на морской пейзаж Айвазовского. Еда было совсем холодная, поэтому кроме как для художественных изысканий она не была пригодна. Холодная еда, которая задумывалась как горячая – это не порядок. Единственным спасением в этой ситуации была таблица Менделеева, собранная в стакане с газировкой. Вот тут полный порядок. А на прошлой неделе шестнадцатилетняя дочка моей помешанной на религии соседки залетела.

БУРЯ

Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя, – написал Пушкин. У меня с юных лет проблема с этой фразой. Если не отрпетировать, буду запинаться: слишком много согласных букв рядом. Кажется, такой прием называется анафора.

В университете у меня был предмет сценическая речь. На первом занятии, чтобы выявить наши речевые проблемы, преподавательница пустила по кругу томик со стиха-

ми и сказала по очереди читать их вслух. Мне досталась любимая «Буря...», и вся первая строчка была тут же мною съедена как манная каша. «Выньте член изо рта и попробуйте еще раз», – сказала мне преподавательница. В этот самый момент я поняла, что школа осталась где-то позади, о ней впредь нужно говорить, используя прошедшее время, а теперь мне уже 18 и учусь я в серьезном учебном заведении, где со мной отныне все будут на «вы».

Кстати, о манной каше. Моя сестра Ася в детстве обманула меня, сказав, что в манную кашу нужно обязательно крошить сыр. Я делаю так до сих пор, это действительно очень вкусно!

БУРЯ

Если каждый человек на планете возьмет соломинку и взмахнет ей, начнется ли ураган? А если они встанут вплотную друг к другу? Если я буду идти по тротуарной плитке и не наступлю на стыки между ними, мне удастся списать на математике? Сегодня Burger King или KFC? Брюнетки или блондинки? Бросить курить завтра или на следующей неделе? Погорячился ли я, когда нагрубил тому человеку, который вечно не смотрит под ноги? Мешает ли вся эта буря мыслей в голове двигаться к моей главной цели – быть счастливым? Или помогает?

ГЛУБИНА

На уроке немецкой литературы и словесности Иммануил Кант написал в сочинении: «Живи по совести». Его учитель, Ганц Шнайдер, прочел это и сказал «Иммануил, слишком очевидно. Вам не хватает глубины». Запомнив слова учителя, Кант в своей «Критике чистого разума» эту же мысль выразил следующим образом: «Поступай так, чтобы максима твоей воли в любой момент времени могла стать принципом всеобщего законодательства».

Я изобрету машину времени и застрелю Ганца Шнайдера.

ГЛУБИНА

Одна моя знакомая училась в школе имени Жака-Ива Кусто. Ее хрустально-голубые глаза и томный взгляд заставлял почувствовать себя в середине огромного аквариума бесконечность на бесконечность квадратных метров,

где шумы сливаются и рассеиваются, а ты не можешь сойти с места, как если бы на тебя оказывала давление реальная толща воды или ты висел бы в густом киселе, как мудака.

Сама она была нетороплива, словно кит, купающийся в небесном океане. Это удивительно сочеталось с ее изысканностью, как у Эйфелевой башни, если смотреть на нее с Елисейских полей. Она была всегда и везде желанна и незаменима, как ром на пиратском корабле. Ее появление вызывало у меня прилив теплой энергии внизу живота. Каждое ее слово было подобно письму в бутылке, которое выбросил океан на берег необитаемого острова. Такое же редкое и ценное.

АДРЕС

Я укажу на банкноте достоинством 100 рублей свой адрес электронной почты и рядом фразу – «Напишите мне». А потом пушу банкноту в мир. Сначала будут появляться сообщения от людей из Петербурга, потом из Ленобласти. А потом, может, из Воркуты или Петропавловска-Камчатского. И я составлю путь движения моих 100 рублей. А у людей, которые мне будут писать, я буду спрашивать имена и как у них дела.

Я вот люблю карту России. Иногда я часами ее рассматриваю.

АДРЕС

Мой адрес не дом и не улица, мой адрес – домик на дереве, который находился на заднем дворе загородного дома моей бабушки. Конструкция была посредственная и состояла из легких досок и деревянных брусьев. Брусья использовались как каркас. Каркас – это основа любой постройки, особенно если у нее нет фундамента, как в данном случае. Я с детства любил конструктор, поэтому усвоил эти простейшие архитектурные законы. Вход в домик производился через отверстие в полу с дверцей, похожей на погребный люк. Помимо четырех стен там было еще одно окно с вполне реалистичными ставнями. В основном, они нужны были, чтобы во время дождя или сильного ветра чувствовать уют и защищенность. Для того, чтобы подняться наверх, была изобретена лестница в виде

одиноких деревяшек, прибитых к мускулистому стволу дерева. Свою лабораторию по захвату мира я украсил плакатами из «Возвращения Джедая» и постеров с изображением строительного и ремонтного оборудования: дрелей, бензопил, перфораторов и т. д. Рядом со стеной находился самодельный стол, выполненный в том же стиле, что и само логово. На полу лежал теплый спальный мешок буро-оранжевых тонов.

Около моего двора постоянно ошивалась одна псина. По характеру и собачьему интеллектуальному развитию она была похожа на Лесси. Но звали ее Бруклин. Для всех детей в округе она была как родная. Кормили ее все, кому не лень. В общем, благодать.

Однажды очередным своим детским утром я был орошен новостью о смерти всеобщей любимицы. Смерть наступила от рук, а точнее от огнестрела какого-то соседа, который особенно ни с кем не общался и плохо ладил с капитаном в своей голове. На тот момент меня действительно одолело горе. Никому не нравится, когда умирают невинные. Тогда-то я и осуществил свою первую детскую месть.

Многие мальчики в детстве делали самодельные луки и стрелы. Так я был в этом деле профессионалом. У меня было несколько луков и стрел из разной древесины с разными наконечниками. В следующую ночь после смерти Бруклина я незаметно ото всех обстрелял крышу дома, где жил убийца, огненными стрелами, стараясь захватить большую площадь. В итоге на утро мой рейд дал именно тот эффект, на который я и рассчитывал. Дому нанесен был значительный ущерб, пожарные установили причиной возгорания короткое замыкание.

Бруклина мы похоронили под тем же деревом, где был мой дом. Ну а все псы попадают в рай.

Антон Сергеев

Тишина

Ньрок ключа в артезиане
 Замочном обернулся в полустон
 Защелки, виновато звякнул,
 Аукнулся в прихожей, на пустом
 Причале умер подзеркалья.
 Люминисцентный вечер, с потолка,
 С плафонов нехотя стекая,
 По комнатам плывет, и в уголках,
 На полках, в подоконных нишах
 Взгляд-память натькается на мель,
 Осадок: было, мол, да вышло,
 «И только лишь холодная постель...» -
 Ох, ..., какой прелестный штампик.
 Давай, посмейся, весело тебе?
 Сожги тоску паяльной лампой,
 На празднике открытых вен убей,
 Распни на вешалке, в стакане,
 Полупустом, конечно, утопи.
 Соплей не жуй: любовь не ранит,
 Но позволяет опыт накопить
 Довольствоваться тем, что было.
 Ушло? Подумаешь! Придет потом...
 ...Но стены упрутся в затылок,
 И на глазах свет сходится клинком,
 Минуты - век, и горло режет
 Несвязный шепот, крик «люблю, верну!»
 Но удивительно: как прежде
 Слова не наполняют тишину,
 Но тонут в мутном зыбком иле,
 Вдыхают душу в глинистое зло -
 Ничто из нечта, Vivum Nihil,
 Беззвучным эхом «было и ушло»
 Бездвижному въедаясь в поры -
 Голодный, первобытный троглодит -
 Кусками, грубо и топорно
 Вытягивает сердце из груди.

Катаржина Кутиковска

Тишина

Бросив скейт на траву, сидишь.
Ходят тучи, совсем беззвучны.
И вокруг вот такая тишь,
Глушит мысли, минуты глушит.
И вокруг вот такая зябь,
Непостижен и безответен,
Вбок по озеру гонит рябь
Холостой, бесполезный ветер.
Может, в небе случится дождь,
Ветер тучи сожмёт покрепче.
Всё сидишь, всё чего-то ждёшь,
И без голоса что-то шепчешь.
Есть какой-то волшебный финт
В том, что на том же самом месте
Снова ты, как тогда, один,
Напеваешь всё ту же песню,
В том, что сгустки тогдашних чувств
В мёртвом воздухе остаются.
И вокруг вот такое «пусть!»,
И вокруг вот такое «пусто».
Там, откуда мечтал – на взлёт,
Покрываясь гусиной кожей,
Изо дня в день, из года в год
Всё сидеть, постигая ложность
Хода времени, мнимонювь.
Просто час добивая новый,
На былинки разбрызгать кровь,
Мелких, божьих, блажных коровок.
Никуда ты не улетишь
В этот раз – и в другой, и в третий,
Если в мире такая тишь,
И во всём вот такой вот ветер.

Лора Лашкова

Два берега

*«Быть может, в нас, осколках, отразится
Хотя бы искра Божьего блистанья».*

Хорхе Луис Борхес. Закат.

Кому даром много дано, тот не видит и не слышит. Дом стоял на берегу городской реки. Город был мрачен, дождлив и тесен, город был неприветлив, угрюмо глядел стенкой на стенку в глухих колодцах, а здесь, у дома на набережной, утром в хороший день солнце заливало двор до краев, до крыши, днем висло над ней, раскаляясь и морща воздух, а вечером над заливом пылти, отражаясь, такой красоты закаты – весь фасад этого дома пылал то розовым, то оранжевым. Но все его окна, кроме нескольких, защищались от восходящего и заходящего солнца жалюзи и плотными, густо собранными шторами. Никто в этом доме не подходил к окнам, чтобы посмотреть на небо, мосты, кораблики, багеты птичьих животов или на новогоднюю подсветку старых, прекрасно скрюченных ясеней. Даже кошки сидели на подоконниках затылками к свету, будто он им триста лет надоел, будто всю свою кошачью жизнь они промурлыкали на средиземноморском побережье. По ночам (даже белым) за занавесками от солнца включали электрический свет. Стоял этот слепой дом, поворотив глаза зрачками в душу, вместо того, чтобы открыться навстречу радости.

Но эти три окна. Они были распахнуты. В одном из них, высоко, не было видно ни штор, ни жалюзи, ни люстры, ни очертаний мебели. Там никто не мелькал. Если бы не перемычки рамы, это окно выглядело бы, как провал, как черная пустая глазница. На первом этаже занавеска была отдернута, на подоконнике призывно, как фонарь над входом, блестело хромированным ободом круглое зеркало величиной со срез хорошего арбуза: томная девушка с вытянутым бледным лицом плавно и сосредоточенно расчесывала длинные

мокрые волосы, держа блестящую прядь, как скользкого живого угря с торчащим секущимся хвостом. От каждого движения щеткой угорь судорожно сжимался и подрагивал. Над головами хмурил седые брови Лев Толстой, втиснутый между жирных спинок старых запыленных фолиантов на ободранной книжной полке. Полка висела криво. Видимо, прибить было некому... Третье окно звучало. Там переливался, швырял горошины в рассыпную и тянул каучуковую жилу бархатный сакс, падая в воздушную яму, жалуясь и взмывая.

Слепой дом – в одиночку – стоял впритык к реке, в этом месте она изгибалась и ближе всего к нему подступала, будто городской зверь собирался припасть к черной воде. На противоположном берегу можно было занимать места в театре. Ставили пьесу «Слепой дом, или Голова городского зверя, пьющая из реки и живущая тремя распахнутыми окнами». Зрители приходили и уходили, берег щетинился удочками, на бетонных плитах расстилались большие яркие полотенца, в кустах подметалось специально принесенным веником – после воскресных пикников берег щерился красочным мусором, и только изредка ядовитый апельсин домового дворника перекатывался в пушистой ласковой зелени, которую ветер тормозил и приглаживал, а апельсин оставлял после себя высокие черные пластиковые мешки, прислонившиеся к стволам тополей, как ватные обессиленные пьяницы.

Да, люди приходили и уходили, зрители менялись, но были среди них и постоянные. Женщина с веником облюбовала проплешинку в центре высоких кустов – она любила загорать без одежды и к концу лета превращалась в сплошную молочную шоколадку с выгоревшими снежными волосами. Было непонятно, сколько ей лет, да и какая разница. Мальчик-подросток в школьной форме, видимо, очень не любил школу, потому что приходил на берег почти каждый день, бросал рюкзак возле кострища и неподвижно сидел на бревне, обняв колени и глядя в одну точку. И был еще один человек, напоминавший заинтересованного зрителя. Так обычно ведут себя люди, имеющие отношение к актерам, режиссеру или автору пьесы. Они иначе, чем все, взволнованны, оглядываются на зал в попытке под-

смотреть впечатление, не упустить чего-нибудь важного, и всем своим существом они на сцене – там, где отделенная невидимой четвертой стеной, творится своя жизнь. Такой театрал больше всего на свете мечтает стать невидимкой и оказаться в самой гуще происходящего: подойти к актеру впритык, сжать свои руки нервным узлом, чтоб в порыве чувств не задеть человека и не обнаружить свое присутствие, заглянуть ему в лицо, прямо в глаза, пока он кричит и плачет: больно тебе? Любишь ли ты? Кто ты сейчас? Не режешь ли ты себя? Я с тобой, родной. Я рядом.

Этот человек любил разжигать огонь, даже днем. Он приносил с собой мелкие щепки, завернутые в сухую газету, нехитрую еду, нужную ему, потому что он проводил на этом берегу все свои дни. Из большого свертка, перевязанного бечевкой крест-накрест, он доставал и толстую книгу, с ней же налегке и уходил. И бумагу, и бечевку он сжигал в последнюю очередь и долго сидел возле маленького горячего солнца – до сплошной темноты, до середины ночи. Посередине берега, между двумя мостами, прямо напротив черного безжизненного окна плескались над жаром угольев немые холодные протуберанцы, будто сигналы, будто речь на неведомом языке, попытка установить связь. Деревья, кусты, люди и мешки с мусором – все становилось неразличимым – только черная бархатная полоса над чешуйчатым шарфом реки – и эта пульсирующая ярко-желтая точка, одна во всем мире, бьющаяся, как чей-то пульс, выдавала присутствие человека, как красный индикатор подсказывает в темноте, где находится телевизор.

Между этим странным человеком и открытым пустым окном существовала прочная связь. О том, что невидимая ниточка протянулась, свидетельствовало поведение самого мужчины. Пока он шел по берегу от одного из мостов в направлении другого, он время от времени поглядывал на это окно. Остановившись на поляне, человек, как правило, снимал пиджак или куртку и подыскивал ветку или сучок, чтобы повесить одежду. Оглядываясь по сторонам, он не забывал еще раз посмотреть на то самое окно. И весь день, и полночи – все время своей странной жизни на берегу – мужчина совершал свой ритуал, устанавливая с другим берегом энергетический коридор, будто это он был

на сцене и разыгрывал некое действо, полное драматизма и значения. Хотя судя по его привязанности к окну на противоположном берегу, именно оно было для него средоточием, гнездом важного загадочного смысла.

В пустой комнате у открытого окна, прямо на кровати на матрасе, положенном просто на пол и придвинутом как можно ближе к батарее и подоконнику, под пение саксофона за стеной, который умолкал только к вечеру, лежала на спине женщина, которая не понимала, сколько ей лет. Она смотрела в небо, уложив голову на щеку, и была неподвижна, как неживая. Ее очертания напоминали загорающих на другом берегу, только она была в домашней одежде: просторных парусиновых штанах и глухой футболке с длинными рукавами. Она не думала, не вспоминала, не мечтала. Она просто смотрела в небо. В ее внимании к скромным небесным событиям была такая сосредоточенность и даже жадность, будто она боялась упустить малейшую подробность: санный след самолета, булку чайкина живота, красоту перистого облака или смену цвета неба перед дождем. В действительности она впитывала в себя море света – и только. И ей все было мало. Шестнадцать лет до этого во дворе-колодце на первом этаже старинного питерского дома вся ее жизнь протекала за задернутыми шторами, и когда становилось совсем невмоготу, она мечтала вот о таком окне и о таком виде из этого окна. Тогда же она придумала, что не будет покупать кровать, а только выберет матрас получше – и соорудит подиум вровень с подоконником, чтобы можно было, просыпаясь, видеть реку, тропинку вдоль берега, старые деревья, чуть подальше – залив и, конечно – небо.

Но когда женщина переехала в новую квартиру, она была уже другим человеком. И когда посредине пустой комнаты появился огромный сливочный атласный матрас, запакованный в добротный жесткий целлофан, она представила почему-то не радость, которая ждет ее по утрам, когда она, лежа на подиуме, откроет глаза и посмотрит в окно, а неприятное жжение и ужас от одной только возможности чужого взгляда.

...Сколько дней мужчина приходил на берег и смотрел на выбитый зуб пустого окна наверху слепого фасада? Он

не считал. Наверное, прошло уже около недели, и человеком начинало овладевать тягучее безразличие. Она всегда вела себя так. После ссоры замыкалась и переставала разговаривать, смотреть, реагировать – будто он уже не существовал для нее. Поскольку он был очень умен, он был человек мягкий, уступчивый, и совершенно терялся перед ее демонстративной пустотой, которая разрушала его, как чужая система, непонятная и враждебная. Он встал с бревна, в затекших ногах растеклось легкое щекотное покалывание, поднял с земли нераспечатанных сверток, потянулся за курткой, снял ее с ветки – она смешно подпрыгнула, как живое существо, приглашающее поиграть. Мужчина долго не мог попасть в рукав, аккуратно высвободился, постоял в нерешительности, а потом постелил одежду на траву, лег ничком и закрыл глаза. Веточка запрыгала под тяжелыми каплями дождя, закивала, заплакала. Мужчина так и остался лежать.

Из окна пахло свежестью, задрезжал металлический козырек, как жестянка-трещотка, залив дыхнул, в дымоходах завывли волки. Женщина очнулась от своего забытья, оперлась о подоконник, как дитя, положив голову на руки, щекой на тыльную сторону ладони, и стала смотреть на противоположный берег, реку и тропинку у дома. По прогулочной дорожке в ярком летнем платье пузырем красные маки на белом – медленно ехала на велике девочка с длинными волосами, задрал вверх чуть вытянутое бледное лицо и улыбаясь. Под кустом шиповника в одуванчиках сидела овчарка в дорогом кожаном ошейнике с чем-то блестящим и провожала прохожих поворотом головы. Вот она привстала навстречу мужчине, который быстро шел, неловко держа над головой пакет вместо зонта, но затем опустилась на место и положила голову на вытянутые лапы. На том берегу под деревом лежал странный человек, не пытаясь спрятаться от дождя. Что-то в его очертаниях показалось ей знакомым. Она резко выпрямилась, стоя на матрасе на коленях и стала напряженно вглядываться вдаль. Дождь усиливался. Надвигалась буря: и за окном, и внутри женщины.

Ей захотелось сорваться, наплевать на все горести и беды, изменившие ее, казалось, бесповоротно, добежать

под дождем до того странного, лежащего под дождем человека, похожего на овчарку, и растормошить его, и выкинуть в мокрые кусты дорогой ошейник, и целовать умные влажные собачьи глаза, и ломать, смеясь, мягкие прозрачные ушки, и забрать домой брошенное и забытое хозяином существо!

Но черная вода реки была непреодолима. Все, на что хватило женщины – это пережить внутри себя, волнуясь, эту возможную историю, которая молнией пронеслась у нее в воображении, и пойти на кухню, и поставить чайник, и подумать о саксофонисте: «Не Чарли Паркер, конечно, но хорош. Повезло, что за стеной, а не в квартире».

Белая костяная чашка уютно звякнула о блюдец.

Скоро ты станешь обычной сукой, поверь, и распакуешь все свои коробки с вещами, и повесишь на окна шторы. Зуб даю, ты закажешь их в дорогом стильном магазине. Непременно.

Георгий Кольцов

Решётки окон, Шейнов бастион,
усталый клерк, идущий на работу, –
опасность лезвия за каждым поворотом
висит над ним; моторов баритон
и крик ворон слились в одно, как Отто
Рехагель с кромкой поля в летний зной,
нещадно матеря кого-то.

Раздетые растенья лижет смог,
и небо скупо как герой Мольера.
здесь ранее состряпали карьеру
такие люди как... не помню.. ок.
из кабинетов царской жандармерии.

Когда б ни близость западных границ,
сюда б сослали русских декабристов –
их жен не подпустили бы на выстрел
к мужьям, и голоса картавых птиц
над крышами жилых гостиниц
пропели бы вот эту им: «Проститься,
я глаза закрываю..» –
и дамы прятали бы руки
в уют дорожных рукавиц.

Несовершенство ярмарочных улиц –
и тяжелей всего дорогу к дому
найти, когда в архитектурный омут
вступил ногой и провалился ниц.
«Бежать отсюда» – это аксиома
размером в годы, прожитые мной в N-иц-
ком переулке в доме №

Андрей Политов

Песнь Чёрных Городских Деревьев

Песнь Чёрных Городских Деревьев
Чернилами разлита в воздухе.
Синее до черноты небо,
Здесь вечный холод.
Чёрный сгоревший дом
В синеве казённой краски.
Здесь нет радости,
Деревья её не знают.
Мир чёрных деревьев
Дымом несётся ко мне.
Окно барака.
Чёрная смерть.

Юлия Исакова

Где-то обязательно есть места, которые ещё надо посетить.

Где-то есть больше пяти сотен сортов чая, который предпочитают единицы, но все его покупают, потому что вкусы людей бывают разными.

Где-то не задумываются о назначениях чёрного ящика или собственного тела.

Настроение как электричество в местах, которые бледно обозначены на картах, только тех картах, которые продаются в этих бледно-обозначенных местах. Иногда свет так ярко светит, что приходится подносить ладони к лицу, чтобы глаза не болели от яркости лампы... А иногда приходится искать свечи или старую лампу, чтобы как-то осветить своё пространство... А остается неизменным лишь одно, перебои в электричестве.

Возможно, потому что некому заниматься данной проблемой, или потому что многие жители этих мест находят смирение даже в дискомфортной для них ситуации... есть и такие, которые устали искать свечи и лампы, они могут наслаждаться темнотой, или же, наоборот, сидеть в страхе и не двигаться, потому что никогда не знаешь, куда устремится твое тело в неосвещенном пространстве, даже если это ваше пространство.

Впрочем все это не важно... А что действительно важно вы не узнаете, потому что у нас отключают элек...

Рисунок к пьесе Антона Горьковского «Зачайкаловы»

Ольга Платонова

ДИСПЕТЧЕРСКАЯ

Ольга АНИКИНА. Живёт в Сергиевом Посаде. Родилась в Новосибирске.

Стр. 66 Врач, кандидат медицинских наук. В 2011 году поступила в Литературный институт им. Горького на семинар поэзии Г.И. Седых. Стихи опубликованы в газете «Вечерний Новосибирск», в журналах, в сетевых журналах. Автор трёх поэтических сборников, лауреат многих поэтических фестивалей.

Александр АНИПОВ. Родился в 1987 в Москве. Работал на нескольких ин-

Стр. 17 тернет-порталах. Публикации статей в «Литературной Газете», стихов – в сборниках. Участвует в арт-проектах, пишет тексты песен.

Татьяна БАШИНСКАЯ. Поэт, арфистка, художник и кочегар.

Стр. 148

Татьяна БЕЗРИДНАЯ, г. Братск. Окончила Литературный Институт

Стр. 67 им. Горького. По первой специальности – социальный работник. Член Союза Российских Писателей, участник ежегодного Фестиваля Поэзии на Байкале. Работа с начинающими авторами, организация литературных мероприятий.

Павел БЕЛЯЕВ. Живёт в Кемеровской области. Публикуется в газетах, сбор-

Стр. 142 никах, альманахах. Пишет в жанре славянского фэнтези.

Александр БЛИНОВ. Постоянный автор «Вокзала». Художник и архитектор

Стр. 58 из Санкт-Петербурга.

Никита БУБНОВ. Родился в Петербурге в 1997. Сейчас проживает в Варшаве.

Стр. 108 Занимается литературными переводами.

Иван БУТРОВ (Кадочников Вячеслав Меркурьевич). Родился в 1958 году

Стр. 76 в Пермской области. Окончил Политехнический институт в Харькове, где и проживает.

Андрей БУДАРОВ, 1981 г.р. Родился и живёт в Вологде. Освоил ряд профес-

Стр. 56 сий – от автоэлектрика до охранника, от грузчика до библиотекаря, от работника хлебозавода до журналиста. Окончил филологический факультет ВГПУ. Публиковать прозу начал в 2004 году. Рассказы и очерки печатались в антологиях, альманахах, других изданиях, переводы публиковались в журналах.

Поль ВАЛЕРИ (1871–1945; наст. имя – Амбруаз Поль Туссен Жюль Валери) –

Стр. 112 французский поэт, эссеист, философ.

Поль ВЕРЛЕН (1844–1896) – французский поэт, один из основоположников

Стр. 110 литературного импрессионизма и символизма.

Елена ВОЛОГОДСКАЯ (Хисимэль), 1972 г.р. – поэт-менестрель, исполни-

Стр. 134, тель песен в жанре фэнтези-фолк, лидер группы «Верхолесье»
147 (гитара/вокал), лауреат фестиваля авторской песни «Лампушка».

Участница группы «Ураган тишины» (аккордеон). Окончила биолого-почвенный факультет СПбГУ.

Лилия ГОЛОВА – писательница, журналистка, основательница медиа-проекта GolovaPR, художница. Донецк.
Стр. 164

Валентин ГУСАЧЕНКО: «Строка нулевая: 06.05.1990, проживаю в г. Ростов-на-Дону, аспирант мехмата ЮФУ. Строки первая и вторая: публикации в журнале «ФанCity», газете «Массаракш! Мир наизнанку», в альманахе «Порог-АК» – все бумажные; альманах «Фантаскоп» – аудиоверсии, журнал «SFL» – электронный».

Андрей ДЕМЬЯНЕНКО. 1974 г.р., Ленинград. Автор прозы, рисунков, стихов, песен.
Стр. 9

Игорь ЗИБОРОВ. Днепродзержинск. Родом из Курской области.
Стр. 31

Яна ИВАНОВА. Автор из Санкт-Петербурга. Студентка университета Кино и Телевидения.
Стр. 173

Юлия ИСАКОВА, 1985 г. р.: «Родилась в Москве, но наивно называет себя космополитом. Изучает психологию с 2003 года, дважды переквалифицирована в перинатального и клинического психолога».

Сергей КАСАТКИН. Автор из Санкт-Петербурга.
Стр. 138

Иван КАТКОВ. Родился в 1986 г. в городе Актюбинске. Проживаю в Дзержинске Нижегородской области. Учился на филологическом факультете в Нижегородском Государственном Университете им. Лобачевского. Публиковался на сайтах

Раймон КЕНО (1903–1976) – французский писатель, поэт, эссеист, переводчик, участник сюрреалистического движения, один из основателей УЛИПЮ (Мастерской Потенциальной Литературы или Управления Литературной ПЮтенциальностью), Трансцендентальный Саграп Патафизического Коллежа, директор «Энциклопедии Плеяды».

Николай КИПЕЦКИЙ. Автор из Санкт-Петербурга.
Вклады

Наталья КИСТИОН. Автор из Санкт-Петербурга.
Стр. 3

Инна КИТАСОВА. Стихи пишу с 1986 г. Учителем считаю (и всегда считала) Геннадия Жукова, и не только в Поэзии. В 2005 окончила Институт журналистики и литературного творчества. Номинант Международного литературного конкурса «Русская Премия» – 2011.

Георгий КОЛЬЦОВ: «Родился в Смоленской области. Образование – 10 классов школы. 4 года учился на филфаке, работал на разных работах, путешествовал».

Константин КОМАРОВ. Поэт, литературный критик, филолог. Родился в 1988 году в г. Свердловске. Лауреат и финалист ряда литературных премий. Живёт и работает в Екатеринбурге.
Стр. 64

Дмитрий КОРОЛЁВ: «Работаю в основном в жанре мистики и ужаса. Изредка – постапокалипсис. Стараюсь следовать традициям, заложенным еще мастерами жанра. Пишу мрачно, кроваво, но всеми силами стараюсь продвигать тему человечности, понимания и осознания как такового».

Кристина КОСТЕНКО. Родилась в 1987 году в Новороссийске. Первая публикация состоялась в журнале «Союз писателей, № 2/2014». Два художественных образования – модельер одежды и дизайнер среды. Состоит в творческом союзе художников России и молодёжном литературном объединении «Авангард», участвует в выставках графики и фотографии.

Катаржина КУЛИКОВСКА. «Я Nihil Net – очумевший себя-писатель. Рифмую о предрасветных отчаяниях на ничейной полосе, глазами – в небо. Иногда дарю вечности. Обращайтесь».

Лора ЛАШКОВА. Автор из Санкт-Петербурга.

Стр. 182

Максим ЛЕГОСТАЕВ. Автор из Москвы. Студент университета экономики, статистики и информатики.

Евгения ЛЕЙСБЛУС. Родилась и живёт в Санкт-Петербурге. Училась в разное время на художника, фотографа, режиссёра анимации.

Пётр ЛОДЬГИН: «Родился в Москве в 1984. Окончил биологический факультет МГУ. Работаю во Дворце пионеров на Воробьёвых горах заведующим Ботаническим садом».

Юрий ЛОЙКО. 1988 г. р., Севастополь. Окончил Севастопольский Национальный Университет Ядерной Энергии и Промышленности по специальности радиохимик. Имеет сетевые публикации, некоторые под псевдонимом Юрий ЛОЙ.

Стефан МАЛЛАРМЕ. (1842–1898) – французский поэт, примыкавший сначала к парнасцам (печатался в сб. «Современный Парнас»), а позднее стал одним из вождей символистов. Отнесён Полем Верленом к числу «проклятых поэтов».

Анри МИШО. (1899–1984) – французский поэт и художник.

Стр. 113

Наталья МЯВЧА, г. Иркутск: «Скорее музыкант, чем поэт».

Стр. 85

Анна НОВОЖИЛОВА: «Мне так понравился журнал «Вокзал», что захотелось тоже в нём оказаться».

Андрей ОРЛОВ. Данных нет.

Стр. 70

Сергей ПЕТРОВ, 1960 г. р.. По специальности юрист. Литературным творчеством занимаюсь с 2011 года. За это время имел публикации в журнале «Юность», «День и ночь», «Млечный путь», «Контрабанда» и многих других.

Ольга ПЕЧЕНИНА. Родилась в Курске. Живёт в Петербурге. По образованию
Стр. 4 психолог, философ. Увлекается живописью и дизайном.
72, 192

Антон ПОГРЕБНЯК. Родился в 1978 в Ленинграде. Живёт в Санкт-Петербурге.
Стр. 4, 73, 191 Образование: Политех (с отличием) – магистр физики. Кино и Телевидения – художник-аниматор. Работает web-программистом. Поэт, прозаик. Публиковался в «Неве», сборниках ЛИТО. Автор книги стихов «Патриции».

Игорь ПОЛИВАНОВ. Автор из Очаковского района Николаевской области.
Стр. 24

Андрей ПОЛИТОВ, город Пермь. Выпустил альбомы «Песнь чёрных городских деревьев» (2007) и СМРТ (2010). Пишет стихи, учился на философском факультете.
Стр. 189

Серафима РАДЧЕНКО. 1983 г. р., живу в Санкт-Петербурге, филолог по образованию.
Стр. 16

Александра СЕМЁНОВА: «Родилась в 1997 году в Петербурге, 6 июня, в день рождения Александра Сергеевича Пушкина. Публиковалась в «Музах на Фонтанке», сборнике клуба «Дерзание», в журнале «Алый Парус» Аничкова дворца».
Стр. 35

Антон СЕРГЕЕВ. «Редкая птица при тихой погоде. Питерский студент-медик и любитель забраться повыше. Более-менее серьезно стихоплетствовать начал примерно год назад, выкладывает стихи на страничке Вконтакте «Драконы на обоях». Ах, да. В свое время (22 года назад) успешно родился, а чуть позже не менее успешно закончил детский сад».
Стр. 23, 63, 129, 137, 180

Юлия СЕРЯГИНА. Преподаватель немецкого и английского языков, студентка магистратуры Томского государственного педагогического университета.
Стр. 39

Наталья СИЛАНТЬЕВА: «Биографии никакой особой не имеется – родилась, училась и пр. Неинтересно».
Стр. 62

Вадим СМОЛЯК. 1965 г. р., Ленинград. ЛГИК 1985. О себе: «Профессор кислых тщей. Поэт-бормотун. Яркий представитель квазидетской литературы и раннего иронического пессимизма. Пишу стихи и рассказы для детей и взрослых, сценарии мультфильмов. Лауреат конкурса малой прозы «Белая скрижаль – 2010». Искренне убежден: для детей не надо писать лучше, чем для взрослых. Для всех нужно писать одинаково хорошо».
Стр. 155

Сергей СТРАТАНОВСКИЙ. (1944, Ленинград) – русский поэт.
Стр. 110

Наталья СТУПНИКОВА, 20 лет: Родом из города Сочи, учится в Петербургском университете технологии и дизайна.
Вклады

Андрей СУРКОВ: «Родился в 1983 году в Краснодаре. По образованию – математик-программист. Пишу стихи, малую прозу, создаю музыку, занимаюсь фотографией. Печатался в нескольких литературных сборниках и журналах, участвовал в региональных фотовыставках».
Обложка

Георгий ТАРАСОВ. Автор из Санкт-Петербурга.

Стр. 161

Анна ТАЩЕНКО: «Пишу под псевдонимом Анна Лисицина. 23 года, родилась в Кривом Роге, сейчас живу в Киеве. Социолог-аспирантка, называю себя «поэтосоциологом». Люблю юмор и философскую лирику. Публикуюсь с 2013 г.»

Дмитрий ТЕРЕНТЬЕВ. Родился в 1987 г. в городе Горьком. Окончил музыкальную школу, Нижегородское Речное Училище им. И.П. Кулибина; юридический факультет ННГУ им Н.И. Лобачевского. Стихи опубликованы в газетах и сборниках поэзии. Книга стихов «Человек дождя». Лауреат конкурса «Северная звезда», дипломант поэтических конкурсов.

Игорь ТКАЧЕВ. Данных нет.

Стр. 32

Наталья ТРОИЦКАЯ. Родилась в Саратове. Филолог, искусствовед. Работала в художественном музее имени А.Н. Радищева. В ГМЗ Петергоф, БГТУ и ПИ «Ленпроект-Реставрация». Живёт в Кронштадте.

Ольга ТУРКИНА. Родилась в 1988 в Ленинграде, живёт в Санкт-Петербурге. Окончила СПбХУ им. Н.К. Рериха. Автор книг «Обратная сторона» (2012), «Да Нет» (рассказы), «Обратная сторона солнца» (стихи, графика), а также публикаций стихов, иллюстраций и прозы в российских изданиях. Участник российских поэтических фестивалей. Лауреат премии «Молодой Петербург» (2011). Редактор «Вокзала».

Ольга ФЁДОРОВА. 1975 г.р., Санкт-Петербург. Писатель, поэт, переводчик, музыкант. Обладательница Гран-При Международного литературного конкурса о музыке «Бекар»-2005.

Татьяна ФРОЛКИНА. Автор из Санкт-Петербурга.

Стр. 43

Ефим ХАЗАНОВ. Данных нет.

Стр. 133

Алёна ШИПИЦЫНА. Родилась в 1980 году, в деревне Улзет (бывшая кумысолечебница), Аларского района, Иркутской области. Многочисленные публикации. В январе 2014 года издан первый сборник «Вовремя».

Елена ЩЕТИНИНА. Родилась в 1981 году в г. Омске. Культуролог, историк, журналист, киновед, театральный критик и пр.

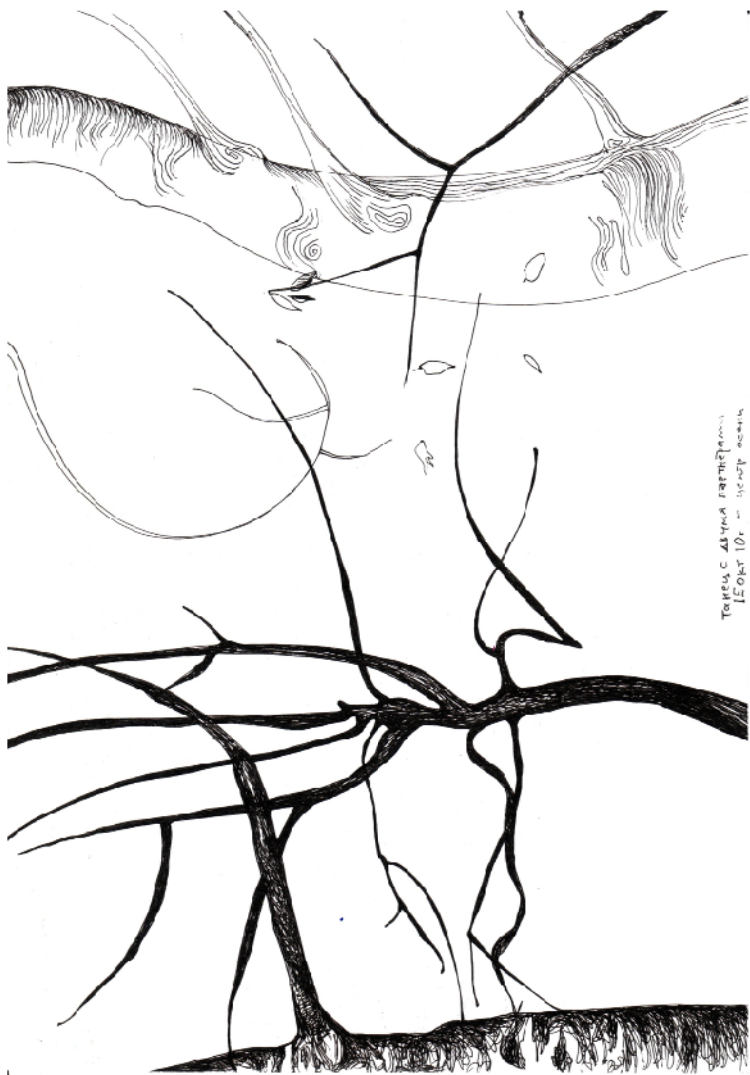
Владислав ЮЖАКОВ. О себе: Поэт, художник, журналист. Место жительства – Петербург.

117

Эрна ЯМАКОВА. Учащаяся клуба «Дерзание», лауреат конкурса «Творчество юных».

Прозроч. Орина Шыгырма

Третья с дубом ветвь
150 см 10 в 1 см 10 в 1 см

Рисунок: Орна Шибана

ПРИВОКЗАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ

Инна Кипасова

Зеркало

Субботный вечер за гостями стих,
А в Зеркале, строкою не владея,
Другая я укладывает в стих
Свои потусторонние идеи.

Мы четверть жизни одолели с ней
В согласии – мы сотню лет знакомы,
Но что мне проку от её идей? –
С той стороны свои стихозаконны.

С той стороны – потёртое пальто,
Старательно копируя движенья,
Другая я наденет, веря в то,
Что это я – её отображенье.

И вера эта – да пребудет с ней,
А я – с трудом преодолев зевоту –
Пойму однажды ясного ясней,
Что это я копирую кого-то.

журнал "Вокзал" можно приобрести

в Петербурге:

*редакция Вокзала:

+79500251837

*арт-галерея "Борей":

Литейный пр., 58

*книжный клуб

"Все свободны": Мойка, 28

*креативное пространство

"Четверть": магазин "Проектор" -

пер. Пирогова, 18

*книжный магазин

"Порядок слов": Фонтанка, 15

*арт-центр "Пушкинская, 10"

(вход с Лиговского,

за "Фиш-фабрик" налево)

*арт-клуб "Жук"

("Старая книга"): Гороховая, 39

*магазин "Свои книги":

1-я линия В.О., 42

в Москве:

*книжный магазин

"Фаланстер": Малый

Гнездииковский пер., 12/27

*книжный магазин

"Ходасевич": ул. Покровка, 6

мы на связи

почта:

vokzal@piset.net

группа ВКонтакте:

vk.com/club2472063

сайт: vokzalspb.ru

Каждый экземпляр выполнен руками редакторов
каждый экземпляр выполнен руками редакторов